

Затмение

Айя Субботина

глава 1

— Я слышала, «Тихий сад» кто-то купил, — говорит почтенная тали'са[1] и почему-то смотрит на меня, а не на свою соседку, как будто догадывается, что к чему. — Интересно, кому понадобилась старая гряда камней и пыли?

— И призраки, — просыпается ее соседка, которая всю дорогу, пока мы медленно едем в покачивающемся дилижансе, только то и делала, что зевала. Не уверена, что она хотя бы пыталась вникнуть в истории о внуках, нерадивой жене любимого сына, о том, что в Фрибурга[2] совсем перевелись добросовестные пекари и что на именины ее матери доставили черствые булочки с изюмом.

— И еще всякая чертовщина, — оживает тали'са, когда понимает, что ее болтовня нашла благодарные уши. — И вообще, говорят...

Дилижанс резко останавливается, и почтенные дамы очень даже непочтенно и почти хором поминают бесов строго по именам и в алфавитном порядке. Я с трудом сдерживаю улыбку и замечаю, что четвертый пассажир внутри душного салона — молодой мужчина в наглухо надвинутом на глаза капюшоне — поворачивает голову в мою сторону. Тоже только что проснулся? Или притворился, что спит?

Из нас четверых он выглядит «лишним звеном». Поездка в дилижансе класса «люкс» — удовольствие не из дешевых, а этот «случайный» пассажир одет в какую-то рвань, и его сапоги до самого голенища перепачканы красной пылью с рудников. Может быть, он тоже хочет вернуться не через главные ворота? Бежит от чего-то? Каторжник? Словно прочитав мои мысли, незнакомец лениво потирает запястья, скрытые за высокими печатками. Его лица не видно, но улыбка в клочьях неопрятной бороды хищная и смелая. Дерзкая настолько, что хочется фыркнуть ему в лицо. Но я ведь всего лишь молодая женщина с неопределенным статусом и происхождением. А что делают молодые девушки в наше время тайных балов, закрытых маскарадов и ночных праздников с фонтанами из лучших сортов «пряной благодати»? Правильно: оценивают перспективу и улыбаются в ответ. Или морщат носик. Все зависит от количества «перспективы» в кошельке незнакомца.

Я чуть наклоняю голову в приветственном поклоне, обозначая свое «Я вижу, что ты следишь» и он отвечает тем же. Даже не пытается сделать вид, что оказался здесь случайно. Это немного задевает, ведь мое возвращение не должно было стать достоянием общественности. Интересно, сколько он получает, вынюхивая и высматривая? Смогу ли я заставить его замолчать?

— Приехали! — громко кричит возница, и незнакомец ловко для своего немалого роста и отнюдь не щуплого сложения открывает дверцу и выпрыгивает наружу.

Я не успеваю следом, потому что на моем пути уже топчутся тетушки-наседки, и они явно не спешат. Барахтаются в пышных юбках, багровеют от натуги и хором вспоминают времена, когда даже голодранец знал о том, что почтенной тали'се положено подавать руку и выстилать плащ.

Сколько они так копошатся? Достаточно, чтобы к тому времени, когда я оказываюсь на улице, незнакомца уже и след простыл. Я верчусь на месте, пытаюсь угадать на себе пристальный взгляд из укрытия. Когда много лет изо дня в день ждешь удара в спину, невольно учишься подмечать малейшие детали, каждую мелочь, которая выбивается из общей картины. Этот мужчина был мазком масляной краски на постели с морским пейзажем. Но, как бы там ни было, его здесь уже нет.

— Дэш, — привлекает внимание Грим — мой телохранитель. — Что такое?

Он пристально следит за моим взглядом, и я знаю — стоит лишь моргнуть, и этот восточный акробат с повадками ягуара устроит настоящее побоище. Я дважды видела его в деле: первый раз на арене в цирке, где он устраивал шоу за кусок черствого хлеба и «щедрую» порку хозяина, и второй — когда купила его, вручила ключ от ошейника и предложила самому забрать свою свободу. Не уверена, что хочу увидеть это еще раз. Кто знает, скольких посланных по мою голову убийц он успел отправить на тот свет? Точно не я.

— Здесь был мужчина, — говорю я, напрягая зрение, чтобы высмотреть хотя бы пыль на дороге. — Вышел первым. Ты не мог его пропустить.

Грим немного хмурится и отрицательно мотает головой. Даже не буду пытаться его разубеждать, потому что мой телохранитель излишне болезненно реагирует на все, что может поставить под сомнение его безупречное владение темным ремеслом. Он бесконечно предан мне и до сих пор отказывается брать плату за то, что и днем и ночью бережет меня от тех сил, которые поклялась стереть ДэшМеррой с лица земли.

— Показалось, — пожимаю плечами я.

Всю дорогу, пока я ехала одинокой путешественницей, Грим следовал за дилижансом верхом. Может показаться странным и даже неразумным путешествовать вот так, когда за мою голову уплачено ценой красными королевскими «буйволами», но я знаю, что с моей головы и волос не упадет до тех пор, пока бьется сердце моего верного Грима. К тому же его вид слишком экзотичен и грозен, чтобы таскать его за собой в открытую и пугать почтенных матрон. Он-то никак не вписывается в образ брата или жениха.

— Показалось? — переспрашивает Грим, пока мы идем по мостовой прочь от почтовой станции. До главных ворот столицы полчаса пешком — и я хочу использовать это время, чтобы еще раз напомнить себе, кто я и почему добровольно сую голову в волчий капкан. — Говорил, что плохая идея, Дэш.

— Плохая идея — родиться мной, — улыбаюсь в ответ.

— Или теми, кто стоит у тебя на пути? — переиначивает Грим. Он всегда все переиначивает, как будто я какая-то принцесса.

Хотя, погодите-ка? Я ведь и есть принцесса. Без короны, без фамилии, без трона. Принцесса Пустоты. Пока что сгодится и такой титул.

У Грима приятный мягкий акцент жителя восточного континента, в точности под цвет его мягкому загару и темно-шоколадным волосам. И он, поверьте, безупречно красивый мужчина. Даже я порой ловлю себя на том, что просто люблюсь им, когда он каждое утро занимается своим странным восточным искусством боевого танца. В рассветной дымке он похож на божество своего народа: то, что превращается в дракона на погибель всем врагам. Хоть это и всего-то красивая легенда.

Мы медленно идем вперед, и, когда начинает сыпать снег, Грим заботливо укутывает мои плечи в плащ и набрасывает капюшон. Мотаю головой, чтобы избавиться от тряпки на голове.

— Пусть, — останавливаю моего верного спутника. — Хочу снега. Сто лет его не чувствовала.

Когда оказываемся у ворот, редкая снежная крупа превращается в настоящий снегопад: густой, тяжелый, который оседает на плечах и волосах. Очередь из тех, кто желает попасть внутрь, просто огромная, но нам не нужно ждать. Медленно иду вдоль вереницы крестьян, купцов на телегах, торговцев маслом и мехами. Ничего не меняется, даже обидно.

— Вход по пропуску, — говорит секретарь и смотрит на меня сквозь очки. Одно стекло треснуло и явно мешает ему, но ведь без этой ерунды на носу он точно не будет выглядеть таким солидным. На что только не пойдешь ради маскарада? — Или... — Он кивает на ларец для дорожных взносов.

— Прошу, — протягиваю грамоту и, пока он вчитывается в буквы, стряхиваю «белую шапку» с волос. На самом деле читать там нечего, ведь весь смысл в подписи и высочайшей печати, но я даю ему совершить этот обязательной ритуал надругательства и превосходства. Я столько лет ждала, что еще один чинуша на дороге — всего лишь камешек, который я вполне могу и обойти.

Секретарь старательно рассматривает печать, чуть не носом тычется в сургуч с оттиском трехголовой гидры. И не найдя повода придрататься, снова смотрит на меня, явно недовольный, ведь с тех, кто водит дружбу с Трехголовой гидрой, лучше не пытаться вытрясти пару монет в обход ларца. Но мне нетяжело. Зачем портить человеку день? Делаю незаметный жест Гриму — и он брезгливо кладет на стол пару серебряных монет.

— Обязательно идти у них на поводу? — спрашивает без намека на раздражение, хоть мы оба знаем, что в его жизни подобные люди сыграли роковую роль.

— Это просто серебро, Грим, — отвечаю я — и тону в ворохе городских запахов.

Хотите знать, как пахнет дом? Коровьими лепешками, кукурузным хлебом, кислым вином и лавандовой водой. И только в последнюю очередь — домом.

— И это хваленый Фрибург? — морщится Грим, лавируя, чтобы не угодить сапогом в катышки, с пылу с жару вываливающиеся из-под хвоста идущей впереди козы. — Вонь. Снег. Собачий холод.

— Лучше, чем комары, тропические болезни и изнывающий зной?

Для него — не лучше, ведь он там родился. А мне по душе северные лошади-тяжеловозы, снег, вьюга, холодные сквозняки и возможность спастись от них, кутаясь в роскошные меха и треск поленьев в камине. Мне очень не хватало всего этого. И какая разница, что дом воняет навозом, если это — дом?

Чувствую себя перелетной птицей, которая слишком долго не возвращалась на родину, а, когда наступила оттепель и окрепли крылья, оказалось, что в стае она настоящая чужачка: и оперенье не

такое, и поступь, и даже взгляд.

— Ты просто слишком красивая, — бормочет Грим, но мы оба знаем, что это не комплимент, а улика, за которую могут зацепиться мои преследователи. Упрямец снова тянет на меня капюшон — и на этот раз я сдаюсь. — Стоило так рисковать?

— Просто хочу размять ноги.

Он зыркает на меня с подчеркнутым неодобрением и легко, играючи, неуловимым движением сшибает с ног прущего прямо на меня пьянчугу. Понятия не имею, как он это делает, но не перестаю удивляться. Всегда на полшага впереди, всегда начеку.

— Зайдем? — говорю я, останавливаясь около двери ювелирной лавки.

Грим лишь пожимает плечами и услужливо толкает дверь. Но первой мне войти все равно не дает, потому что так заведено в его личном кодексе верности: если мне припасен кинжал убийцы, то Грим примет удар на себя.

Но убийцы внутри нет.

Хоть человек, на которого я натыкаюсь нос к носу, едва ли более счастливая встреча.

Его Величество, принц Риваль, второй претендент на Трон Луны.

И редкостная тварь.

Впрочем, достаточно красивая, чтобы захотеть спрятать ее под стекло, словно музейный экспонат.

[1]Тали'са — почтенное обращение к немолодой женщине благородного происхождения. В ходу так же: тали (к молодой благородной женщине), таалис (к молодому благородному мужчине) и талл (к благородному мужчине почтенного возраста)

[2]Фрибург — столица государства Абер

глава 2

Я помню его нескладным мальчишкой с непропорционально длинными руками и ногами, но даже тогда он привлекал все женские взгляды вокруг. Если бы можно было охарактеризовать этого человека всего одним словом, это слово было бы — слишком. Слишком темные волосы для жителя северной страны, слишком темные глаза и брови, слишком много в этих глазах надменного холодного блеска.

И всего этого с возрастом стало тоже «слишком» много.

Грим смотрит на него без интереса — сразу оценил, что ни сам принц, ни его охранники не представляют угрозы. Ну, по крайней мере, не здесь и не сейчас.

Я опускаю взгляд в пол, изображая смирение и в этот ответственный момент почему-то думая не о том, что судьба уже начала шахматную партию, а о том, что сапоги у меня не идеальной чистоты. И пока Риваль разглядывает меня сверху вниз, наклоняюсь, чтобы стряхнуть перчатками мокрый снег.

— Ваше Высочество, — произношу без намека на уважение или смирение. И очень вовремя поднимаю голову: в черных глазах столько недоумения и любопытства, что, кажется, с губ высокородной задницы вот-вот сорвется приказ схватить меня и отправить в подземелье для «личной беседы».

Но ничего не происходит, а это может означать только одно — мальчишка все-таки повзрослел, и где-то на пути к двадцати пятилетию ему хорошенько всыпали за гордыню. Или мне просто хочется в это верить.

— Дэш? — произносит он, немного щурясь, будто не уверен в собственной памяти. — Это правда... ты?

На нем военный мундир, вальяжно расстегнутый на груди, белая сорочка и форменные брюки. Ни дать, ни взять — пять минут как с военного парада. Впрочем, о военных подвигах Риваля ходит столько же легенд, сколько и о его подвигах на любовном фронте. Нет повода сомневаться ни в том, ни в другом.

— Здравствуйте, Ваше Величество, — улыбаюсь я, делая знак Гриму, чтобы ничего не предпринимал. — Вы... возмужали.

Риваль подходит ближе, снимает перчатку, чтобы погладить мою щеку тыльной стороной ладони. Если бы у меня было что-то тяжелое, я бы вложила в крепкий удар по царственной голове, а если бы что-то острое — Риваль остался бы без фаланг пальцев, которыми меня трогал. Ни то, ни другое не сулило бы мне ничего хорошего, разве что считать за «хорошо» встречу с виселицей. Поэтому весьма отрадно, что в моих руках лишь грязные перчатки.

— Настоящая красotka! — прищелкивает языком Риваль. — Я сражен и покорен.

«Фу, какая грубая лесть», — мысленно отвечаю я, не спеша нарушить молчание. Пусть павлин немного распушит хвост. Говорят, от этого у них вся кровь приливает к заднице. А раз так, то в мозгу ее будет меньше.

Он обходит меня по кругу, чуть не щупая взглядом за все места. Не могу похвастаться тем, что я так уж щедро одарена, но комплектовать по этому поводу точно не собираюсь. Платье с вырезом нужной формы — и дело в шляпе. Конечно, если речь идет о привлечении внимания мужчины вроде Риваля, который вряд ли так уж высоко ценит умственные способности своих фавориток. Точнее говоря, если слухи верны, все его пассии — круглые дуры. Повод задуматься о том, почему принц с завидным постоянством избегает умных женщин.

Грим хмурится, когда пальцы принца тянутся к моему затылку, и мне требуется все искусство молчаливого убеждения, чтобы заставить верного стража стоять на месте. Ничего не понимающий хозяин лавки — плюгавый сгорбленный коротышка — с перепуганным лицом наблюдает за безмолвной сценой. Футляр в его узловатых пальцах подрагивает, но ювелир вцепился в него, словно в единственную точку опоры.

— Почему не сообщила, что приезжаешь? — недовольно интересуется Риваль. Хотя это скорее укор, чем искренне сожаление. Впрочем, где Риваль, а где — искренность. Некоторым вещам и людям просто не суждено пересечься. — Где ты остановилась?

— Вы задаете странные вопросы, Ваше Высочество, — потупив взор, отвечаю я, хоть на самом деле

мне хочется сказать, что он либо идиот, либо лицемер. Знать, что произошло — и вот так запросто спрашивать, почему я не уведомила о своем возвращении в письменном виде всех проклятых предателей. Хотя, идиот не смог бы командовать армией Абера и делать это так блестяще. — Если память меня не подводит, обстоятельства моего скоропалительного отъезда...

— Брось, Дэш, — отмахивается принц, словно речь идет о сущей ерунде вроде затяжной поездки на воды. — Кто старое помянет, помнишь?

— Помню, Ваше Высочество.

«У меня вообще блестящая память».

Риваль останавливается напротив и снова протягивает руку, чтобы притронуться к моему лицу, но замирает, передумав.

— С оглядкой на наше прошлое, Дэш, нет никакой необходимости звать меня «Величеством».

— Боюсь, Ваше Высочество, мне слишком дорога моя голова, чтобы я позволила себе забыть.

— Это не просьба, это приказ.

Я лишь пожимаю плечами, потому что сказать в ответ совершенно нечего. Приказ так приказ, все равно мысленно я называю его «Его Индюшество» и никак иначе. Риваль, довольный, чуть-чуть приподнимает уголки губ в триумфальной улыбке и пальцем подзывает ювелира. Тот послушно оказывается рядом и приподнимает крышку футляра в ответ на короткое: «Открой». Риваль достает ожерелье с изумрудами. Милая... безвкусица. И камни не самой лучшей чистоты, и само украшение аляповатое. В самый раз, чтобы украсить шею какой-нибудь бестолковой девчонке, но Риваль с легкой руки одевает его на мою шею, дольше положенного задерживая пальцы на коже под застежкой.

— Это слишком, Рив, — говорю я, старательно притворяясь ошарашенной, пораженной и далее по списку. Он собирался осчастливить этим дорогим «ошейником» одну из своих шлюх, но мне не посчастливилось повстречаться на его пути раньше.

О том, что изумруды совершенно не идут к моим синим глазам, я вообще молчу.

— Так, где ты все же остановилась? — спрашивает принц.

Я не хочу отвечать на этот вопрос и пока лихорадочно придумываю, чем бы отшутиться в ответ, дверь лавки распаивается — и на пороге появляется рослая фигура в таком же форменном мундире, но без знаков отличия и перевязи. Зато меч у его пояса не фиглярский — это видно по простой тяжелой рукояти без единого камня.

Еще одно лицо из прошлого — Эван Анпорт, герцог Росс, младший брат короля, дядя Риваля и самый страшный человек во всем королевстве. Единственный, от одного вида которого меня до сих пор бросает в дрожь. От страха и... от тех чувств, которые все эти годы я так отчаянно в себе душила.

Ему тридцать шесть, и он на семнадцать лет старше меня, но я видела в нем мужчину еще когда была совсем девчонкой. Высокий, крепкий, с жесткими, выбеленными солнцем, волосами, глазами цвета морозного неба, тяжелой нижней челюстью и губами, которые не умеют улыбаться. Мне кажется, в тот день, когда надменный герцог Росс даже попытается улыбнуться, небеса разверзнутся, чтобы Триединые лично взглянули на это событие.

Его нельзя назвать красивым в прямом смысле этого слова, но в мужчинах подобного сорта женщин привлекает вовсе не внешняя красота, а их бескомпромиссная уверенность в себе и полное подавление всех, кто слабее. Вот он — серый кардинал Абера, бессердечная птица самого высокого полета.

— Какого дьявола ты тут застрял? — жестко спрашивает Эван, глядя на Риваля убийственно презрительным взглядом. Что ему какие-то принцы, когда все королевство пляшет под его дудку?

Ни намека на взгляд в мою сторону — и я, опуская лицо, потихоньку поворачиваюсь спиной. Ладно, допустим, я немного испугалась, но только потому, что совсем иначе представляла нашу первую встречу после стольких лет «разлуки». Хвала Триединым, он совершенно не интересуется простыми смертными и, кажется, принял меня за еще одну пустышку в длинном списке любовных побед племянника.

— Дядя, ты помнишь Дэш? — излишне восторженно спрашивает Риваль, и в эту минуту мне хочется его убить. — Дэш из «Тихого сада».

— С возвращением, Дэшелла, — с видом человека, для которого это давным-давно не новость, произносит Эван, почему-то глядя не на меня, а на уродливое украшение на моей шее. — Почему без эскорта?

— Люблю путешествовать налегке, — цежу сквозь зубы. — Старая привычка.

Эван смыкает пальцы на плече Риваля — и тот заметно морщится от боли.

— Надеюсь, мой бестолковый племянник выказал все положенные почести?

— Более чем, — говорю я, стараясь игнорировать подчеркнутую иронию его реплики. Мою семью лишили всех титулов, земель и даже права существовать под солнцем, и, если бы не тетка, устроившая мой брак со старым герцогом, я бы так и осталась безродной. И Эван, как главная скрипка в оркестре, сыгравшем похоронный марш моей счастливой жизни, не может этого не знать. — Его Высочество был так любезен, что преподнес мне подарок.

Веду пальцами по холодным камням и, набравшись смелости, смотрю в лицо своему личному страху номер один. Бесплезно — я все еще легко теряю от него голову. Почти так же, как и та двенадцатилетняя девочка, которая влюблялась в кавалеров из рыцарских романов и мечтала о том, что однажды в ее личной сказке Прекрасный принц украдет ее прямо из-под венца с нелюбимым женихом — его племянником, Ривалем.

— Тебе нужно меньше тратиться на выпивку и шлюх, — приказывает Эван и чуть не пинком выпроваживает Риваля к двери. Потом смотрит на меня и небрежно бросает: — Я слышал, ты стала вдовой? Сожалею, герцог был славным парнем. Только такие лихие старые безумцы могут сдохнуть, свалившись с лошади в день своих девяностых именин. Уверен, ты была примерной женой.

Ублюдок следил за каждым моим шагом, но я знала, что меня не оставят в покое и тоже не сидела сложа руки. И точно не играла в открытую. И знает этот умник только то, что я хотела, чтобы он знал. Ну, и капельку больше, но на то он и первый интриган королевства.

Ненавижу его.

— Благодарю, герцог, — отвечаю с подчеркнутой вежливостью. — Тяжелая утрата для всех нас.

Эван идет к двери и, стоит мне попытаться перевести дух, выдает новую порцию приказов:

— Жду тебя завтра к ужину. Помнится, ты любила играть в шахматы?

— Не так виртуозно, как вы.

— В этой стране нет человека, играющего в шахматы так же виртуозно, как я, — бросает он прежде, чем выйти.

«Чтоб ты провалился!» — мысленно кричу ему вслед. Чтобы хоть как-то выплеснуть зло, срываю мерзкое ожерелье и швыряю обратно в футляр. Грим молча забирает и подарок, и упаковку из ослабевших пальцев ювелира. Плюгавый горбун смотрит на нас во все глаза, благоразумно помалкивая.

Я перевожу дух, успокаиваясь идиотской песенкой о том, что на голову каждого мерзавца обязательно свалится большой камень — и случится это не раньше и не позже, а когда следует. Вот только я не собираюсь сидеть и выжидать непонятно чего. И заигрывать с судьбой тоже не в моих правилах, а вот подтолкнуть камни правосудия — посильная задача. Иначе, стала бы я возвращаться?

Достаю из рукава свернутый трубочкой пергамент и протягиваю ювелиру. Ему достаточно лишь взглянуть на содержимое, чтобы тут же низко поклониться своей новой хозяйке.

— Я пришлю другие чертежи, — отдаю свое первое распоряжение. — Неудивительно, что дела идут из рук вон плохо.

Горбун бормочет, что нет подходящих материалов, но я останавливаю его взмахом руки.

Будут материалы, причем из моих собственных рудников. Ведь я — герцогиня Аберкорн, владелица золотых и серебряных шахт, рудников с драгоценными камнями и налаженными поставками янтаря. Слоновая кость, черный жемчуг и звездные сапфиры высшего качества — это тоже я.

И вряд ли даже всемогущий Эван знает, кто держит две трети всего ювелирного производства Абера, ведь в многообразии подставных лавочек и мануфактур сломают носы даже его натасканные ищейки. А когда он опомнится... каждый камень, каждый грамм золота будет в моем кулаке, и от Красного хребта до Мерзлого побережья каждая ювелирная мастерская будет принадлежать мне. Кто владеет золотом и банками, тот владеет миром. Скажете, нет?

— Нужно купить щенка, — говорю я, когда мы с Гримом выходим наружу. — Дорогого. С хорошей родословной.

— Мало тебе волкодавов?

— Это не для меня, — коварно улыбаюсь я. — Хочу сделать принцу ответную любезность.

глава 3

От дома осталось так мало.

Замок, в котором прошло мое детство, выглядит плачевно. Я представляла, что все здесь пришло в упадок, но и не подозревала, насколько сильно. Даже когда мои доверенные писали, что «Тихий сад» нуждается в капитальном ремонте и непригоден для жизни, мне хотелось верить, что они нарочно преувеличивают в надежде вытрясти из меня побольше денег на начало ремонтных работ. Поэтому я решила ничего не предпринимать, пока не увижу все собственными глазами.

Наружная стена и постройки во дворе — все превратилось в руины, которые проще вычистить и построить заново, чем вкладываться в ремонт с сомнительной перспективой. В южной башне дырка на дырке, словно какому-то великану взбрело в голову поупражняться с пращей. Конюшня, кухня, склады, большая часть комнат. Уцелели разве что погреб и подвал, да еще пара комнат, одну из которых по возможности подготовили к моему приезду. По крайней мере, в ней есть камин, и даже окно уцелело, через которое открывается прекрасный вид на Одинокий утес и беспокойный океан.

Я смертельно устала с дороги, и постель манит нырнуть в нее, забывшись сном под ворохом латаных одеял, но есть одно дело, которое нельзя оставить даже до утра. Служанка помогает переодеться в домашнее платье и ошалело смотрит на то, как я подвязываюсь передником и повязываю косынку на волосы. Да, не белоручка я: тетка научила. Жаль, что когда я созрела сказать «спасибо», сердечный приступ уложил ее в могилу.

В подвале сыро и зверски холодно, но именно здесь я черчу графалем[1] три круга — один внутри другого. Достая из дорожного сундука мешочек и вытряхиваю его содержимое в самый центр. Земля, пыль, кусочки камней и обрывки паутины — вот что это такое.

— Давай, Шиира, выходи, — нетерпеливо постукиваю носком, когда спустя несколько минут ничего не происходит. — Я знаю, ты злишься, что пришлось везти тебя вот так, но у меня не было выхода. Обещаю, когда мы наведем порядки, ты получишь всю округу. Будешь хозяйничать, где захочешь.

«И ты не будешь мне указывать, противная девчонка?» — раздается в голове знакомое скрипучее ворчание.

— Клянусь, что и слова поперек не скажу.

«Я слышу твои мысли — и они отличаются от твоих слов», — ворчит голос.

— Иногда, — нехотя признаюсь я. — Послушай, ну а что ты хотела услышать?

«Что ты не будешь как всегда путаться у меня под ногами со своими дурацкими «пожеланиями», — коверкает мой голос Шиира.

— Постараюсь найти компромисс, — соглашаюсь я.

Молчание затягивается еще на несколько минут, но, в конце концов, кольца подсвечиваются голубоватым искристым сиянием — и над кучкой земли поднимается едва заметная сизая дымка. Вытягивается в тонкий ручеек с меня ростом, замирает и растворяется, пропитывая собой потолок и стены, и пол. Каждый камень и пылинку, каждую дверную петлю.

«Ну и холодно здесь!» — ворчит Шиира, и все факелы в комнате вспыхивают ярче.

— Ты быстро привыкнешь, — улыбаюсь я. — У нас куча дел.

Куча оказалась не просто огромной. Она, словно снежный ком, становилась все больше. За что бы я ни хваталась, все это непременно тянуло за собой новую порцию дел, каждое из которых требовало едва ли не первостепенного внимания. И так — до самого вечера, пока я окончательно не сбилась с ног. Не хватило сил даже самостоятельно вползти в собственный дом, благо, Грим всегда крутился рядом и послушно исполнял то роль помощника, подавая мне письменные принадлежности, то роль точки опоры, на которую я облакачивалась, когда ноги отказывались слушать. Шутка ли — обойти все окрестности, заглянуть под каждый камень и составить список всего необходимого. К концу дня записная книжка пестрела от заметок, сносков и длинных перечней. И я, честно говоря, немного терялась перед масштабом трагедии. Одно радовало: Шиира, немного подувшись, все-таки оттаяла и к моменту, как я приволокла ноги в спальню, собственными силами залатала в стенах хотя бы незначительные прорехи.

— Спасибо, — благодарю я, плюхаясь на кровать лицом в подушку.

«Надеюсь, оно того стоило», — скептически замечает она.

— Это все не просто так, Шиира. И перестань ворчать, я же вижу, тебе здесь нравится.

Ее молчание становится лучшим подтверждением моей догадки.

Выспаться не получается, потому что сладкий сон, в котором на мою голову вот-вот должна опуститься корона, разламывает тяжелый ритмичный гул. Я сажусь в кровати, пытаюсь понять, почему за окном темно, а я все еще в домашней одежде. Удары же словно раздаются из самих стен. Словно каждый кирпич решил вдруг исполнить собственный военный марш. В полумраке комнаты мелькает знакомая тень Грима — единственного мужчины, который заслужил право входить в мою спальню без стука и приглашения. Собственно, он же второй после покойного герцога.

«Ты сказала, что здесь никого нет!» — орет Шиира, немилосердно превращая мои несчастные мозги в кисель.

Потираю веки, пытаюсь понять, что происходит, но новая порция адской какофонии мешает сосредоточиться.

— Шиира, ради Триединых, что происходит? — Каждая мышца в моем теле ноет и болит от малейших попыток шевелиться, но я все-таки спускаю ноги на пол. Морщусь, потому что он холодный, и потому что в комнате давным-давно потух камин, а моя помощница, которая могла бы проследить хоть за такой малостью, вместо этого нещадно терзает мою несчастную голову.

«Ты обещала!»

— Да, я обещала и не...

Кровать подо мной буквально подпрыгивает, и я заодно с ней. И сонливость моментально улетучивается, уступая место нехорошему предчувствию.

— Кто еще здесь хозяйничает и по какому праву?! — срываюсь на громкий приказ, яростно вколачивая кулак в подушку. И не потому, что не могу как следует выспаться в собственном доме, а от осознания всей глубины проблемы.

Комната и моя голова наполняются звенящей тишиной, в которой я отчетливо слышу тяжелое кряхтение. Прислушиваюсь, чтобы убедиться, что это не отголоски сна.

— Ты кто? — спрашиваю максимально строго, прекрасно зная, что незваный гость уже и так давно прочитал ответ в моей голове. Молчание. — По какому праву ты вторгся в мой дом?

«Это вы вторглись», — отвечает голос. Мужской, пожилой, совершенно невыносимый и скрипучий, как несмазанные дверные петли.

«Вот видишь, видишь!» — негодует Шиира.

— Замолкните оба или я скормлю вас Усмирителям! А еще лучше — продам, на опыты.

Угроза действует мгновенно. И пока Грим зажигает свет и разводит огонь, а я набрасываю на плечи одеяло, в комнате так тихо, что слышно далекий волчий вой за окнами. Надо же, а ведь даже он мне приятен, хоть в детстве наводил ужас. В том месте, откуда я приехала, о волках знают лишь из книжек, в которых они изображены шестипалыми и двухговыми.

Нужно сосредоточиться и подумать.

У каждого дома есть свой Мастер — сущность, которая, используя сложную связь с материальными и нематериальными силами, помогает поддерживать в нем порядок. А при необходимости защищать от непрошенных гостей. Причем иногда, в редких случаях, даже перевоплощаясь в свою материальную форму. Я такое только раз и видела — когда стражники и лейтенант с жидкими рыжими усенками пришли за моей семьей. И вот та дыра в полу, прикрытая дощатой решеткой — это дело рук Мастера. Через нее мы с Райль, моей младшей сестрой, и сбежали.

Но, защищая нас, Мастер выложился слишком сильно и, как плачевный итог, просто исчез. Нет, не умер, но навсегда слился с материями, завершив свой жизненный цикл лет на сто раньше времени.

Я привезла Шииру, зная, что «Тихий сад» пустует — и потому что у нас с ней полное взаимопонимание, хоть она имеет дурацкую привычку критиковать почти каждое мое решение и иногда срывается, устраивая беспорядки на кухне или вываливая всю одежду из шкафов.

Но, похоже, пока замок стоял в запустении, его облюбовал чужак. И самое паршивое то, что я понятия не имею, могу ли вышвырнуть его вон. Во всяком случае, ни в одной из прочитанных мною книг ничего об этом не написано.

— Я тебя слышу, — нарушаю тишину. — Значит, ты привязался к какой-то моей вещи.

Чужак подбрасывает мысленный образ тряпичной одноглазой куклы в рваном платье из синего бархата. И место, где он ее нашел — у меня под кроватью. Опускаюсь на колени и слепо шарю рукой по полу, пытаюсь заставить себя не обращать внимания на пыль. Нахожу куклу почти сразу и останавливаю Грима, когда тот порывается отобрать у меня заслуженный трофей. А все потому, что однажды мне прислали в подарок платок, намазанный какой-то дрянью, после которой служанка, которая попыталась его спереть, покрылась уродливыми язвами. Девчонка осталась жива, но лицо, похожее на перепаханное поле, наверняка стало ее вечным напоминанием о вреде воровства.

Верчу куклу в руках, даже не пытаюсь скрыть счастливую улыбку. Я сама ее сшила, своими руками, и всегда клала в постель, даже когда вышла из возраста, в котором девочке еще не стыдно спать с игрушками. Прощупываю набитый песком живот и хихикаю, натываясь на связанный колечком пучок моих волос — там он появился значительно позже, когда я уже была невестой Риваля и подготавливала предмет для связки с Мастером, потому что в скором времени должна была переехать и стать полноценной хозяйкой собственного дома. Надо же, как жизнь обернулась.

— Хорошо, допустим, ты решил здесь осесть, — тщательно подбирая слова, говорю я. Если Шиира вспылит — от несчастного замка не останется камня на камне. А с ее темпераментом южанки устроить такое — раз плюнуть. — Допустим, ты даже начал считать это место своим. Но я его хозяйка и у меня уже есть Мастер, который в состоянии позаботиться...

Он не дает мне закончить, тыча прямо в голову картинки, красноречивее любых слов показывающие его отношение к моему мнению.

«Я его в стены замурую!» — грозит Шиира. И сейчас она защищает не столько меня, сколько место, которое уже признала своим.

Грим сочувствующе машет головой, разводит руками с видом: «Тут я тебе не помощник».

— Предлагаю успокоиться и не пороть горячку, — говорю первое, что приходит на ум. — Уверена, есть выход, который устроит всех.

«Парочка» обменивается образами, в которых, кто во что горазд, превращают мой замок в руины. Просто отлично. Интересно, дотяну до утра с крышей над головой или на всякий случай лучше выйти ночевать в чистое поле?

«Я никуда не уйду», — говорит чужак.

Судя по голосу, это очень древняя сущность и, скорее всего, ему просто некуда идти. Так бывает, когда Мастер теряет и жилище, которому служил, и человека, к которому был привязан. Их участь незавидна: медленное болезненное угасание в лучшем случае, в худшем же — бешенство и агония.

«Тогда придется его вышвырнуть», — почти с облегчением заявляет Шиира — и с потолка мне на голову сыпется щедрая порция песка.

— Никто никого не вышвырнет! — Я срываюсь на ноги, готовая, в случае чего, применить самые крайние меры. И старательно, в самых ярких красках, описываю их мыслями для двух упрямых ослов. Чужак громко сопит, а у Шииры пропадает желание устраивать расправу. — Вот что мы сделаем... сейчас. Вы оба — расходитесь по разным углам. Левая часть замка — Шиире, правая — тебе. На территорию друг друга не заходить, ждать моего решения. Если узнаю, что вздумали друг другу пакостить — вы видели, что с вами будет. Для начала.

Конечно, это очень условное разделение территории, потому что они, так или иначе, уже контролируют большую часть «Тихого сада». Но чужак явно слаб, а Шиира еще не привязалась так крепко, чтобы чувствовать каждый камень.

— Не слышу ответа, — настаиваю я и получаю два сухих «да». — Вот и отлично. А теперь сделайте одолжение — дайте мне поспать.

[1]Графаль — специально подготовленный мел.

глава 4

— А ты не перегибаешь палку? — спрашивает Грим, пока я люблюсь на щенка.

Я не сильна в собачьих породах, но это какая-то мелкая костлявая собачонка с крысиной мордочкой. Милая, как все щенки, но вряд ли будет крупнее кошки, когда вырастет. И на шее этой животного висит подаренной Ривалем ожерелье. Самое ему применение. И не могу удержаться, чтобы еще раз не расправить и без того безупречный бант рядом.

— Я считаю, после всего, что случилось, Риваль и вся его семейка не имеют права делать мне такие «щедрые» подарки, — озвучиваю свое мнение, прежде чем передать щенка и конверт посыльному.

Мы с Гримом провожаем его взглядом.

Нарываюсь ли я? Очень может быть. Но изливать на меня гнев за такую невинную шалость будет просто смешно. И это тоже в своем роде тонкий расчет, крючок, на который я рассчитываю поймать куда более крупную рыбу — его дядю. Уж он-то точно почувствует себя уязвленным и, надеюсь, это даст мне фору на сегодняшнем ужине.

Осталось решить проблему с моими недовольными Мастерами, потому что пока они сидят каждый в своем углу, в замке стоит зверский холод, гуляют сквозняки и хозяйничают крысы, хоть ума не приложу, чем они питаются и как выживают. Не камни же грызут, в самом деле.

Грим стоит у окна и кивком показывает, что мне есть на что взглянуть.

Успеваю как раз вовремя: во внутреннем дворе спешивается всадник и, словно почувствовав на себе два внимательных взгляда, задирает голову. Узнаю эту дерзкую улыбку, хоть теперь она не спрятана в мерзкой бороде, а украшает гладковыбритое лицо молодого мужчины. Сейчас он выглядит совсем не так, как накануне, когда прикидывался случайным попутчиком. Кожаная куртка и кожаные же штаны идеально чистые, ботинки на тяжелой подошве лишь слегка припорошены дорожной пылью, а белоснежные, взлохмаченные ветром волосы, наводят на мысли о его крепкой «морозной» крови. И это не считая того, что теперь мне еще больше хочется узнать, что он за птица, если сперва следил за мной и скрылся, как только запахло разоблачением, а теперь лично явился на порог.

— Он убийца, Дэш, — предупреждает, хмурясь, Грим.

Не могу сказать, что удивлена.

— Убийца, который входит через парадную дверь, заслуживает, чтобы его выслушали. — Я гашу улыбкой хищный блеск в глазах верного охранника. — Может, ему есть что предложить?

Грим идет впереди. Подмечаю едва уловимые перемены в его поведении. Шаг слегка пружинит, руки как будто расслабленно висят вдоль тела, глаза сосредоточено смотрят вперед. Я знаю — помню — эти повадки. Он ведет себя так, когда готовится зубами выгрызть мою жизнь, хоть бы и ценою собственной, и от моего беззаботного настроения остается только бледная тень. Я привыкла, что желающих видеть меня чудесно мертвой куда больше, чем может вынести одна голова, но ни один головорез не заявлялся ко мне вот так — не пряча лицо под маской, при свете дня и через парадный вход. Может быть, Грим ошибся?

Язык чешется переспросить верного стража, с чего он взял, что этот человек отнимает чужие жизни, но это будет означать лишь одно — сомнение. А Грим не любит, когда я в нем сомневаюсь.

На лестнице на меня чуть ли не налетает единственная служанка, приехавшая сюда вместе с парой рабочих и садовником. Скороговоркой сообщает, что прибыл некий господин, который пожелал видеть женщину, за жизнь которой ему пообещали пятьсот королевских «буйволов», и Грим смотрит на меня с триумфальным видом. Неудивительно, что вид у служанки такой, будто она увидела призрака.

— Я могу от него избавиться, — еще раз намекает на свое вмешательство Грим, но я отказываюсь, несмотря на неприятный холодок в кончиках пальцев. — По крайней мере, пообещай мне ничего не брать из его рук и держаться на расстоянии.

— Меня столько раз пытались убить, что кое-какие выводы я все же успела сделать, — делано хвальнось я, и мы спускаемся в центральный зал.

Гость уже там, но, хоть мы с Гримом обозначаем свое появление громким шагом, не спешит поворачивать голову. Он как будто весь поглощен изучением гобелена. Когда-то там было изображено великое сражение двух сильных государств, эпическая битва, в которой, если верить

легенде, каждый житель континента потерял хотя бы одного кровного родственника. Теперь нитки выцвели, ткань истлела и покрылась уродливыми проплешинами, и в целом полотно превратилось в жалкое зрелище. Но рука не поднимается выбросить, и я надеюсь, что, когда немного обживусь и решу первостепенные вопросы, появится время заняться реставрацией.

— Красиво, — мягким баритоном сообщает свое мнение гость и, наконец, поворачивается.

Слишком хорош: светлая кожа, украшенная шрамом под правым глазом, который придает его облику толику роскошной брутальности, голубые глаза, волосы, как снег, крупный ровный нос и выразительные губы. И — ох, Троединые, зачем же так бить в самое сердце! — ямочки на щеках, когда улыбка становится шире.

— Могу я узнать ваше имя? — откашливаясь, интересуюсь я.

— У меня много имен, Герцогиня, и некоторые произносят только шепотом и обязательно после прополоскав рот с мылом.

Он подходит ближе, мягко и непринужденно, словно готовится закружить меня в танце, а не всадить нож в сердце. Грим выступает вперед и недвусмысленно скользит взглядом по его куртке. Незнакомец разводит руки в стороны, предлагая себя обыскать.

— Какой радушный прием, — иронизирует он, пока Грим делает свое дело. — Прикажи своей псине не опускать руки ниже талии — у меня весьма болезненная реакция на мужиков, пытающихся пощупать мой зад.

Я честно пытаюсь спрятать улыбку, потому что лицо телохранителя в этот момент вытягивается в гримасу негодования. Незнакомец замечает мой припрятанный смех и... подмигивает. Беру себя в руки и вздергиваю подбородок.

— И так, — продолжаю, когда Грим делает знак, что ничего не нашел. Даже не знаю, кто из них больше обескуражен этим фактом, но незнакомец определенно умеет удивлять. — Я бы хотела услышать имя и причину визита, таалис...

— Брось эту напыщенную срань, Герцогиня. — Он брезгливо отмахивается от моей вежливости. — Я парень из трущоб, и для меня чистая свинья пахнет лучше, чем напомаженные маркизы. Но раз ты хочешь имя... Какое же... — Он задумчиво хмурится, как будто задача слишком сложна и требует полной концентрации, но, в конце концов, выбирает: — Ты можешь звать меня Блайт.

— Это не имя, — отвечаю я. На старом языке, который теперь почти не в ходу и используется только алхимиками и некоторыми мастерами тайнописи, это слово означает примерно «Кошмарный белый волк». Откуда у меня такие познания? Я же принцесса, пусть и без короны.

— Вполне себе имя, Герцогиня. Сгодится для нашего взаимовыгодного сотрудничества. — Он вертит головой и выразительно почесывает живот. — А что, в благородных домах теперь не принято угощать гостя хотя бы кубком вина?

— В благородных домах принято пинками гнать попрошаек, — раньше меня успевает ответить Грим, и, надо сказать, я бы не подобрала слов лучше.

Блайт — ладно, буду звать его так — смотрит на моего телохранителя с сочувствующей полуулыбкой, разводит руками и шагает к двери.

И... все? Он пришел просто так, поглазеть на меня?

— Дверь, Шиира, — отдаю приказ, но Блайт преспокойно толкает створки и выходит наружу, при этом умудряясь отсалютовать на прощанье. Как будто точно знает, что мой взгляд прикован к его затылку.

Проклятье, дверь — что, не на ее территории?!

Мысленно ругаю свое неумное любопытство и, подобрав юбки домашнего платья, торопливо иду следом. Грим пытается меня остановить, но я взглядом предлагаю просто держаться поблизости и не вмешиваться.

На улице морозно — и еще утром вычищенные ступени теперь снова покрыты слоем снега. Подошва туфель предательски скользит и, чтобы не упасть, приходится замедлить шаг, поэтому Блайта я догоняю уже у лошади.

— Я не разрешала тебе уходить, — говорю выразительно и четко, чтобы обозначить свое нежелание играть в загадки без ответов.

Блайт поворачивается на сто восемьдесят градусов и буквально лапает меня взглядом,

задерживаясь на груди.

— Отвыкла от наших морозов, да? — Вряд ли ему нужен ответ, потому что пока я, как последняя неумеха, пытаюсь скрестить руки на груди, он пробегает кончиком языка по нижней губе. — Хочешь, согрею?

Грим позади меня тихонько рычит, а мне остается только строить хорошую мину при плохой игре. Да, я отвыкла от холода, и мое тело отреагировало совершенно естественным образом. И голодные глаза нахала не имеют к этому никакого отношения.

— Хочу предложить начать разговор заново, — спокойно отвечаю я. — Надеюсь, сладкое персиковое вино придется тебе по вкусу.

— Уволь, Герцогиня, я предпочитаю темный эль. Сладкой должна быть женщина, а выпивка — горькой и крепкой, как шлепок по заднице.

Надеюсь, он того стоит, потому что это впервые, когда я гналась за мужчиной целых два десятка шагов.

глава 5

Я приглашаю Блайта в библиотеку. Книг здесь давно нет, большая часть книжных полок безнадежно испорчена, но стол выглядит неплохо, и вчера мы перетащили сюда часть уцелевшей мебели. Кресла из разных гарнитуров, но, по крайней мере, у них есть все ножки и не порвана обивка. А для солидности часть прикрыта покрывалами из сшитых лисьих шкур.

Я сажусь за стол, Блайт — напротив, вытянув ноги перед собой с видом чрезвычайно уставшего от жизни человека. Я даже не пытаюсь начать разговор, пока нам не принесут вино, эль и закуски. Грим присаживается на краешек стола и молча смотрит на гостя недружелюбным взглядом.

Блайт морщится, когда делает пару жадных глотков, а я ограничиваюсь изюминкой из вазочки с сухофруктами.

— Твоя голова продается за пять сотен «буйволов», — наконец, говорит Блайт.

— Ты повторяешься.

— Просто напоминаю.

— Пришел поторговаться?

— Торгуются, Герцогиня, только торговки.

— Продаться? — предполагает Грим.

— Продаются шлюхи, — бормочет в стакан Блайт, приговаривая всю порцию. Хватает кусок солонины и отправляет ее в рот. — А я просто скромный и самоотверженный ремесленник, который всегда готов заключить более выгодную сделку.

— Ты головорез, — отвечаю я. — Зачем мне твои услуги?

— Затем, что ты ничего не знаешь о том, что тут твориться. Увидела хвост слона и приняла его за гадюку. Типичная ошибка хорошеньких обиженных женщин.

От его насмешливого сочувствия хочется утереться, как от плевка. Не сомневаюсь, что на то и расчет: я потеряю контроль, начну говорить глупости, сболтну лишнего. Но я уже взяла себя в руки и полностью контролирую каждую эмоцию и каждый мускул на лице.

Не дождавшись моей реакции, Блайт одобрительно ухмыляется.

— Я думаю, ты дашь больше, чтобы сохранить голову на плечах. Тебе она нужнее, чем ребятам, которые за нее заплатили.

— Ты можешь вообще не выйти отсюда живым, — предупреждает Грим. Он привык вставлять реплики во время щекотливых разговоров, и я никогда не делаю ему замечаний при посторонних, но сегодня он излишне агрессивен и позволяет себе лишнее. Почему? Видимо, понимает, что Блайт — не просто грубиян с ножом. И мне снова становится неудобно.

— Я в любом случае выйду отсюда живым, — парирует гость. — Я это знаю, ты это знаешь и сладкая Герцогиня тоже.

— Никогда не покупала кота в мешке, — подхватываю я, пока Грим снова не вставил пару словечек и окончательно не испортил переговоры. — И не собираюсь делать исключений.

— Так и знал, что за красивые глаза мне ничего не перепадет, — делано сокрушается Блайт.

— И за клоунаду тоже, — начинаю терять терпение я.

А ему хоть бы что. Приговаривает третий кусок солонины и нарочно громко чавкает, испытывая мои нервы на прочность.

— Я буду работать на тебя, сладенькая, — заявляет он так, будто пергамент с условиями сделки уже подписан и хранится у него за пазухой. — Поверь, мои услуги стоят каждой монеты, которую ты заплатишь.

— Сомневаюсь. Я разоблачила тебя в том дилижансе.

Он запрокидывает голову и смеется, содрагаясь всем телом. Терпеливо жду, когда ему надоест.

— Сладенькая, я и не скрывался.

— Теперь мы этого не узнаем, а наболтать можно чего угодно. Только дураки верят во все безоговорочно.

Голубые глаза тускло мерцают интересом, и я, на всякий случай, плотнее кутаюсь в меховую накидку. Сколько можно бессовестно раздевать меня глазами?

— Ладно, Герцогиня, в качестве жеста доброй воли и как залог наших крепких деловых отношений... Я знаю, что сегодня ты ужинаешь с герцогом Россом. Знаю, что кукольный принц получит в подарок белую собачонку. Знаю, что через третьи руки ты скупаешь ювелирные мастерские и векселя у кредиторов. И что «Лоренс и Торн» тоже принадлежит тебе.

Я купила банк неделю назад. И да, черт побери, была уверена, что эту загадку так просто не разгадать!

— Не волнуйся, Герцогиня, — «успокаивает» он, — даже у головорезов и шпионов есть кодекс чести.

В ответ на это Грим громко и выразительно фыркает, но Блайт продолжает:

— Например, я никогда не продаю секреты людей, на которых работаю. Особенно, если они готовы заплатить тысячу золотых «буйволов».

Это, мягко говоря, огромная сумма. Хотя, к черту мягкость! Это огромные деньги, на них можно купить пару сотен вышколенных наемников, которые будут послушно исполнять приказы по одному щелчку пальцев. И точно не попытаются меня убить.

— Могу узнать, за что я плачу? — спрашиваю, пытаюсь скрыть свое негодование.

— Брось, сладенькая, ты платишь за то, чтобы иметь в кармане еще один туз.

— Пока что я вижу лишь Джокера, который после разоблачения решил переметнуться на другую сторону. Я не люблю предателей, потому что, предавший однажды...

Он обрывает меня громкими хлопками в ладоши.

— Твое благоразумие подтверждает, что в этой партии я на стороне нужного игрока, — говорит он.

Слишком грубая лесть, он даже не пытается быть оригинальным, наверняка принимая меня за одну из тех дур, которые клюют на красивую внешность, умение говорить и грубый флирт.

— Никакого предательства, сладкая, ведь я не взял те пять сотен.

И как бы я ни пыталась заподозрить еще одну ложь — он выглядит искренним. Не фиглярствует, не корчит рожи, не красуется, словно породистый жеребец на ярмарке. Он говорит то, что звучит, как правда. Увы, но мне никак этого не проверить, остается лишь доверять своей интуиции.

— За твою хорошенькую головку предложили большую сумму. А раз обратились ко мне — лучшему в этих краях — то я сразу понял, что речь идет не о неверной жене или обманутой злой любовнице. Сказал, что должен сам все разнюхать и потому устроил нашу встречу. Ты была такой милой в том уродливой дешевом платье. Еще бы «Стослов»[1] в руки и фигурку Матери[2] — и вылитая послушница. Я чуть слюной не захлебнулся, пока фантазировал, что у тебя под одеждой.

Грим срывается с места раньше, чем я успеваю его остановить. Я почти уверена, что молниеносное движение, которое с трудом могу различить, выбьет из-под шута стул, но Блайт ловко отскакивает в сторону, делает незаметный шаг, уходя от еще одного удара, поворот, игнорируя третий. Грим не пускает в ход свои смертоносные кинжалы, но кулаки и ребра его ладоней — не менее опасное оружие. Но я с ужасом и восхищением наблюдаю за тем, как эти двое, лавируя между мебелью, танцуют странный танец, в котором один догоняет, а другой — убегает, и все это — на расстоянии в полшага друг от друга.

— Хватит! — Луплю ладонью по столу — и в голове раздается неодобрительно кряхтение моего незваного Мастера. Надо же, проснулся! На всякий случай посылаю выразительные образы того, что сейчас я меньше всего настроена на препирательства и споры.

«Танцоры» замирают и расходятся в разные стороны, поглядывая друг на друга: Грим — со злостью и раздражением, Блайт — с вызовом. На моей памяти — это впервые, когда ни один удар верного стража не достиг цели, и это пугает. Потому что — теперь всем это понятно — если бы Блайт захотел прирезать меня, словно праздничного гуся, мои вздохи можно было бы пересчитать по пальцам.

— Небольшая демонстрация, сладенькая. — Фигляр откланивается в пояс. Триединые, у него даже дыхание не сбилось, а ведь они тут метались, словно тень от пламени свечи на сквозняке.

Не хочется в этом признаваться, но он мне нравится. Дерзкий, самоуверенный хам и хвастун, но знает себе цену и умеет заинтересовать. Продает себя по самой высокой цене, прекрасно зная, что стоит каждой монеты. А еще он умеет вынюхивать и высматривать, и знает этот город лучше меня.

Но все достоинства легко перечеркиваются одним единственным недостатком — я не могу ему доверять. Грим предан мне безоговорочно, за меня он, не моргнув глазом, спустится в Мир теней или взойдет на костер, он не вступит в сговор с врагом. Рядом с ним я могу спать без опаски за свою жизнь, могу рассказать обо всем, не опасаясь огласки.

А Блайт навсегда останется лишь торговцем собственным телом, человеком, который переметнется к любому, кто согласится заплатить больше. И единственный способ держать голову на поводке — прикармливать золотом постоянно, даже если от этого его аппетиты станут непомерными. Пусть в никуда.

— Я не буду тебя торопить, сладенькая, — нарушает тишину Блайт. — Проведешь меня?

Я хочу сказать «нет» (на самом деле хочу предложить ему поцеловать ослиную задницу, но это тонкости), но уже поднимаюсь из-за стола и останавливаю Грима. Мы оба знаем, если бы этот парень захотел меня прирезать — он бы сделал это еще там, в дилижансе. И пугаться сейчас будет просто смешно. Тем более, чутье подсказывает, что Блайт не просто так хочет поговорить с глазу на глаз.

Мы выходим на крыльцо, и мой незванный гость останавливается. Очень надеюсь, что не ошиблась, если он сейчас заявит, что благодарен за радушный прием, не уверена, что смогу удержаться от крепкого словца.

— Герцог — очень хитрая тварь, сладенькая, — говорит Блайт, понижая голос. Нет, говорит не шепотом, но так, как будто слова предназначены мне одной. — Его практически невозможно обыграть.

— Тоже мне великая тайна.

— Он иногда поглаживает переносицу, когда задумал многоходовку на шахматной доске, — продолжает головоломку, удивляя меня игнорированием нарочитой грубости. Выдержка — это всегда хорошо. — И еще его придворный алхимик часто готовит специальные эликсиры, которые подливают в вино «особенных гостей». На твоём месте я бы ничего не ел и не пил, если, конечно, в твои планы не входит разболтать что-то такое, что герцогу нужно знать.

На словосочетании «нужно знать» Блайт делает выразительный нажим интонацией. И хитро улыбается, когда я взглядом даю понять, что поняла его намек.

— Это правда, что у него никто никогда не выигрывал? — зачем-то спрашиваю я. Игра в шахматы — моя страсть. Старый герцог любил проводить время за доской, обучая меня приемам и техникам, рассказывая об известных мастерах войны костяных фигурок. Благодаря ему я научилась многому, но Эван — это Эван. Он был махинатором еще когда я пешком под стол ходила, и все эти годы тоже оттачивал мастерство. Слишком самонадеянно даже мечтать его обыграть, но вся моя жизнь — череда великих и тщеславных замыслов, а раз уж я вернулась, чтобы вернуть себе корону, то помечтать обставить герцога на шахматной доске — сушая ерунда.

— Это правда, сладенькая, — одним махом выбивает стул из-под моих надежд Блайт. — Вернее, ходят слухи, что был один парень, которому удалось оставить герцога с носом...

— Что за парень? — Я даже не скрываю, что охотно заглатываю наживку.

— Королевский бастард, которого давным-давно сгноили в каменоломнях, насколько мне известно.

Бастард? Я слышала эту таинственную и сильно похожую на небылицу историю: о том, как король поимел ледяную принцессу, и через девять месяцев она принесла мальчика, которого положила перед тронном. Бросила, словно подачку. Говорят, того ребенка король приказал сжечь в печи, а еще говорят, что король сохранил ему жизнь, определив работать конюхом. Да много чего говорят. Пожалуй, это самая расхожая байка на всем материке и далеко за его пределами. И единственная правдивая вещь в ней — сам король. Потому что последние ледяные люди уплыли в Ничто еще в прошлом столетии, задолго до его рождения.

— Я не верю в сказки, Блайт.

— Хорошее и весьма полезное качество, Герцогиня, — кривляется он. Что за паяц? — Будь и дальше такой же благоразумной очаровательной малышкой и, может быть, сохранишь на плечах свою

хорошенькую головку. Естественно, при условии меня рядом. И всего-то за тысячу «буйволов».

— И ни монетой меньше? — просто, чтобы оставить за собой последнее слово, интересуюсь я.

Блайт делает вид, что раздумывает над моими словами, но, прежде чем я успеваю заподозрить неладное, легко и непринужденно хватает меня за талию, притягивает в один рывок, вынуждая встать на носочки. Его губы так близко, что я могу рассмотреть их выразительный контур и соблазнительную твердость. И едва пробившиеся колючки светлой щетины царапают кожу, когда головорез прижимается губами к моей щеке. Это должно быть целомудренно. Ну, или, по крайней мере, не вызывающе, но это совсем не так. В поцелуе больше страсти и неприкрытого желания обладать, чем за всю мою жизнь, а ведь Блайт всего-то мимолетно чмокнул меня в щеку.

Пока я, задыхаясь от возмущения, подбираю слова проклятий на его белобрысую голову, наглец уже впрыгивает в седло. Отвешивает комичный поклон и выразительно облизывает губы.

— Девять сотен, сладенькая Герцогиня, и я весь твой. Но не думай долго, ведь вкус твоей кожи очень быстро исчезнет с моих губ. И в следующий раз, если захочешь скидку, я попрошу больше.

Он — полное невыносимое нахальное ничтожество!

Но он должен быть моим.

Естественно, в качестве осведомителя, шпиона и мастера улаживать щекотливые делишки, а вовсе не за тем, о чем вы подумали.

[1] «Стослов» — книга, содержащая все описание жизни Триединых и из наставления (в некотором смысле аналог нашей Библии)

[2] Мать — одна из трех ипостасей Триединых (Отец, Мать и Кудесник)

глава 6

В лавке алхимика пахнет травами, эликсирами и гремучими смесями, поэтому пожилой мастер зелий и тайнописи сразу протягивает нам с Гримом две тряпичные маски.

— С фильтрами из очищенного белого угля, — хвастается толстяк, жестами предлагая нам оценить содержимое его многочисленных витрин. — Настойки радости, зелья счастья, мази против бородавок и желтой сыпи.

Я поднимаю бровь, давая понять, что вряд ли меня стоит принимать за девушку, которой нужна мазь от бородавок или любовный эликсир. Алхимик сразу разводит руками, мол, извините, старая привычка.

— Чем могу быть полезен юной красавице? — спрашивает он уже человеческим голосом, без раздражающих визгливых ноток.

— В моем доме случайно оказалось два Мастера. — Я коротко описываю суть проблемы, не вдаваясь в детали и подробности. — Я не заинтересована в одном из них, и мне бы хотелось избавиться от него. По возможности безболезненно для нас обоих. Понимаю, что это невозможно, но слышала, вашими услугами пользуются высшие лица государства, а раз так — ваши таланты наверняка выйдут за рамки привычных.

Капелька лести всегда делает свое грязное дело, и вот уже толстяк тщеславно приподнимает подбородок — точнее, целую гармошку подбородков, и с видом «я тот, кто вам нужен» манит меня рукой в закрытую часть магазина.

Грим как всегда заходит первым и почти сразу заливается лающим кашлем. Мой нос даже сквозь маску щиплет от едкого запаха, глаза болят, словно в них дунули перцем.

— Прошу прощения, тали'са, — торопливо извиняется толстяк, руками разгоняя сизую дымку. Вряд ли это хоть сколько-то помогает. — Иногда эликсиры требуют очень... гмм... специфических компонентов.

— Скорее, отравы, — ворчу себе под нос.

Пока алхимик носится по лаборатории с неким подобием веера в руках, я обращаю внимание на лежащую на подставке толстую книгу. Одного взгляда достаточно, чтобы понять — сюда алхимик делает записи обо всех заказах. И сразу же цепляюсь взглядом за предпоследнее имя в списке: Р. И. Аль. Пффф. Сколько лет прошло, а Риваль пользуется все тем же вымышленным именем. Мудрая Мать, неужели до сих пор верит, что это хоть для кого-нибудь секрет?

Но куда интереснее не фальшивое имя принца, а то, что значит напротив него.

Эликсир удачи. Какая... неожиданность.

Алхимик пресекает мое любопытство, захлопывая книгу перед самым носом. Мнется, переступает с ноги на ногу, озадаченный тем, что допустил такую промашку. Наверняка прикидывает, как много я успела увидеть. Приходится подбодрить его бестолковой улыбкой и сделать вид, что меня куда больше интересовали резные края подставки, чем книга и, тем более, ее содержимое.

— И так, насчет помощи в вашей деликатной проблеме... — бормочет толстяк, неловко подталкивая ко мне стул.

Недолго думая, Грим сдергивает с плеч плащ и застилает стул прежде, чем я опускаюсь. Молча жду, надеясь, что мой нетерпеливый вид будет достаточным намеком на то, что к затяжной прелюдии я не готова.

— Науке и тайнописи известны случаи, похожие на ваш, — говорит алхимик, все еще поглядывая в сторону своей драгоценной книги. Но быстро откашливается и все-таки сосредотачивает внимание на мне. — Это редкость, но подобные неприятности уже описаны на страницах книг.

— Прекрасно. — Я похлопываю перчатками о ладонь. — Значит, вы тот, кто мне нужен.

— Я не сказал, что знаю способы известить неугодного Мастера. Точнее, известные мне способы не соответствуют вашим требованиям.

Понимаю, куда он клонит, и мне такая идея не по душе. Я не живодер, и даже если Мастер формально неодушевленная сущность, мне противна сама мысль о причинении ему вреда.

— Хотите сказать, что я в вас ошиблась? — уточняю, вкладывая в слова все сожаление мироздания. Этого должно быть достаточно, чтобы разбудить в алхимике тщеславие и заставить хотя бы попытаться прыгнуть выше своей головы. Хотя уверена — он уже знает способ, и все хождения вокруг да около, не более чем способ набить себе цену. — Я не из тех, кто скупится хорошо заплатить за качественную, выполненную в срок работу.

Алхимик вскидывает палец, словно только что вспомнил что-то очень важное. Хватает книгу подмышку и скрывается в глубине лаборатории.

— Не нравится он мне, — шепчет, склонившись к моему уху, Грим. — Скользкий и вонючий.

— Да хоть краснозадый — лишь бы избавил меня от незваного гостя, — так же шепотом отвечаю я. Честно говоря, отдала бы приличную сумму, лишь бы еще хоть одним глазком заглянуть в его святая святых. Интересно, есть ли там герцог Росс. И если есть — что он заказывает? Яды и прочие гнусности вполне в состоянии изготовить его личный алхимик, а у сторонних обычно берут то, о чем не хотят распространяться даже перед приближенными.

«Глупости, — мысленно останавливаю свою неумную фантазию. — Эван ни за что бы не стал так рисковать. Он слишком хорошо умеет искать следы и поэтому лучше других овладел наукой их замечать или не оставлять вовсе».

Толстяк возвращается с клубком дратвы, парой спиц и льняным мешочком.

— Мел, — алхимик трясет мешочком, — заговоренные спицы и особенная вещь. Нужно начертать рунный круг, положить в центр клубок и, когда непрошенный Мастер попадет в ловушку, приколоть его спицами. После этого клубок можно отнести в любое пустующее место. Вынуть спицы — и он свободен.

— Целый и невредимый? — уточняю я, не дав себя одурачить излишним оптимизмом.

— Тали'са, вы должны понимать, что подобные вещи не проходят бесследно. Какое-то время Мастер будет уязвим и ослаблен, и если ему не повезет напороться на... нечистых на руку людей, он может сильно пострадать. Но это единственный известный мне способ осуществить ваш заказ в нужном виде.

Не сомневаюсь, так оно и есть, иначе он бы уже устроил лично для меня торги, пытаясь вытрясти побольше денег за одну из своих чудодейственных вещей. А раз у меня нет выхода, придется сделать то, что ненавижу больше всего — поверить на слово.

Цена удовольствия — сотня «буйволов». У меня чуть глаза на лоб не лезут от такой наглости, но алхимик лишь пожимает плечами и участливо говорит, что у него остался последний подготовленный набор, и если его заберут, уйдет, по меньшей мере, дней десять на создание нового. Мы оба знаем, что моя проблема слишком индивидуальна, чтобы подобные вещи разлетались со скоростью горячих пирожков. Но также совершенно ясно, стоит мне выйти за дверь — и уже завтра набора не окажется, и мне придется заплатить уже не одну, а две сотни за срочность изготовления нового.

Как там говорил один восточный мудрец? Ничего личного, просто деловое соглашение.

По моему знаку Грим выкладывает мешочек и брезгливо морщится, когда алхимик принимается пересчитывать монеты, выкладывая их ровными столбиками. Убедившись, что все честно, передает инструментарий. Когда мы уходим, кричит вдогонку, что любовное зелье он мне может продать за две трети цены в знак наших новых теплых отношений.

— Надеюсь, оно того стоит, — бормочет мой верный страж, когда мы выходим на улицу и снова окунаемся в метель.

К счастью, на этот раз меня уже ждет карета, и я быстро ныряю в ее теплый уют.

— Риваль заказал зелье удачи, — размышляю вслух, когда возница понукает коней свистом — и карета трогается с места. — Он снова будет играть.

— Немудрено, с такими-то долгами, — ухмыляется Грим.

— Ему необходим выигрыш, — продолжаю свою мысль. — Принц в отчаянии. Деньги кончились, а дядя скорее за локоть себя укусит, чем пойдет ему навстречу.

Чем больше я об этом думаю, тем выше поднимается градус настроения.

Риваль всегда был азартным, и неважно, шла ли речь о скачках или петушиных боях. А по странной иронии судьбы именно азартные люди чаще всего страдают хроническим невезением. И наследный

принц не стал исключением. Поэтому, наравне с покупкой ломбардов, ювелирных мастерских и банка, я так же скупила все его закладные. Между прочим, приличная сумма. За такие деньги Риваль должен беспрекословно подчиниться любому моему требованию, даже пожелай я увидеть, как он станцует джигу на игольном ушке.

Я держу второго наследника короны за яйца, выражаясь языком мужчин, и собираюсь укрепить свои позиции.

— Мне нужно знать, где и когда он будет играть, — говорю, чувствуя приятное жжение в кончиках пальцев. Так бывает всегда, стоит сделать еще шаг навстречу к исполнению мечты. — Мне нужно знать, какую сумму он проиграет и у кого возьмет ее в долг на этот раз.

Зачем, спросите вы? Ведь я все равно выкуплю его долги.

Все просто: на этот раз я хочу сыграть с ним за одним столом и сделать все, чтобы Его Высочество поверил, будто мы союзники.

глава 7

Все заботы с Мастерами я откладываю до завтрашнего дня. Сегодня у меня встреча с Эваном — и я должна быть полностью сосредоточена на ней. Без зазрения совести вышвыриваю из головы лишние мысли — по-другому мне с герцогом никогда не справиться.

Я приезжаю с небольшим опозданием и это тоже часть моего плана, потому что, если ничего кардинально не изменилось, любое промедление способно вызвать у Эвана целую бурю не самых приятных чувств. Он человек действия, даром, что мастер интриги и первый паук государства. Терпение точно не входит в список его добродетелей, хоть герцог научился худо-бедно с ним справляться.

Мой наряд тоже часть замысла. Как это может быть? Очень просто, ведь я, похоже, первая женщина на материке, которая надела брюки. Точнее — узкие кожаные штаны, обтягивающие мои ноги подобно второй коже, благодаря пикантной шнуровке по всей внешней стороне штанин. И в пару к ним — высоченные ботфорты на пикантных каблуках-иглах. Белая блузка, корсет и короткий — до талии — жакет. Там, где я отбывала свою вынужденную ссылку, женщины давно так одеваются, но здесь я буду законодательницей новой моды. Или проклятой ведьмой — для кого как.

На меня смотрят во все глаза — и это лишь подтверждает, что я все сделала верно. И когда слуга проводит меня в малый янтарный зал, я нарочно иду медленно, вымеривая цену каждому шагу, наслаждаясь зрелищем полного непонимания на лице великого герцога Росса.

Он обескуражен, взбешен и покорен, потому что, не отрываясь, смотрит на мои ноги.

Что ж, фору я себе обеспечила, а теперь можно приступать к игре.

Я присаживаюсь перед Эваном в неглубоком реверансе. Ровно настолько, чтобы соблюсти приличия, но и не дать ему удовольствия заглянуть в декольте моей блузки. А ведь прелесть корсета как раз в том, что он придает нотки соблазна женской груди.

— Что за наряд, Дэшелла? — без вступления налетает Эван.

Приходится отступить, чтобы не дать ему поймать меня за руку. Хмурюсь, выказывая негодование, хоть внутри кричу и ликую. Всю жизнь, сколько себя помню, даже сопливой девчонкой, я мечтала, что однажды настанет день, когда этот мужчина посмотрит на меня вот так — с трудом сдерживая восхищение.

Но это ведь Эван, и он был бы не он, если бы дал мне вкусить минуту триумфа. Выражение восторга улетучивается с его лица так быстро, что я начинаю сомневаться, а было ли оно вообще. Может, я приняла его за порождение своей болезненной фантазии?

— Ты похожа на одну из тех шлюх, которые раздвигают ноги за пару золотых в Веселом квартале. Понятия не имею, где ты нахваталась этой пошлости, Дэшелла, но тебе совершенно не идет.

Тяжело признаваться в этом, но слова Эвана ранят глубоко. Не в сердце, но напрямую в уязвленную гордость. Приходится мысленно ткнуть ему в глаз одной из купленных у аптекаря спиц и утешиться приятными, хоть и несколько кровавыми образами.

— Задеть меня не получится, герцог, — беззаботно улыбаюсь я.

— Эван, — с легкой руки разрешает он. — У нас слишком много одного на двоих прошлого, что расшаркивания и любезности можно отложить для публичного общения.

— Не знала, что игра в шахматы предполагает столь интимную атмосферу, — ерничаю я.

Герцог снисходительно посмеивается и жестом приглашает меня к столу. Накрыто на двоих. И от изобилия угощений во рту зреет комок слюны. Мы с Эваном садимся друг напротив друга и, как только слуги разливают вино, герцог их отпускает. Теперь мы совершенно одни и мне не по себе от того, насколько интимна повисшая над столом пауза. Забываюсь настолько, что чуть не отпиваю из кубка вопреки предупреждениям Блайта. К счастью, вовремя вспоминаю наставления головореза и делю вид, что пью. На самом же деле лишь смочила губы и тут же вытерла их салфеткой. Эван смотрит внимательно, и я замечаю, что он тоже почти не притронулся к еде.

— У меня к тебе деловое предложение, Дэшелла, — говорит Эван, когда я как бы ненароком роняю вилку с совершенно невыносимым «ох, я такая рассеянная!..»

— Вот так сразу? — хлопаю ресницами. — А как же партия в шахматы?

— Все взаимосвязано, — плотоядно ухмыляется он, напоминая, почему вот уже который год подряд носит титул самого красивого холостяка Абера. — Играть без стоящего заклада невыносимо скучно, не станешь же ты отрицать очевидное.

Вообще, еще как стала бы, но «захмелевшая Дэш» точно должна проглотить наживку. Пока я киваю, словно кукольный болванчик, Эван поднимается из-за стола и в один рывок ставит меня на ноги. Я пытаюсь оттолкнуть его, но в руках этого мужчины не только все ниточки интриг и заговоров, но и сила десятерых. И чем больше я сопротивляюсь, тем жестче его хватка у меня на запястьях.

— Ты делаешь мне больно, — возмущаюсь я.

— Тогда просто перестань дергаться, Дэшелла, и выслушай меня.

Ненавижу его за то, что он единственный, кто зовет меня полным именем. Это очень старомодно и чопорно и рушит всю атмосферу кокетства, которую я, будем честны, и так почти испортила.

— Если я выиграю, ты станешь моей маленькой ручной кошечкой, Дэшелла Меррой, герцогиня Аберкорн.

— Что? — не верю своим ушам.

Эван лишь ухмыляется.

— Не делай вид, что не понимаешь. Я выразился предельно ясно.

— Думаешь, нацеплю ошейник со звоночком и буду прыгать перед тобой на задних лапках?

— Думаю, меня вполне устроит вид тебя совершенно голой в моей постели, — без запинки поясняет герцог.

Да уж, он, в самом деле, выразился совершенно однозначно.

— Только дуры играют на собственное тело с противником, у которого невозможно выиграть, — отвечаю я, изо всех силы пытаюсь унять громко скачущее сердце.

Это же Эван: мужчина, о котором я мечтала еще девчонкой и, чего греха таить, позже, намного позже, просыпаясь посреди ночи в пустой супружеской постели. Я бы даже назвала это одержимостью — мечтать о мужчине столько лет, представлять его в самых порочных фантазиях и воображать, какими бы могли быть наши общие дети. Маленькая Дэш мечтала не о принце, невестой которого была, а о его несносном дяде. И верила, что однажды он перестанет смотреть важные письма и шептаться со шпионами, а поднимет голову и посмотрит на нее так, как мужчине положено смотреть на женщину.

Что ж, можно сказать, своей цели я добилась: сейчас герцог Росс действительно смотрит только на меня, но вряд ли в этом есть хоть капля радости, ведь он смотрит на меня как на продажную девку. И мы оба знаем, что это нарочитый взгляд и нет за ним никакого интереса, кроме желания уложить меня в постель и доказать, что его невозможно обмануть и им нельзя манипулировать при помощи красивых ног и соблазнительно стянутой корсетом груди.

В самом деле, это ведь Эван — он всегда, чтоб его, на шаг впереди.

— Ты струсил? — Эван снисходительно приподнимает уголок губ. Нет, конечно же, это далеко не улыбка, а лишь свидетельство того, что он ожидал более азартной игры. — Дэш, Дэш... Маленькая испуганная девочка. Семь лет прошло, а ты все так же не научилась делать большие ставки. — Он берет меня за подбородок большим и указательным пальцами, приподнимает лицо и пристально всматривается в несуществующий узор на коже. — Я знаю обо всех твоих планах, маленькая глупая девочка, и очень советую — пока еще во мне жива капля памяти о старой дружбе между нашими семьями — не делать ничего из задуманного. Поверь, мне не доставит радости зрелище твоей хорошенькой головки, которую палач поднимет над толпой.

Он наклоняется мучительно медленно, словно время действительно можно растянуть, как свежую карамель. На мгновение мне даже кажется, что вся эта бравада была лишь для того, чтобы лишить меня уверенности, выбить почву из-под ног и подчинить, но я быстро беру себя в руки.

— Ты просто боишься проиграть сопливой девчонке, Эван, — говорю с насмешкой. Никогда в жизни мне не было так сложно притворяться, но сейчас, когда в синих глазах герцога вспыхивает гнев, я понимаю — удар пришелся точно в цель.

Он быстро разжимает пальцы и делает вид, что тянулся ко мне лишь для того, чтобы повернуть очередной гениальный кульбит своего таланта играть человеческими чувствами, но мы оба знаем —

мгновение назад он жаждал поцелуя так же сильно, как и я.

Маленькая победа придает мне сил, и я, чтобы укрепиться в своем положении, медленно иду к подготовленному для шахматной игры столу.

— Ты не так умна, если всерьез полагаешь, что я боюсь тебе проиграть, — немного нервно бросает Эван, но минутная слабость быстро проходит — он снова холоден и собран и лениво следит за моими пальцами на короне фигурки белой королевы. — Впрочем, я слышал, старый герцог был большим любителем устроить славную войну на доске. Полагаю, этому-то он тебя и обучал долгими неинтересными ночами за дверью супружеской спальни.

— Полагаешь? — Я отрываю взгляд от доски и смотрю на герцога из-под полуопущенных ресниц. Знаю, что этот взгляд сводит мужчин с ума, а мягкая полуулыбка в довесок никогда не будет лишней. — Разве твои шпионы не знают этого наверняка? Я была уверена, что видела чей-то любопытный глаз в замочной скважине.

— Мои источники, Дэшелла, куда более изящные и достоверные. Например, письма самого герцога, в которых он сокрушается, что не может объездить молодую кобылку.

Я не верю ни единому его слову, потому что если и было что-то, что держало нас с мужем крепче брачных обетов, так это взаимная ненависть к герцогу Россу. Ведь и моему старому герцогу прилично досталось от интриг этого манипулятора.

— Надеюсь, те письма тебя развлекли? — Я изящно присаживаюсь на краешек стула. — И надеюсь так же, что и ты меня развлечешь, потому что, признаться, у меня есть куда более интересные дела, чем пикироваться словами с великим герцогом Россом.

Он присаживается к столу и жестом передает мне право первого хода.

Нужно сказать, не единожды за время игры я с благодарностью вспоминаю советы Блайта. Понимаю, что мне не выиграть, ведь Эван буквально на ходу рушит все мои попытки предугадать его тактику, но несколько раз неприятно удивляю его, успешно избегая ловушки на доске. Когда партия подходит к середине, я жалею о жажде — и Эван приносит мне кубок. Снова делаю вид, что пью, и потихоньку начинаю строить из себя захмелевшую. Даже если в моем кубке нет никакого «особенного» эликсира, я всегда могу списать болтливость на неумение пить. Кстати, пить я и правда не умею. Вина на островах все до невозможности кислые, чтобы утолить жажду в палящий зной, и во рту от них отвратительное послевкусие. Старый герцог говорил, что это дело привычки, но за семь лет я ее так и не обрела.

Я понимаю, что Эван все-таки разыграл свою партию, когда становится ясно, что каждый мой ход теперь лишь совершенно предсказуемая последовательность ведущих к поражению шагов.

— И ты еще хотел, чтобы я играла с тобой на всякие гнусности, — «хмельно» смеюсь я, забрасывая ногу на ногу на мужской манер.

Герцог отрывает взгляд от доски и скользит им по моей ноге. Нарочно покачиваю носком. Что бы там ни говорили, но лучшие помощники женщины: соблазн, кокетство и хитрость. А умная женщина умеет пользоваться всеми тремя одновременно.

— Хотел, Дэшелла, и до сих пор хочу. Без всяких шахмат.

Он так резко смахивает фигуры с доски, что я на миг вздрагиваю, чуть было не «уронив» свою маску притворства. Костяные королевы, короли, советники и конницы, солдаты и офицеры, башни и лучники дождем падают на пол, разряжая тишину мелодичным постукиванием.

— Тебе незачем уезжать в своей непригодный для жизни замок.

— Он очень даже приспособлен.

— Обманывать меня? — Эван поднимается и уходит в противоположный конец зала. Сбегаю от меня что ли? Или я выдаю желаемое за действительное? — Ты зачем-то вернулась, Дэшелла. Ради мести? Ради Триединых, это же абсурд. Ты на шахматной доске не можешь со мной справиться, а в искусстве плетения интриг мне нет равных. Ты это знаешь, я это знаю, король это знает и даже безмозглый принц. Это мир взрослых мужских игр, и сопливую девчонку здесь просто растопчут.

— Ну, так попробуй, — предлагаю я. — Прекрати угрожать и распускать хвост и попробуй так же легко смахнуть меня с доски.

Я поднимаюсь и иду прямо на него. Медленно, самую малость качая бедрами. Эван неотрывно следит за каждым шагом и, когда мы оказываемся на расстоянии прикосновения, скрещивает руки на груди. Что это: попытка уберечь себя от меня или барьер, которым он разделяет наше внезапно

вышедшее за все дозволенные рамки общение? Я не могу его прочитать.

— Я никогда не стану любовницей великого герцога Росса, — говорю, цепляясь пальцами в его черный бархатный камзол. — Я никогда не лягу в твою постель на твоих условиях, Эван. И в тот день, когда решу, что готова разыграть свое тело в дурацкой возне черно-белых фигурок, ответной ставкой будет титул герцогини Росс. И ты проиграешь. Добровольно.

— Ты ненормальная, — говорит Эван.

— Поэтому я тебе и интересна.

— Зачем ты приехала, Дэшелла? Кроме очевидно глупой затеи устроить государственный переворот?

— Я богата, у меня есть все, о чем может мечтать молодая красивая вдова, — делаю широкий жест рукой. — Тебе не приходило в голову, что иногда женщины просто развлекаются без всякого тайного умысла?

— Только не ты. — Эван все-таки разжимает руки и почти нежно обхватывает мое лицо ладонями. Большие пальцы гладят «яблочки» щек, а взгляд скользит по губам с неприкрытой потребностью. — Что? Тебе. Нужно?

Провожу кончиком языка по губам, отчаянно стоя на смерть против его сумасшедшего обаяния. Он не красавец, далеко не красавец, но сила и власть делают его невообразимо желанным. Кажется, он способен управлять одним щелчком пальцев не только Абером, но и всем миром. Мы две стихии, и рано или поздно наше столкновение неизбежно. То, что происходит сейчас — лишь разминка перед основными событиями. Мы как два бойца на арене, кружим вокруг друг друга, присматриваемся, осторожничаем, боясь показать свои слабые стороны и надеясь увидеть такие у противника. Опасность распаляет обоих. И в тот момент, когда зрачки Эвана сужаются, и он тянется к моим губам, я произношу:

— Понятия не имею, о каком перевороте ты говоришь, я лишь приехала сделать некоторые инвестиции.

— Куда же? — настораживается он, и я не без горечи осознаю, что желание поцелуя улетучивается с его лица, словно и не было.

— В банк «Империял», — говорю и тут же прикусываю губу.

— Какое... выгодное вложение, — произносит Эван. — Надеюсь, у тебя все выгорит.

«Я тоже очень на это надеюсь, великий герцог Росс».

глава 8

Самое паршивое, что на следующий день у меня просто зверски болит голова, как будто я не притворялась пьяной, а, в самом деле, упилась до беспамятства. Встать с постели невероятно трудно, но еще тяжелее справиться с желанием послать все к демонам и бесам и вернуться обратно в уютное тепло сна. Игра в шахматы с герцогом отняла все силы, а взамен я получила лишь еще одно подтверждение своей от него зависимости. Даже если он виновен во всех моих бедах, даже если я для него всего лишь зарвавшаяся девчонка, я все равно мечтала о его поцелуе. И всем том, что могло последовать за ним.

Завтрак безвкусный настолько, насколько вообще может быть безвкусной еда, но корить кухарку мне за что — дело в моей голове и в том, что она забита ненужными мыслями. Приходится вытолкать их силой, напомнить себе, кто я и зачем вернулась. А еще поблагодарить холодные сквозняки за то, что напоминают о еще одной нерешенной проблеме.

— Уверена, что это стоит делать сегодня? — с недоверием спрашивает Грим, когда мы спускаемся в подвал, и я начинаю чертить на полу круг. — Выглядишь паршиво.

— Еще пара дней — и потолок рухнет нам на голову, — говорю я, и в подтверждение моих слов нам на головы стекают ручейки песка. Грим ерошит волосы: сперва свои, потом — мои. — Если я не избавлюсь от лишнего Мастера, Шиира так и будет дуться где-то в пустой башне и пальцем об палец не ударит, чтобы приступить к своим обязанностям.

Верный страж кивает и отходит на безопасное расстояние, когда я выкладываю клубок в центр круга. Нарисованные мелом контуры загораются голубоватым светом, и по коже ползет неприятный холодок.

«Ты меня не поймаешь!» — гудит в голове неприятный старческий голос.

— Я вынуждена это сделать, — устало говорю я, пытаюсь убедить себя в том, что у меня просто нет другого выхода.

Мастер шипит и очень громко ругается самыми грязными бранными словами, так что приходится убедить себя пропускать их мимо ушей вместе с пониманием того, что моя проблема решится через несколько минут и я, наконец, смогу заняться более важными делами. Клубок слегка раздается, нити вспучиваются, наполненные сизым туманом.

«Не прогоняй меня, — молит незванный гость. — Я пропаду сам. Ты же знаешь».

— Грим найдет тебе подходящую обитель. Ты остаешься жив и должен быть благодарен за это.

«Я слишком старый, чтобы хватило сил на новую привязку».

В унисон его мольбам раздается злой смех Шииры. Она у меня Мастер со скверным характером, как и все женщины с островов. В голове возникают образы того, как несчастный бездомный Мастер превращается в бесцветный туман и растворяется в снежной вьюге. Я знаю, что так и будет.

Но у меня правда нет выхода. Похоже, мысль об этом достаточно четкая и понятная. Потому что незванный гость перестает упрашивать и замолкает, лишь изредка вздыхая и охая.

Я должна быть сильной. Я должна быть решительной и не поддаваться на ерунду, которая не принесет мне ничего, кроме лишних хлопот. Но...

— Кто были твои предыдущие хозяева? — спрашиваю, ставя носок сапога на контур круга.

«Я не помню», — отвечает он.

«Так не бывает, чтобы Мастер не помнил, кому служил!» — закипает Шиира, и мне приходится призвать на помощь все свое терпение, чтобы не заткнуть ей рот. Тогда она точно обидится — и «Тихий сад» в итоге загнетса, превратится уже не в руины, а в пыль на ветру.

— Хоть что-нибудь должно было остаться. Если твои навыки могут быть полезны, я бы могла попытаться... — Не верю, что собираюсь совершить такую глупость, но это факт.

Шиира шипит — и факелы на стенах вспыхивают синим, длинными языками поднимаются до самого потолка, разбрасывая снопы искр.

В ответ незванный гость рисует образы огромных залов, галерей, каменных арок и величественных витражей. Белый мрамор и серебро, ледяные статуи в искристом сиянии полнолуния. Шпили без

знамен, заснеженные равнины, по которым бредет одинокий белоснежный саблезуб.

Кому бы ни служил прежде этот бедолага, его предыдущий дом был далеко на севере, в той части материка, которая теперь существует за непроходимой цепочкой гор и спрятана в завесе острой, как бритва, вьюги.

— Твое имя? — спрашиваю я, снова игнорируя вспышки гнева Шиiry.

«Его я тоже не помню».

— Тогда буду звать тебя... Снайг[1].

Носком стираю фрагмент контура, и синева постепенно гаснет. В голове одновременно раздаются вздох облегчения и целая цепочка угроз. Знаю, что Шиira мне этого не спустит, но, в конце концов, я здесь главная.

— Шиira, ты займешься декором и внешним двором, Снайг — на тебе строительство. Завтра приезжает Райль, она привезет все необходимое вам в помощь. Предупреждаю, — грожу пальцем пустоте перед собой, — никаких ссор, драк и попыток насолить друг другу. Вы оба от меня зависите, и в моей власти превратить вашу жизнь в кошмар. Поэтому предлагаю засунуть амбиции в одно место и потрудиться на общее благо. Как и положено вести себя послушным Мастерам.

В голове возникают образы двух призрачных фигур, которые после короткой пикировки взглядами расходятся в разные стороны. Увы, уже сейчас я знаю, что это временное перемирие, и, вероятно, еще до обеда раз десять пожалею о том, что не проявила твердость характера, но переигрывать уже поздно. Тем более, у меня и без них куча дел.

Шиira посылает образ грязного сопливого мальчишки-беспризорника, который важно топает по центральной аллее, и я довольно потираю ладони. Надеюсь, у него для меня хорошие новости.

Пока я неторопливо спускаюсь по лестнице, Грим идет первым и успевает завести мальчишку в дом. Паренек, высоко задрав голову, смотрит по сторонам. Ручаюсь, в той подворотне, где он вырос, об этом месте ходят всякие небылицы. Именно поэтому он пытится в ответ на любую попытку Грима подтолкнуть его в сторону кухни. Мой верный страж не знает страха ни перед бандитами, ни перед смертельной опасностью, но рядом с детьми становится совершенно беспомощным, и паника на его лице превращается в острова красных пятен. Прячу смешок в кулак и жестом показываю, что уж с этим-то гостем я точно справлюсь сама.

Мальчишка шмыгает носом и утирается рукавом грязного, явно не по размеру кафтана.

— Ты принес мне новости? — спрашиваю строго, но спокойно.

Он кивает и без зазрения совести протягивает ладонь в молчаливой просьбе сперва заплатить. Я делаю вид, что раздумываю, а потом качаю головой.

— Видишь ли, маленький атир[2], я никогда не плачу за воздух, но всегда держу свое слово. И заплачу, как обещала, целый золотой за любую полезную информацию.

Он смотрит недоверчивым взглядом звереныша, которому подобные вещи говорили не раз.

Я мысленно — хоть и не люблю этого делать — приказываю Снайгу подбросить с кухни аромат готовящегося обеда, и почти сразу все пространство вокруг нас наполняется запахами, от которых даже у меня текут слюнки. Паренек сглатывает слюну и пытается сделать вид, что громкое урчание в животе — не его вовсе, а просто фантомный звук.

— Моя кухарка готовит жаркое, не хочешь снять пробу? — предлагаю я, не особо усердствуя, чтобы не напугать маленького гостя еще больше.

Но в этот раз паренька не нужно просить дважды: он уже готов бежать хоть на край света.

Пока мы сидим в кухне, я невольно вспоминаю себя и Райль. Мы вот так же жадно глотали еду, хватали обжигающе горячие картофелины и мясо прямо руками и едва ли слышали строгое неодобрительное фырканье кухарки. Я никогда не верила, что однажды познавший чувство голода, больше никогда не сможет его забыть, но это сущая правда. Даже сейчас я просыпаюсь посреди ночи, вспоминая все ужасы тех дней, когда мы питались гнилыми яблоками и кореньями, а черствый, выброшенный булочником сухарь, об который можно было сломать зубы, считали за милость Триединых.

— Есть два места, где играют благородные таалисы, — говорит мальчишка, немного отъевшись. Удивительно, как в маленьком теле поместилась порция взрослого мужчины, но я делаю жест кухарке, и та ставит перед ним еще одну порцию. На этот раз он ест неторопливо, со вкусом и

чавканьем слизывая с пальцев гусиный жир. — Играют... по-крупному, — добавляет, чуть понизив голос.

Я наклоняюсь к нему, прислушиваясь со всей возможной серьезностью. Маленькие беспризорники — лучшая сеть осведомителей, какую только можно найти. Они всюду суют свои любопытные носы и уши. Они везде, как маленькие мышата, на которых никто не обращает внимания, и которые знают каждый шепот в подворотне, каждую тень. Если вам нужно знать, что творится на улицах, где заключаются сделки и кто навещает по ночам вдову бронника — никто не расскажет об этом подробнее, чем серая невидимая гвардия. И я собираюсь сделать наше сотрудничество долгим и плодотворным.

Через полчаса я знаю все, что нужно: куда может пойти принц и с кем он, скорее всего, будет играть. И главное — когда. Бесценная информация.

Когда мой маленький шпион заканчивает есть и вразвалку выбирается из-за стола, я вручаю ему подготовленную корзину с угощениями и лично — кошелек с монетами. Там куда больше, чем я обещала, но паренек все равно проверяет — и его глаза становятся огромными, как плоски.

— Спасибо, тали'са, — бормочет он, сглатывая и почему-то опасливо поглядывая по сторонам. Наверняка пару раз его детское доверие обманывали вот таким гнусным образом.

— Это вам на всех, — строго предупреждаю я. Строгость, вопреки расхожему противоположному мнению, лучший способ расположить к себе детей. Они сразу знают, кто главный, и не лезут на шею. Все тонкости воспитания я изучила на собственной сестре. — Как тебя зовут?

— Прошмыга.

— Меня интересует ваше настоящее имя, маленький атир.

— Люка Фини, — говорит он после небольшой заминки, явно с не привычки.

— Так вот, Люка Фини, я бы хотела, чтобы ты и твои друзья оказали мне еще одну услугу.

— Какую? — настораживается он, спешно пряча кошелек с монетами за пазуху, как бы намекая, что все следующие поручения — за отдельную плату.

— Я хочу знать, что за человек Блайт.

Люка делает шаг назад, натывается спиной на Грима и мотает головой, совершенно испуганный. Честно говоря, я рассчитывала на какую-то другую реакцию, а не вот этот ужас в детских глазах, будто я произнесла вслух имя Князя теней[3]. И это открытие меня совершенно не вдохновляет.

— Знакомое имя? — уточняю я осторожно, боясь испугать мальчишку еще больше.

— Кто ж его не знает, — глухо говорит мой маленький помощник. — Он страшный человек, тали'са, с ним лучше не знаться вовсе.

— Почему?

Люка озирается по сторонам, пальцем манит меня наклониться ближе и шепчет в самое ухо:

— Он — Зверь Шагарата[4], тали'са. Лучше с ним не связываться.

Зверь Шагарата? Разве так не называют тех, в ком живет самая кровожадная частица Безликого? Его самых верных убийц?

Честно говоря, от такой новости ползет мороз по коже, но я держу себя в руках. Нельзя показать слабость перед детьми, иначе они на всю жизнь запомнят ее.

— Наверняка это просто выдумка, — сдержано улыбаюсь я. — И мне бы хотелось узнать, что еще говорят об этом человеке. Считаю, это шанс для тебя и твоих друзей заслужить мое доверие. Взамен я выкуплю для вас Приют радости.

На самом деле, сиротский приют уже принадлежит мне: закладная перешла вместе с ломбардом, купленным через подставных лиц еще месяц назад.

Паренек сразу перестает трястись, а я пытаюсь уговорить себя не обращать внимания на Грима, который всем своим видом спрашивает: «Какого беса ты творишь?!»

Люка-Прошмыга уходит, заверив меня, что я буду знать все, что о Блайте говорят на улицах.

— И не надо на меня так смотреть, — говорю Гриму, устав от его немного вопроса. — Я лишь

возвращаю долг судьбе, которая подарила нам с Райль пару добрых душ.

[1] На забытом языке приблизительно означает «одиночка в снежной пустоши»

[2]Атир (атир) — обращение к людям, невысокого происхождения. В данном случае Дэш использует слово с завышенной оценкой, чтобы польстить своему маленькому гостю

[3] Князь теней — сущность без лица, которая, согласно мироустройству, приходит отбирать души грешников. Называть его имя вслух — значит, обращать на себя ненужное внимание

[4]Шагарат — одна из ипостасей Безликого, бога смерти (Безликий, как и Триединые, состоит из трех ипостасей: Шагарата, Идис и Баэн)

глава 9

Хотите знать, чем занимается благородная герцогиня, вернувшись в стены родного дома? Предаётся праздности? Страдает бездельем, почитывая унылую книгу? Спит?

Черта с два.

До самого вечера я, вооружившись перчатками и садовым инструментом, привожу в порядок заброшенную оранжерею. Выкорчевываю сорняки, обрезаю кусты, окучиваю редкие побеги роз, которым хватило выносливости и безумия взойти. Я привезла с собой немного ростков орхидей и луковиц экзотических лилий, но основную часть должна привезти Райль, а вместе с ними и садовника, который сможет превратить это место в небесную обитель на земле. Но пока мне все равно нечего делать, я с удовольствием копаюсь в земле. Скажете, занятие, недостойное герцогини? Вероятно, я бы даже согласилась, но после пережитых скитаний эта работа приносит радость и расслабление, а еще позволяет сосредоточиться на главном — как и под каким предлогом я заявлюсь в подпольный игорный дом. Хотя, конечно, роль богатой тщеславной дурочки, которой просто нечего делать, вполне подходит. И играет на руку моему плану.

Грим появляется уже в конце дня, когда я сижу на кособокой скамейке, чувствуя приятную усталость и гордость за свое неумное трудолюбие. Конечно, работы еще непочатый край, но уже сейчас часть оранжереи выглядит почти пристойно. Надо обязательно заказать кованые решетки для согревающих монолитов, иначе капризные экзотические растения сбегут отсюда на собственных корнях.

Грим показывает записку, запечатанную печатью без герба и других опознавательных знаков. Обычно, он сам открывает всю непонятную корреспонденцию, так что нет смысла делать исключения. Возможно, внутри какая-то алхимическая ядовитая дрянь или другой «приятный» подарок от герцога. Но, судя по брезгливому выражению лица Грима, все в порядке.

Внутри лежит мягкий белый лепесток в форме сердечка. Не знаю, что за цветок подарил такую изысканную красоту, но выглядит потрясающе и, судя по форме и отсутствию характерных признаков алхимической обработки, он настоящий. Записка короткая и лаконичная: «В полночь. «Бархатная Маска». Готов обсудить условия найма».

Блайт. Ну, надо же.

Я потираю лепесток пальцами, принохиваюсь, чтобы убедиться, что тонкий сладкий аромат мне не почудился.

— Это неразумно, Дэш, — высказывается Грим. Для него все неразумно, что делается без его одобрения. За это его и люблю.

— Мне нужен этот человек, ты же понимаешь.

— Я понимаю, что ты никогда не сможешь ему доверять, а значит, лучше держаться от него подальше.

Верный страж совершенно прав, и в любой другой ситуации я бы с ним безоговорочно согласилась, но только не сейчас. Беспризорники хороши, когда речь идет о базарных слухах и мелком шпионаже, но в моей шахматной партии интриги высшего порядка: заговоры, шантаж, кровосмешение, похищения и подкупы, государственная переписка и записочки королевы своим любовникам, имена фавориток короля и даже даты их «красных дней». Вся эта грязная игра, которую возглавляет великий герцог Росс. Он тот еще шулер, и я собираюсь подготовить свою собственную колоду крапленых карт. У мошенников невозможно выиграть честным способом.

— Ты собираешься пойти? — обреченно спрашивает Грим.

— Конечно, я собираюсь пойти. И собираюсь купить этого парня в свою коллекцию.

Зверь Шагарата? Пфффф. Просто детские страшилки.

— Ты должна быть благоразумной, — уговаривает Грим, следуя за мной по пятам по лестнице, а потом без заминки проскальзывает в спальню. — Мы не знаем, что нужно этому парню. Думаешь, только деньги? Дэш, ты не можешь быть такой беспечной, когда за твою голову назначена награда.

Я поворачиваюсь и демонстративно начинаю расстегивать крючки на вороте домашнего платья — и Грим с ругательствами отворачивается. Хватаю со стола колокольчик и энергично звоню так, что уши закладывает. То, что нужно, чтобы мы оба успокоились. Знаю, что Грим волнуется и делает то, что должен делать преданный страж, и в моей жизни было множество живых доказательств его

правоты. Точнее, мертвых доказательств, и это лишь тех, кого мне случайно удалось увидеть. Но дело в том, что иногда нужно рисковать. Потому что в играх за власть самые осторожные всегда позади. Жизнь на островах была почти беззаботной, там не было людей, которые перевернули мое прошлое с ног на голову, там не было ни шахматной доски, ни фигурок, которые могли бы стать моей армией.

Здесь все иначе. Здесь мне нужно выбирать, кем и как играть. И кому, как не мне, знать, что армия из одних только праведников не способна на дерзкую победу. А именно такая — мой единственный шанс выиграть.

— Грим, я все равно пойду на встречу, — говорю твердо и уверенно. — И буду благодарна, если ты пойдешь со мной.

Он лишь обреченно кивает и выходит, уступая дорогу служанке.

Для встречи с Блайтом я одеваюсь сдержанно и строго: черные брюки из толстой шерсти, простая светлая сорочка, камзол с простыми пуговицами. Волосы убираю под треуголку с одним единственным красным пером. Этот парень невероятно хорош собой и что-то внутри меня отзывчиво реагирует на его прикосновения, но играть по его правилам я не буду. И дразнить намеками тем более.

Прогулка верхом по городу немного расслабляет. Я сижу в высоком дорогом седле на мужской манер, и всюду, где появляюсь, вызываю живой интерес: знатная дама, да еще и в брюках, так неприлично сидит верхом на коне. Просто чудо, что всех инквизиторов в наше время сожгли на их же кострах поборники новой веры — Мать, согласно догматам «Стослова», не терпит надругательства над себе подобными.

Приходится то и дело спрашивать дорогу, потому что за время моего отсутствия город сильно изменился. Грим едет рядом и держится настороже, наверняка готовый к тому, что даже согбенная старуха-беспризорница, которая чуть не бросается в ноги моей лошади, упрашивая меня подать хоть медяк, может перерезать мне горло.

— Не нравится мне, даже в такое время здесь много народа, — озвучивает подозрения Грим.

— Ночная жизнь столицы куда интереснее происходящего днем, — отвечаю я.

Но все равно оказываюсь не готова к тому, что «Бархатная Маска» окажется... борделем. И стоны из окон на верхних этажах слышны даже на улице. Я мигом краснею: и от стыда за чужую разнузданность, и от негодования, что меня, герцогиню Аберкорн, пригласили в такое место, да еще и ночью!

Мысленно посыпаю белобрысую голову «шутника» отборными проклятиями и даже успеваю развернуть лошадь, но знакомый голос откуда-то сверху останавливает меня.

— Это место слишком непристойно для Сладенькой Герцогини?

Он не дает мне шанса ответить: слышу приглушенный шлепок, как будто что-то упало на землю, а потом, откуда ни возьмись, Блайт вырастает прямо перед моей лошадью и берет ее под уздцы. Он что — вот так запросто спрыгнул со второго этажа?!

— Только приехала — и уже бежать. Ну и как вести дела с такой чистоплюйкой?

— То есть это была проверка? — прищуриваюсь я.

— Вроде того, — качает головой он и делает шаг вперед, становясь так, чтобы свободно и совершенно без стеснения поглаживать мое колено. Попытки лягнуть в ответ носком сапога вызывают лишь сочувствующий смешок. — Хватит быть такой недотрогой, сладенькая. Поверь, если бы я хотел тебя трахнуть, уже бы сделал это, и ты бы просила еще. А это всего лишь знак внимания хорошенькой женщине — и ничего более. Я не путаю деловые отношения с личными.

Как ему дается одним махом, даже без усилий, вывести меня из себя? Воображение живо рисует приятные глазу картинные его расцарапанного лица. Пока придется утешиться этим.

— Все в порядке, псина, — не поворачивая головы, говорит Блайт в сторону Грима. — Я не обижу ее, даю честное слово. И последний бесплатный совет: не хватайся за клинок в подобных местах. Здесь, конечно, нет мастеров фехтования, но вдесятером местные дворяне сожрут любого.

Я перекидываю ногу через седло — и Блайт обхватывает меня за талию, помогая спешиться. Мгновение мы стоим так близко, что я успеваю оценить и его высокий — даже для местного — рост, и крепкое худощавое сложение, и то, что он гладко выбрит. Рубашка под кожаной курткой белоснежная, но на воротах остался след от женского напомаженного рта.

И все наваядение как рукой снимает. Триедины, я чуть было всерьез не заинтересовалась обычным повесой.

Он явно чувствует перемену в моем настроении, потому что разжимает пальцы и, позерски откланиваясь, предлагает зайти внутрь.

— И кому принадлежит этот рассадник порока? — спрашиваю с выразительной насмешкой. — Хочу знать, кому прислать благодарственное письмо за слухи, которые завтра подадут к первому блюду в каждом кабаке.

— Мне. — Блайт идет сзади и шепчет эти слова прямо мне на ухо. Губы прикасаются к коже, и я совершенно уверена, что он делает это нарочно. — Как и все бордели в столице. Самый прибыльный бизнес, между прочим.

— Торговать человеческой похотью? — морщусь я.

— Помогать людям расслабляться, — переиначивает он.

— Играть на чужих низменных слабостях, — не уступаю я.

— Дарить людям счастье плотской любви. Но, конечно, откуда об этом знать сладкой невинной Герцогине.

Никогда в жизни мне не было так стыдно. Никогда еще не приходилось вкладывать столько усилий в каждый шаг. И не ответить. Я понимаю, какую игру он затеял. Хочет вывести меня из себя, расшатать лодку и заставить думать только о том, как бы не вывалиться за борт. Но у него ничего не получится.

— Дальше, сладенькая, — говорит Блайт, жестом предлагая следовать вглубь заведения.

Я нарочно не смотрю по сторонам. Мне все равно, что тут происходит, я пришла не для того, чтобы собственными глазами увидеть рассадник продажной любви. Но стоны сверху раздражают и заставляют нервничать. Интересно, каким образом девочки ублажали только что своего хозяина? Помятым он не выглядит, и рубашка зашнурована аккуратно. Явно не одевался наспех, так что...

Я глотаю возмущенный вздох и проскальзываю за полог, который Блайт отводит в сторону.

Здесь небольшая, но уютна комната: пушистые ковры, большие подушки для сиденья, резные столики на коротких ножках. Центральный сервирован всякими угощениями: фрукты, сладости, графин с темно-красным вином, серебряные кубки. Дорого, роскошно и изыскано. Совсем, как в доме старого герцога.

— Подумал, тебе будет уютнее находиться в знакомой обстановке, — говорит Блайт, пока Грим со знанием дела идет по кругу вдоль стен.

На самом деле это просто уловка, а никакое не гостеприимство. В знакомой обстановке человек быстрее расслабится и потеряет бдительность. Старый, как мир, фокус.

— А теперь, если все в порядке, прикажи своей псине оставить нас наедине, — предлагает белобрысый головорез. — Обещаю, о нем хорошо позаботятся. Даже блох вычешут.

Вижу, что Гриму не по душе такая идея, но взглядом прошу его оставить нас наедине.

— Я буду рядом, — бормочет он, напоследок зыря в сторону Блайта полным недоверия взглядом.

Блайт отвечает ему улыбкой и, когда мы остаемся одни, запросто стряхивает куртку с плеч, усаживается на подушку и тянется к ботинкам. Пока я пытаюсь понять, что происходит, взглядом жадно слежу за тем, с какой изящной ловкостью его пальцы справляются со шнурками. Миг — и он босой, в одних штанах и сорочке. Расшнуровывает и ее, останавливаясь ровно так, чтобы я могла понять — в отличие от северных мужчин, у этого напрочь отсутствует поросль на груди.

— Ты... — пытаюсь сказать я, но путаюсь в словах.

— Мне просто жарко, сладенькая. Я же сказал, что как женщина ты меня совершенно не интересуешь. Я люблю блондинок. Как Райль. Кстати, познакомишь меня с ней? Она просто прелесть.

глава 10

Райль? Моя сестра Райль?

Честно говоря, даже не знаю, что возмущает больше: то, что он знает о моей сестре и, судя по всему, все, раз так запросто распространяется о ее внешности, или то, что намекает на свою к ней симпатию. Поэтому делаю то, что всегда выручает из любой неоднозначной ситуации — делаю вид, что не поняла намека.

Райль и этот... Что за нелепость.

— Присаживайся, — приглашает жестом Блайт. — И угощайся.

Мы садимся по разные стороны стола — и Блайт лично наливает вино в кубки.

— И что за особенные угощения твой алхимик подливает в кубки важных гостей? — спрашиваю я.

— Афродизиаки, — хитро улыбается он. — Так что осторожнее, сладенькая Герцогиня. Выпьешь — и перестанешь думать о деле.

— Кто же вот так сразу признается? — отшучиваюсь я. Понятия не имею, врет он или говорит правду.

— Может, я просто даю тебе шанс самой сделать выбор, как закончится эта ночь.

Он делает глоток, и я сосредотачиваю взгляд на том, как мягко скользит кадык под кожей, как дергается толстая серебряная цепь. Хотя нет, это точно не серебро. У серебра, даже самого отменного, нет этого характерного искристого блеска. Она будто покрыта алмазным инеем. Поймав мой взгляд, Блайт подмигивает и, словно куртизанка, медленно вытаскивает цепочку из-за ворота, хвастаясь кулоном.

Я замираю, потому что это окровавленный серп прислужника Шагарата. Идеальная работа, потрясающая в своих деталях, но от того не менее омерзительная.

— Значит, ты правда Зверь? — спрашиваю сухим голосом. Плевать, что там подмешано в мой кубок — мне нужно выпить, пока язык намертво не присох к небу.

— Я? Зверь? — Блайт отрицательно мотает головой. — Знаешь, это почти обидно, быть о незнакомом человеке столь невысокого мнения.

— Тогда за каким бесом ты носишь эту дрянь?

— Потому что мне нравится эта безделушка. Она помогает ходить среди своих верных овец и не вызывать никакого подозрения. Люблю лично совать нос во все дела.

— Верных... овец? — тупо переспрашиваю я.

— Ох, прости, сладенькая Герцогиня, совсем забыл представиться.

Он растворяется прямо у меня на глазах. Только что был напротив — а уже сидит рядом и хватко держит за талию. Даже пошевелиться не могу, оглушенная ужасом.

Да быть такого не может.

— Разреши представиться, — улыбаясь ртом, в котором теперь ясно видны удлинившиеся верхние клыки, говорит он. — Кровавая гончая, Теневой танцор и Тот, что не оставляет следов. Шагарат, Прекрасный и Ужасный. Для друзей и одной сладенькой перепуганной малышки — просто Блайт.

— За дуру меня держишь? — с трудом отвечаю я.

— Я не играю на стороне дураков, Герцогиня. Так что ты уж постарайся не разочаровать божество.

Мне хочется рассмеяться ему в лицо, но это будет смех отчаяния, поэтому продолжаю тупо смотреть на его клыки, которые Блайт нарочно хвастливо демонстрирует в улыбке. Совсем недоброй улыбке, нужно сказать.

— Это просто обман, — говорю я, стараясь выглядеть беззаботнее, чем есть на самом деле. — Какая-то навязанная иллюзия. У меня что-то в бокале?

— У тебя в бокале прекрасное вино, сладенькая. Такое ты в этих краях не найдешь. Винодел продал душу за рецепт. Буквально.

— Я должна в это поверить? — И самое противное в этом всем то, что жадность, с которой я разглядываю его лицо, мне неподвластна. Не могу контролировать желание смотреть на него, впитывать каждый взгляд, каждый изгиб губ, пропускать через себя малейшую интонацию в голосе.

Это точно проклятое вино.

Пытаюсь отодвинуться на безопасное расстояние, но ничего не выходит: Блайт по-прежнему держит меня за талию, и чем сильнее я пытаюсь ускользнуть, тем крепче его пальцы впиваются мне в кожу даже через одежду.

— Послушай, я понимаю, что все это просто игра, чтобы сбить меня с толку, — отворачиваюсь в сторону полога, мысленно готовясь звать верного Грима на помощь. — Просто задурить голову бабушкиными сказками и потом делать вид, что я сама была рада обмануться. Но на меня эти фокусы не действуют, Блайт. И я пришла говорить о делах, а не изображать томную деву в беде. Если ты решил, что у нас с тобой... В общем, ты не так умен, как я надеялась.

— А разве ты не дева в беде? — насмехается он, одновременно окуная большой указательный и средний пальцы в бокал с вином. Скользит ими по моим губам, растирая сладкую влагу. — Выглядишь не то, чтобы очень сильной и готовой играть не по правилам.

Пытаюсь сказать, что он свиное дерьмо или что-то в этом духе, но вместо этого жадно слизываю вино с губ и не могу не обратить внимания, как пронзительный синий взгляд вспыхивает в ответ на мои действия. Блайт наклоняется ниже, и теперь мы так близко, что его теплое дыхание согревает кожу на моей щеке.

— Заметь, сладенькая, никто не тащил тебя на аркане, никто не гнал тебя силой по битому стеклу и раскаленным углям. Я всегда даю выбор: прийти добровольно или не прийти вовсе. Никакого неприятного шантажа. И лишь одна плетка, которую ты же и вложила мне в руки — твое неумное любопытство и раздутые амбиции. Герцогиня Аберкорн может получить все, что захочет, так? В том числе одного интересного человека. Как же так, ведь он должен принадлежать ей только потому, что так захотелось ее правой пятке. И плевать, что она знать не знает, с кем связывается и в какую игру сует свой хорошенький любопытный нос.

Самое мерзкое то, что держаться в ясном уме становится все сложнее, и я трачу последние силы, пытаюсь не растерять смысл его слов.

— То есть, если я пришла сюда добровольно, то и уйти могу в любой момент? И ты не будешь удерживать меня силой?

— Так и есть, — соглашается он, продолжая плотоядно улыбаться.

— Тогда отпусти меня немедленно.

— Сладенькая, я уже давно тебя не держу.

Я моргаю — и все становится на свои места. Блайт сидит напротив, между нами снова стол и ничто не указывает на то, что мы сидели друг возле друга секунду назад. И практически целовались.

Словно прочитав мои мысли, белобрысый ловкач облизывает кончики пальцев, которыми размазывал вино по моим губам. Пробует, словно гурман. И, чуть склонив голову на бок, подмигивает.

Он не может быть божеством! Это же просто смешно. Бессмыслица, нелепая выдумка, которой мамы пугают непослушных детей. Мол, к проказникам ночью приходит Теновой танцор и заставлял их плясать до упада, пока кости не превратятся в кисель.

— Если ты божество, — я морщусь от необходимости использовать это слово, — то зачем тебе деньги?

— Чтобы мы скрепили сделку, сладенькая, — отвечает он, как будто заранее подготовил ответ на любой возможный вопрос. — Чтобы был какой-то материальный компонент. Но, если хочешь на чистоту: я просто привлекал твое внимание и подогревал интерес. Деньги меня интересуют в последнюю очередь. Гораздо больше я ценю... другие вещи.

— Души? — смеюсь я, но желание улыбаться исчезает, стоит посмотреть на серьезное лицо моего собеседника. Похоже, невольно попадаю в самое яблочко. — Слушай, я понимаю, что ты невысокого мнения о моих уме и сообразительности, но я не настолько бестолковая, чтобы ставить на кон единственное бессмертное, что у меня есть. Даже если бы поверила во всю чепуху, которую ты тут

городишь.

Есть лишь один шанс не сойти с ума: продолжать и дальше верить, что передо мной — просто очень хитрый, циничный и расчетливый смертный. Да, с выдающимися способностями и явно умеющий предугадывать шаг противника наперед, но всего лишь человек.

— Твоя душа мне не нужна, — отмахивается Блайт почти брезгливо. — Не обижайся, сладенькая, но ты слишком скучная: пытаешься быть плохой девчонкой, а на самом деле вся из себя правильная и хорошая. Детишек прикармливаешь, милостыню раздаешь, мышей из мышеловок выпускаешь в поле.

— Что плохого в том, чтобы помочь детям?

— Ничего плохого, сладенькая, но меня не интересуют монашки в масках роковых красоток. Может быть, Эван это оценит? Ему, насколько мне известно, по душе игры в хорошую и плохую девчонку.

Мне становится противно из-за тона нашего разговора. Блайт словно препарирует меня, разбирает на кусочки и тычет в каждый кончиком скальпеля, выставляя на посмешище невидимым зрителям.

— Я так понимаю, что просто зря трачу свое время. — Порываюсь подняться, но просто не могу. Тело словно отлили из бронзы: ни колени разогнуть, ни хотя бы вытянуть ногу. Неужели и это тоже «чудесное вино»? Если так, то я обязана раздобыть хоть пузырек этих капель: в игре, которую я веду, мне эта штука очень даже пригодилась бы. — Просто хочу избавить тебя от моего скучного общества и необходимости вести предсказуемый разговор, — говорю, глядя Блайту прямо в глаза.

— Безумно рад, что ты так печешься о моем душевном благополучии, но позволь уж как-нибудь самому решать, когда я с тобой закончу. Пей вино, сладенькая герцогиня, уверяю, оно не отравлено. Иногда полезно доверять своим глазам. И собеседнику, кстати, тоже.

— Хорошо, — что есть силы кривляюсь я, изображая неопишуемый восторг. — Ты позвал меня договариваться о найме, а вместо этого объявил себя божеством и устроил мне моральную порку, рассказывая, как тебе невыносимо скучно в моем обществе. Но и уйти не даешь. Так что тебе нужно, Блайт?

Он делает жадный глоток из своего кубка и прищуривается. На самом деле, он действительно дьявольски красив, и чем больше выражений его лица я узнаю, тем сильнее убеждаюсь в том, что мне нравится этот мужчина. Надо быть честной с собой — это залог если не успеха, то хотя бы отсутствия громкого фиаско. А в делах сердечных тем более не стоит полагаться на самообман.

Через осознание к просветлению, как написал в одной скучной книге непринятый миром мудрец.

— Мне просто скучно. — Блайт подпирает щеку кулаком. — С тех пор, как люди перестали приносить во славу меня кровавые жертвы и устраивать кровопролитные войны, этот мир стал невыносимо скучным. А ты своим появлением создала хотя бы подобие возни. Всем этим важным задницам, уверовавшим в свое непоколебимое величие, давно пора наподдать.

Я прекрасно понимаю, что он просто не собирается говорить правду, но чем больше буду изображать неверующую, тем дольше просижу здесь. Так что просто хмурю брови и делаю вид, что его слова мне относительно понятны и такая «правда» меня устроит.

— И какая же твоя роль во всем этом? — Я все-таки делаю глоток вина и наслаждаюсь неподражаемым вкусом. Да уж, за такой букет не жаль и душу продать. — Что хочешь получить ты и что готов отдать взамен?

— Эй, сладенькая, до тебя снизошло божество, а тебе все мало? — Блайт прищелкивает языком.

— Невеликая радость, — пожимаю плечами. — Будет просто замечательно, если к неприкрытому самолюбованию и пафосу ты прибавишь что-то более существенное.

Вижу, что ему нравится мой мягкий отпор и толика иронии. Что ж, на этом вполне можно строить наши отношения и дальше. Лишь бы это «дальше» не оказалось коротким и грустным и не превратилось в плаху, виселицу или отравление. С Эвана станется устроить мне «сладкую жизнь». Единственная причина, по которой он пока не предпринимает активных действий, кроется в его тщеславии. Думает, что непобедим, и поэтому смотрит на меня сквозь пальцы.

— Хорошо, сладенькая, я дам тебе кое-что, но только из расположения — мне понравились наши словесные перепалки. Думаю, ты не так безнадежна, как мне показалось.

— Какая щедрая похвала.

— Совсем нещедрая, сладенькая. Щедрым я бываю только с теми женщинами, которые знают, чего хотят, и не боятся взять это любой ценой.

— Удачи тебе с поисками такой.

— Эван ищет бастарда, — говорит Блайт, в один миг становясь серьезным.

— Так это никакая не сказка... — размышляю вслух.

— Это сказка лишь для тех, кто считает, что король был безгрешен и непорочен аки служительница Матери. Но бастард существует. И великому герцогу он зачем-то понадобился.

— И это все? — Я честно расстроена, потому что рассчитывала узнать что-то более существенное. Конечно, если бастард реален и Эван собственными глазами не видел его труп, великий герцог будет его искать. Ни одному здравомыслящему интригану и претенденту на власть не нужен беспронятный козырь в чужих руках.

— Что есть, сладенькая. — Блайт пожимает плечами. — Полагаю, тебе тоже стоит заняться поисками. Может быть, даже избавиться от него первой? Или принести голову Эвану в знак своего расположения? Или... да что угодно. Вариантов так много, что я, пожалуй, не буду делать подсказки и лишать себя удовольствия. Выбери сама, сладенькая.

На этот раз ничто не мешает мне встать. Блайт опирается на руки, откидывается назад, разглядывая меня снизу вверх, недвусмысленно задерживаясь взглядом на шее. Хочется смахнуть его взгляд, как будто это удавка, но я стоически выдерживаю приятную пытку и иду к выходу.

— Кстати, — задерживаюсь, чуть-чуть приподняв полог. — Вино и правда чудесное. Пришли мне бутылку.

— Только в обмен на обещание распить ее вместе.

Я не смотрю на него, но чувствую крепкий мысленный шлепок по заднице. Понятия не имею, как это объяснить, но мысленно же предлагаю умнику поцеловать свиное рыло.

И его громкий смех преследует меня весь обратный путь до «Тихого сада».

глава 11

— Триединые, как тут можно жить?! — громкий возглас возмущения красноречиво говорит о том, что мое спокойное и прекрасное уединение навсегда почило в муках.

Потому что приехала моя младшая сестра Райль. А там, где Райль, всегда шум, хаос и много, очень много импульсивных поступков и безмозглых выходов. И именно это тянет к ней мужчин. Всех, без исключения.

Слышу в голове сокрушенный вздох Шири, знающей не понаслышке, на что способна эта девчонка. И посылает мне образ бегущей по лестнице Райль. Я успеваю закончить последнюю строку письма — и сестра вторгается в кабинет, словно торнадо, обжигая сладким ароматом цветочной воды и сумасшедшим голубым нарядом. Перья, жемчуг, алмазная крошка. А идеальная прическа сама по себе сгодится на титул «лучшее произведение искусства этого сезона».

Мы явные противоположности. Я темноглазая брюнетка, а Райль — блондинка со светло-голубыми глазами. Ей всего семнадцать, она на два года младше меня и на пол головы выше. В общем, рядом с ней я всегда чувствовала себя цветком, который сорвали на другой грядке и случайно сунули в вазу с благоухающей розой. Нет, конечно, я тоже красива и привлекаю мужчин, но ведь и красота бывает разная. Как говорил мой бедный покойный муж: Райль разит наповал, как молодое вино, а меня, как изысканный напиток, оценит лишь настоящий гурман.

— Ты снова зарылась в свои скучные дела, — тяжело вздыхает Райль, как будто это хоть как-то влияет на ее жизнь. — Скажи честно, ты хоть выходила отсюда?

— Конечно же, нет, — огрызаюсь я.

Беззлобно, просто, чтобы она поняла всю абсурдность своих вопросов. Бесплезно: Райль не глупа для семнадцатилетней красотки, чья жизнь — череда смены нарядов, поклонников и трагедий, достойных театральных подмостков, но и сообразительной ее трудно назвать. Иногда мне кажется, что она просто говорит все, что приходит на ум.

Райль снимает перчатки и уверенно идет к окну. Энергично распахивает тяжелые портьеры, и я морщусь от яркого солнца. Смотрю на кипу подготовленных писем, счетную книгу с кучей закладок и несколько длинных списков того, что нужно купить в первую очередь. Я просидела над делами всю ночь, но чувствую приятную усталость.

— Нам нужно устроить какой-нибудь прием. — Сестра делает пространный жест рукой. На самом деле она до сих пор считает, что жизнь — это праздник, а наши детские мытарства — просто недоразумение, о котором лучше забыть и не вспоминать. — Позвать важных людей, наладить связи и держать ушки на макушке.

Во избежание огласки и для личного спокойствия с Райль я не вдаюсь в подробности своих грандиозных планов. Иногда она водит дружбу с сомнительными личностями. И хоть частенько мне было это на руку, я предпочитаю, чтобы информация поступала извне, а не наоборот. Райль никогда не разболтает ничего нарочно, но запросто может сделать это просто из врожденной болтливости.

Она не знает, что я собираюсь вернуть то, что принадлежит нам по праву рождения и крови. Для нее причина нашего возвращения куда прозаичнее и банальнее: дела, деньги и... еще немного денег.

— Ну, вот и займись. — Я откладываю в сторону перо, поднимаюсь и, прихрамывая (от долго сидения затекли ноги), иду к дверям. — Ты все привезла? Ничего не потеряла, не забыла?

Вопросы могут показаться смешными, но у Райль подобные промашки случаются так часто, что я уже давно перестала удивляться. И может показаться странным, что я доверила рассеянной сестре такое важное дело, но должна же она когда-то становиться серьезнее?

— Нет, все привезла — и даже тот маленький мешочек, который ты велела всегда держать при себе. — Она явно горда собой.

— Умница. А насчет праздника — я серьезно. Мне этим некогда заниматься. Для начала можно что-то небольшое, для близкого круга.

Хотя, какой у нас близкий круг? Всех давно перевешали, а те, кому повезло избежать встречи с петлей, сидят по норам, как мыши.

— Я займусь, но здесь такой беспорядок... — удрученно вздыхает Райль. — Сюда разве что лошадей

из конюшни приводить.

Я останавливаюсь, поворачиваюсь на пятках и осаждаю ее четким и выразительным:

— Это дом наших родителей и в нем прошло наше детство. Имей уважение.

Сестра хлопает глазами, немного краснеет и виновато опускает голову. Стандартная схема. Теперь будет ждать, что я потреплю ее по голове, скажу, что все в порядке и предложу выпить теплого молока с какао. Так и было, раньше. До того, как она выросла и, чтобы потрепать ее по голове, мне пришлось подниматься на носочки.

Но вот сейчас с виноватыми глазами и чуть-чуть прикушенной губой Райль и правда выглядит первой красоткой: кроткая, милая, светлая и невинная. Даже думать не хочу, что Блайт...

Мотаю головой, вытряхивая непрошенные мысли. Мне плевать, с кем и чем будет заниматься этот... человек. Главное, чтобы он держался подальше от Райль, потому что ни мнимый божественный статус, ни настоящий не спасут его от моего гнева.

— Дэш, прости, — сдается сестра. Порывисто летит ко мне, обнимает и начинает потихоньку плакать. — Я просто почти ничего не помню.

Ей было десять, когда мы сбежали. Вряд ли она не помнит, но я не хочу с ней ругаться. Как бы там ни было, мы всегда были горой друг за друга, и так будет всегда. И я никогда не забуду, что именно Райль с ее невинными глазами и кукольным личиком выпрашивала для нас еду, пока мы украдкой добирались до теткиного дома. Я никогда не умела просить и скорее бы умерла с голода, чем встала на паперти. А Райль всегда приносила свежие булочки и вкусные куски домашнего окорока. Иногда мне кажется, несмотря ни на что, сестра больше приспособлена к жизни, чем я.

— Кстати, — говорю шепотом ей на ухо, — у нас два Мастера — и между ними пока напряженные отношения, поэтому советую не обращать внимания на грохот и разбитые зеркала.

«Я все слышу», — ворчит у меня в голове Шиира.

— Пойдем, посмотрим, что ты привезла.

На самом деле, Райль привезла почти всю нашу жизнь на островах, за исключением совсем уж громоздких вещей, которые было никак не перетащить.

Мой покойный муж оставил мне все, в том числе и титул, хоть это и превратилось в огромную бумажную волокиту. Нужно ли говорить, что его внебрачный сын — единственный ребенок, доживший до двадцати пяти лет — не воспылал ко мне любовью?

Не успеваю спуститься, а уже слышу громкий голос сенешаля Джаара: раздает четкие указания прислуге, чтобы та выстраивалась для встречи с госпожой. Раньше он казался мне настоящим тираном, но чем больше я вникала в непростую жизнь прислуги, тем больше убеждалась в том, что держать все это можно только в железном кулаке. И Джаар впоследствии стал не просто моей правой рукой, но и человеком, чьи советы я ценила больше остальных.

Когда выхожу, слуги уже стоят в ряд: белоснежные чепчики и сорочки, идеально выглаженные ливреи, начищенные до блеска башмаки и пуговицы. И не скажешь, что только с долгой дороги.

Говорю коротко и по существу: приветствую на новом месте и обещаю, что скоро в «Тихий сад» вернется былое величие. Большая часть моих слуг — жители островов: смуглые, невысокие, верткие и молчаливые. То есть совсем молчаливые, потому что старый герцог воротил такие дела, в которых даже один лишний писк мог превратиться в отравленный кинжал от конкурентов. А никто не продается так быстро и охотно, как слуги, увы. Поэтому герцог отвалил целое состояние, чтобы запечатать каждого: даже если захотят, не смогут ничего разболтать. И со временем я тоже поняла, что это необходимая мера.

Киваю Джаару, давая понять, что теперь он в своих правах. О том, как и где устроятся слуги, можно больше не тревожиться, как и о всех остальных бытовых делах.

Теперь самое важное.

В дорожной сумке Райль — несколько увесистых мешочков. Я брала все с запасом, но этого все равно слишком мало, чтобы разделить на двоих. Видимо, придется наведаться в лапку алхимика еще раз.

Я спускаюсь в подвал и рисую на полу простейший преобразовательный круг, внутри которого — равносторонний треугольник. На каждый угол высыпаю содержимое мешочков: толченая крошка драгоценных камней, пропущенная через специальную призму, золотые и серебряные бляшки с

рунами. И на последний угол — немного птичьих косточек, умерших естественной смертью. Первые два подходят для всех Мастеров, но третий компонент — всегда индивидуальный. Ума не приложу, почему Шиира любит птичьи кости, но без них она просто бессильна.

Когда все компоненты на месте, снимаю с шеи ключ от главного замка «Тихого сада» и укладываю точно по центру. Преобразовательный круг оживает. Шиира облегченно вздыхает и посылает мне образы ярких вспышек ее радости. Ну вот, теперь можно и мне вздохнуть с облегчением.

Работа Мастера всегда кропотливая и сложная и требует от него максимальной сосредоточенности и привязки.

— Начни с моей комнаты, — предлагаю довольной Шиире.

«Уже начала», — хвастается своей предусмотрительностью она.

Через пару недель это место будет не узнать

глава 12

«Приют радости» — кособокое старое здание, которое каким-то невероятным образом оказалось в центре новостроек банковского квартала. Со всех сторон — пафосные фасады и роскошные, покрытые позолотой вывески, несколько кофеен — и обитель маленьких беспризорников. Я лично привезла копию патента на владение, чтобы убедиться, что детей не выставят вон.

И, как оказалось, не прогадала, потому что нос к носу столкнулась с похожей на цаплю тали'сой Мирриной, герцогиней Дафи. Всегда терпеть ее не могла, хоть причина для этого была самая что ни на есть подходящая — она очень настойчиво пыталась выдать свою дочь за Эвана и преуспела в этом больше остальных. Дело дошло до помолвки, но Эван разорвал ее сразу после того, как началась уродливая история нашей опальной семьи.

Я даже не удивлена, что она приволокла с собой целую свору мордovorотов и хромого счетовода в пенсне и с жирным блестящим лбом.

— Могу я узнать, что здесь происходит? — интересуюсь нарочно без приветствия.

Маррина поворачивается и смотрит на меня с высоты своего внушительного роста. Ее «выдающийся» нос давно стал главной насмешкой столицы, поэтому как никогда тяжело удержаться и не пошутить по поводу того, что клевать меня в людном месте будет слишком неосмотрительно. Но она, судя по взгляду, с удовольствием именно это и сделала бы.

— Дэш, — протягивает мое имя с заметным шипением, как будто ей мешает раздвоенный язык. — Я была уверена, что разговоры о твоём возвращении просто очередная чепуха.

Она с отвращением и возмущением оценивает мой наряд: брючный костюм для поездок в мужском седле. Вот теперь можно не сомневаться, что мои кости будут глотать все сплетницы Фрибурга.

— Рада, что собственной персоной развенчала твою иллюзию, — улыбаюсь в ответ.

Мое «тыканье» ей явно не по душе, ведь она на каждом углу кричит, что в родстве с правящей династией, а значит, мне положено отвечать ей поклоны. Не дождется.

— И так, повторю вопрос: что здесь происходит?

— Она хочет нас выгнать, — говорит голос у меня за спиной.

Прошмыга — и как он там оказался? Во истину говорят, что у выросших на улице просто удивительная способность становиться бесшумными невидимками.

Грим вручает мальчику огромную корзину всякой домашней стряпни — она такая тяжелая, что Прошмыге приходится взять ее двумя руками, и он довольно кряхтит от этой тяжести. Я присаживаюсь рядом и поправляю на мальчишке рубашку. Надо бы прислать сюда чистых вещей: их обноски уже никакая штотпка не спасет.

— Передай это своим братьям и сестрам и скажи, что никто вас отсюда не выгонит. Вот, — кладу в корзину копию патента, — это очень важный документ. Он подтверждает, что «Приют радости» принадлежит вам до тех пор, пока под его крышей есть хотя бы один воспитанник. Показывайте это всем, кто будет вас тревожить. И не потеряйте.

Мальчишка смотрит на меня так, будто я волшебная фея из сказки и приходится подтолкнуть его шевелить ногами, потому что разговор с чванливой Цаплей явно не для детских ушей.

— Не успела приехать — и уже всюду суешь свой нос? — злится герцогине.

— Ну что ты, Маррина, совать нос — это твоя прерогатива. — Я прыскаю в кулак, подчеркивая, что говорю совсем не в переносном смысле.

— Эта земля принадлежит мне, — все больше распаляется она.

— Ты ошиблась или же тебя просто облапошили.

Герцогиня тычет мне в лицо каким-то документом, но я не успеваю ничего рассмотреть, потому что из-за поворота выезжает эскорт вооруженных до зубов стражников, в центре которых — великий герцог Росс. И, конечно, он не может проехать мимо и не узнать, в чем дело.

Мы с Цаплей присаживаемся в реверансе. Эван спешивается, проходит мимо герцогини и тянет меня вверх, предлагая распрямиться. Бросаю косой взгляд на Цаплю и посылаю ей триумфальную

улыбку, ведь ее вежливость великий герцог просто проигнорировал. Строго говоря, если она распрямится без его разрешения, ее запросто могут приковать к позорному столбу и высечь на потеху беднякам.

— Дэш, — Эван подносит мою руку к губам, но от поцелуя воздерживается. Просто поглаживает кожу между костяшками пальцев. — Даже не сомневался, что ты будешь на стороне нищих и обездоленных.

Конечно, он нарочно унижает меня. И делает это изящно — комар носа не подточит. И я знаю, что должна держать себя в руках и просто игнорировать нападки, за которыми нет ничего, кроме желани сказать мне, что с тех пор, как моя семья потеряла все — я больше никто, такая же обездоленная голодранка, только с деньгами, которые получила хитростью и обманом. Ведь Эвану и в голову не придет, что даже брак по расчету может строиться на уважении и доверии. И что старый герцог был моим мудрым наставником. Но пусть думает, что угодно. Это ведь Эван — большая властная задница. И я буду улыбаться и делать вид, что наслаждаюсь его грубыми знаками внимания и попытками меня задеть. Рано или поздно, но мое сердце перестанет так реагировать на его появление.

Надеюсь на это.

— Из-за чего переполох? — Эван опускает взгляд вниз по моему телу, словно я роза — и он пересчитывает количество шипов, о которые придется поранить ладонь, прежде чем завладеть цветком. — Почему, демоны задери, ты всегда в центре какого-то скандала?

— Она пытается оспорить мое право на владение землей, — немного визгливо вмешивается Цапля.

Уууу, это она очень зря. Мне даже не нужно смотреть, как сузились глаза великого герцога Расса, чтобы знать, как ему не по душе такие выходки. Мало того, что посмела открыть рот без его разрешения, так еще и заговорила не в свою очередь, ведь вопрос был явно адресован мне.

— Тали'са, не припоминаю, чтобы разрешал тебе говорить, — не поворачивая головы, мягко произносит он, но от этой мягкости даже у меня мурашки бегут по телу. И совсем не те мурашки, которые этот мужчин способен вызвать у женщины одной своей интонацией. Я уже слышала этот мягкий голос раньше и помню, какие разрушения он приносит вслед за собой. — Или меня память подводит?

Герцогиня охает и присаживается в еще более глубоком реверансе. Фактически, чуть не становится на колени. Я смотрю на нее и запоминаю каждый миг: вот чего может стоить одна нелепая выходка. Слава Триединым, я умнее этой стервы, и мне не придется изображать из себя сожалеющий знак вопроса на потеху всем местным. Стоит ли говорить, что вся чумазая детвора сиротского приюта тут же высыпала на улицу полюбоваться редкостным зрелищем. Нет ничего слаще, чем видеть униженным своего обидчика, и я вместе с ними с удовольствием наслаждаюсь процессом моральной порки.

— Я жду извинений, — немного раздраженно продолжает Эван. Ему плевать, кто перед ним: молодой мужчина или пятидесятилетняя женщина, он получит свое так или иначе, ведь великий герцог Росс не делает скидок.

— Я сожалею, герцог, и прошу простить мою неводержанность, — искренне трепещет Маррина, ведь она знает, что публичное унижение — лишь самое легкое наказание из множества, которыми герцог любит потчевать зарвавшихся подданных.

— Ты хотела сказать, простить тебе твой длинный язык, — подсказывает он, и герцогиня эхом повторяет слова.

Малышня хихикает, и даже почтенные, выглядывающие из окон банкиры, кривятся, чтобы не выдать улыбки.

— И так, Дэш, что происходит?

Грим протягивает мне оригинал патента, а я вкладываю его в ладонь Эвана. Рискую, конечно, ведь ему ничего не стоит порвать его, но это будет слишком мелко для человека его уровня, поэтому я надеюсь на лучшее. Герцог скользит взглядом по строкам. Он перечитывает сотни документов в день, ему не обязательно вчитываться в каждое слово, чтобы уловить смысл.

— Откуда он у тебя? — Он сворачивает бумагу трубочкой, но возвращать не спешит.

— Ты же сам сказал, что я всегда на стороне нищих и обездоленных.

— Дэш, — нажимает он интонацией, но я лишь пожимаю плечами. — Трое влиятельных дворян хотели получить лакомый кусок земли под этим сараем. — Он обводит кончиком пергамента

«Приют радости». — Но его каким-то образом заполучила ты. Кто продал тебе закладную?

— Волшебная фея положила под подушку, — улыбаюсь я. Ему нравится игра — мне ли не знать. Нравится чувствовать себя хищником, который ловит не вялую гусыню, а резвую лань, и пока я изящно гарцую перед ним, можно не опасаться повторить участь герцогини.

— Дэшелла, ты просто восхитительна в своих попытках прикинуться дурочкой, — нахваливает Эван и жестом предлагает своим стражникам увести герцогиню куда подальше. Но тут же останавливает их и бросает ей, все так же не удостоив и взглядом: — Надеюсь больше тебя здесь не видеть, герцогиня. Всему есть предел, даже жадности. Даже у сирот есть право на свой дом.

Конечно, это игра на публику и небольшой спектакль для меня. Чихать он хотел и на сирот, и на справедливость, а тем более на пределы чьей-то жадности. Если бы этот кусок земли был нужен лично ему, то уже до конца дня здесь бы не осталось даже фундамента. Но, к счастью для детишек, здесь Эван ни на что не претендует. Да и зачем это человеку, в чьих владениях и так треть государства.

— Я слышал, ты прочно обосновалась в «Тихой обители».

Эван делает шаг, и теперь мы плотно прижаты друг к другу. Он с минуту смотрит на мою ладонь в его руке и медленно, как будто пробует что-то новое, переплетает наши пальцы. Я невольно вздрагиваю.

— Разве было похоже, что я приехала погостить? — уточняю чуть сиплым голосом, потому что, хоть в этом жесте нет ничего интимного, он пробирает меня до самых костей. Эван, чтоб ему пусто было, знает подход к каждому человеку, а уж женское сердце для него давно не загадка. — Мне всегда нравился дом, в котором я выросла, а все мы, рано или поздно, стремимся вернуться к родным корням.

— Вас выкорчевали, Дэшелла, какие к дьяволу корни? — Он произносит это с улыбкой, но его выдает взгляд коршуна. — Я готов поверить в сказку про добрую фею, но мы оба знаем, что это добровольный самообман — и не более.

— И я благодарна за него, — говорю совершенно честно. Капля искренности смягчит любой напряженный разговор.

— Ты любишь охоту, Дэш? — резко меняет тему Эван.

Я отмечаю, что он уже второй раз назвал меня сокращенной версией моего имени, хоть всегда пользуется формальным именем. И что-то подсказывает, что и здесь нет случайности.

— Не так, как ее любишь ты. Помнится, никто не был так удачлив в травле лис.

Он вскидывает бровь, удивленный. И сильнее сжимает мою руку, из-за чего мне кажется, будто между нашими ладонями вспыхивает огонек пламени.

— Я не нахожу ничего приятного в том, чтобы загонять мелких беспомощных жертв. Но в Черном лесу видели арха. Он уже несколько недель терроризирует охотников, из-за чего я вынужден терпеть отсутствие к ужину свежей крольчатины.

— Разве архи не вымерли много лет назад?

— Вот и мне интересно, так ли это, — говорит Эван и кружит меня, будто мы в центре танцевального зала. Делает это так легко и непринужденно, что я невольно подхватываю ритм и не сразу понимаю, что вторая его рука лежит у меня на талии. — Завтра, на рассвете, Дэш. Одень что-то такое же потрясающее. Никогда бы не подумал, что мужской наряд превращает женскую задницу в произведение искусства.

— Потому что далеко не каждая задница выглядит так соблазнительно, — вздернув нос, переиначиваю я. Не хочу, чтобы он думал, будто я одна из безликого множества его игрушек.

— Поверь, я обратил на это внимание.

Он отпускает меня, и пока я пытаюсь переварить случившееся, уже оказывается в седле. Проезжает мимо и ладонью скользит по моему подбородку.

— Это не приглашение, герцогиня Аберкорм, — говорит сухо и официально. — Если я не увижу тебя завтра, считай, что нажила большие неприятности на свою неповторимую задницу.

— Он мне не нравится, — говорит Грим, когда и герцог, и его эскорт полностью исчезают из виду.

— Мне тоже, — совершенно бессовестно вру я.

Потому что этот стервятник теперь уж точно застрянет в моей голове. Сначала шахматы, теперь — охота. Что за игру он ведет? Не может быть, что просто... ухлестывает за мной. Или может?

глава 13

Я люблю драгоценные камни, золото и серебро. Но люблю их не как украшения, а в виде цифр в счетных книгах. Особенно, когда вижу положительный баланс после вложения.

Встреча с великим герцогом немного выбила меня из колеи, но я быстро прихожу в себя, стоит нам с Гримом приехать в порт. Да, это странно, что знатная дама лично занимается таким не женским занятием, как проверка груза, но, поверьте, это единственный способ держать в руке каждый слиток золота, который везут с рудников. Мой покойный муж любил говорить, что деньги, как и ветреные женщины, быстро привыкают к чужим рукам. Стоит пустить дела на самотек, довериться ушлому счетоводу — и все, тебя тут же начнут обирать, как липку. Поэтому он лично обучал меня вести подсчеты, делать ставки, рассчитывать выгоду и делать прочие скучные дела, которые благородные господа считают работой для наёмных рабочих. Сначала мне это казалось скучным, потом я понемногу привыкла, а теперь получаю истинное удовольствие от того, что читаю цифры лучше, чем опытный астроном — звездное небо.

Конечно, все богатство не сгружают в открытую. Я начала подготовку к этой игре еще год назад, сразу после того, как похоронила своего мужа. И теперь у меня в руках и портовый секретарь (закладные на дом запечатали его рот лучше всякой взятки), и корабль с командой, и целая сеть агентов, которых я, так или иначе, спасла от встречи с виселицей. Но я никогда не была скрягой, поэтому, пока с милой улыбкой диктую перечень груза, Грим бросает секретарю звякающий от монет кошель. Пройдоха тут же прячет его в потайной карман камзола и, склонившись над бумагой, повторяет вслед за мной:

— Саженцы лиственницы белой, саженцы красного дуба, десять бочек картофеля, три бочки оливкового масла. — Перо скрипит от его усердия. — Три мешка овсяной муки, три мешка кукурузной муки...

Ближе к вечеру все это «добро» развозят в нужные места: часть на монетный двор, часть по ювелирным мастерским. Через пару недель, если дела будут идти своим неспешным чередом, я подомну под себя всю торговлю дорогим барахлом. Но я мечтаю выше, гораздо выше, именно поэтому не рискую озвучивать цели даже в собственных мыслях.

В аптекарской лавке все так же душно, но на этот раз я — не единственный ее посетитель. Аптекарь крутится юлой и просит нас с Гримом подождать. Я говорю, что каждая минута моего времени стоит дороже, чем любой порошок, который он будет толочь, но до моего слуха доносится нетерпеливое покашливание из тайной комнаты, куда он водил нас в прошлый визит. Грим понимает меня без слов — выходит за дверь и растворяется, пока я, присев на стул, жду своей очереди. Там женщина — в этом нет сомнений. И раз я сижу здесь, то выходить она будет не через парадную дверь.

Я мысленно терпеливо повторяю одну и ту же считалочку — если сделать это четыре раза подряд, то выйдет примерно минута. Всего проходит около семи прежде, чем раздается негромкий шорох открывшейся и закрывшейся двери, и аптекарь появляется передо мной весь взъерошенный и полный раскаяния за мое вынужденное ожидание.

— Компоненты не помогли? — спрашивает он, озадаченно потирая лоснящийся лоб.

— Нет, все сработало просто великолепно. Но мне нужна еще мера драгоценной пыли и толченая руда.

Аптекарь тут же выдает то и другое и интересуется, не нужны ли мне капли от бессонницы или нюхательная соль от головной боли.

Отказываюсь и, не прощаясь, выхожу на улицу.

— Молодая, белокурая, выше тебя ростом, родинка — вот здесь. — Верный страж указывает на место под правым глазом.

О, я хорошо знаю эту родинку. Моя неудавшаяся соперница, старшая дочь маркиза Ластера — Тара. Ее прочили в невесты наследному принцу, но мой отец оказался убедительнее. И, насколько мне известно, даже после нашего побега Тара так и не добилась расположения принца.

Интересно, что ей понадобилась? Точно не нюхательная соль.

Проклятый Блайт! Я ведь рассчитывала на его помощь. Как минимум на то, что он посвятит меня в последние закулисные интриги. Может показаться, что я ищу кошку в темной комнате, но такие девицы, как Тара, не посещают аптекарей тайком, убегая, как воришка, через черный ход. И

наверняка ей есть, что скрывать. И тайна эта стоит дорого, раз она обратилась к человеку, чьими услугами пользуется только высшая знать. Он наверняка знает, что с ним сделают, стоит распустить язык.

Вот же!

Я с досады топаю каблуком. Грим кривит рот, чтобы спрятать улыбку. Понимаю, что выгляжу капризной девочкой, из-под носа которой увели последнюю дорогую куклу, но именно так себя и чувствую. Я должна знать все, иначе это будет игра наощупь. Может быть, именно эта тайна нужна для успешного старта — кто знает?

Мы возвращаемся домой, и я застаю «чудесную» картину: Райль на улице, всклокоченная и в заляпанном какой-то дрянью платье. Даже спрашивать не нужно, чтобы примерно догадаться о случившемся. Моя маленькая сестричка явно попала в немилость к Снайгу. Никто другой из прислуги не рискнет с ней связываться, даже Джаар, потому что все слуги в курсе, что еще больше, чем своей красотой, Райль известна своей же злопамятностью.

— Что случилось? — без долгих вступлений спрашиваю я.

Райль тычет мне в лицо грязный подол и почти багровеет от злости. Подавленный крик клокочет у нее в горле.

— Снайг?

«Она обозвала меня трупной пылью», — глухо отвечает он.

— Трупная пыль, значит. — Смотрю на сестру и выразительно поднимаю бровь в ожидании ответа. — Что-то новенькое.

У Мастера может быть только один хозяин, которого он слушается (в идеале) и который может слышать его. Но видеть воочию проделки Мастера могут все, у кого есть глаза, как и вмешиваться в его неспешную кропотливую работу.

Райль поджимает губы и с громким «хм!» задирает подбородок чуть не до потолка. Характер у нее не сахар, мягко говоря.

Снайг посылает мне образы темного душного помещения, пыльного и захламленного сундуками и старой мебелью. Похоже на комнату на верхних этажах, но сейчас, когда обои выцвели, и их цвет трудно угадать, я даже вспомнить не могу, где это. Вижу, как пыль по чуть-чуть исчезает с небольшого зарешеченного окошка, как побелка потихоньку сползает с потолка, уступая место свежей светло-серой краске. Пыль растворяется, словно ее втягивают в невидимое отверстие, пол преобразается до состояния светлого же паркета. Даже слышу приятный запах свежей кленовой древесины.

А потом появляется Райль, со щеткой и какой-то металлической лопаткой взбирается на пирамиду из коробок и начинает соскребать с потолка лепнину, которую Снайг так любовно вылепил, что на кленовых листьях запросто можно рассмотреть каждую жилку.

— Красивая лепнина, Снайг, — говорю я. На самом деле просто удивительно, откуда у полуживого Мастера столько сил без подпитки, чтобы сотворить подобную изящную красоту. Но то, что парень непрост, я и так подозревала. — Надеюсь, ты сможешь все исправить? Я принесла тебе компоненты.

Взвешиваю на ладони оба мешочка и слышу в голове вздох облегчения.

— Что? — возмущается Райль. — Ты на его стороне?

— Я ни на чьей стороне, а тебе пора зарубить на носу, что домом занимается Мастер. — Губы Райль начинают дрожать, и я понимаю, что мы в полушаге от океана слез. Мысленно вздыхаю, приобнимаю сестру за плечи и примирительно говорю: — Ты же вроде хотела заниматься гостями? Вот, занимайся.

— Я хочу быть по-настоящему полезной, — капризничает она.

— Ты мне очень поможешь, если составишь с кухаркой меню, чтобы мы могли начать закупать необходимые продукты. И имей в виду, — подмигиваю, — то, что прием будет маленький, вовсе не означает, что он должен быть скромным. Я хочу, чтобы весь Фрибург загудел. И можешь не стесняться в деньгах. Мы богаты, Райль, и нет необходимости экономить.

Райль думает, что я не знаю, но я уже несколько раз находила в ее вещах завернутые в носовые платки по два кусочка хлеба: для себя и для меня, всегда. Она до сих пор боится жить впроголодь. И я сделаю все, чтобы навсегда вытрясти из нее этот страх.

— Ты, правда, не будешь против, если я сделаю все сама? — шмыгает носом Райль. — На свой вкус?

— Я тебе доверяю.

И это действительно так. Мы привыкли держаться друг за друга, и там, где отчаяние достигало своего апогея, лишь взаимное доверие не давало окончательно утонуть. Кроме того, Райль действительно разбирается в этом лучше меня, потому что пока старый герцог учил меня счетному делу и хитростям коммерции, Райль обучалась светской беседе, моде, игре на музыкальных инструментах и посещала модные салоны. Уверена, ее дебют в качестве организатора будет блестящим.

Сестра уходит, окрыленная полностью развязанными руками, а я присаживаюсь на скамейку на крыльце. На улице валит снег, и слуги энергично работают метлами и лопатами, перебрасываясь подбадривающими шутками. А мне хочется плюнуть на все и взяться лепить снеговика. И в голову лезет образ двух голубых аквамаринов, которые можно использовать вместо глаз.

Вцепился в меня своими глазами, словно клещ! Божество? Как же. Шарлатан и мошенник.

— Какой твой третий компонент? — спрашиваю Снайга.

Он долго думает, перебирая образы, которые мне ни о чем не говорят. А потом показывает то, от чего меня, наконец, прорывает смехом, словно ветхую плотину.

— Ты серьезно? — переспрашиваю на всякий случай.

Идиотское совпадение, но он показывает мне образ громадного мохнатого арха: темная шерсть свисает колтунами, красные глаза горят между косматыми завитками, на длинных, острых, как пики, рогах, видны резные рунные завитки.

Моему Мастеру-приблуде нужны именно рога.

— Ты бы еще ковер-самолет попросил, — кое-как справившись со смехом, отвечаю я. Вытираю пальцами слезы в уголках глаз, думая, что если завтрашняя охота будет удачной и сойдутся все звезды, я готова продать душу демонам Нижнего мира в обмен на возможность навсегда запечатлеть лицо Эвана, когда попрошу у него рога арха.

глава 14

На самом деле охота сегодня вообще крайне неудачна. Во-первых, потому, что утром у меня просто зверски болит голова: всегда очень буйно реагирую на смену погоды, а тут после снега вдруг зарядил колючий дождь на всю ночь. Как итог: грязь, слякоть и пробирающая до костей сырость.

Во-вторых, сегодня назначена игра, на которую Риваль явится обязательно. И игра это начинается после полуночи, так что мне нужно быть свежей, подрой и хорошо соображать, что вряд ли удастся, если охота затянется на весь день. В общем, все одно к одному. Но кто я такая, чтобы пренебрегать высочайшими приглашениями? Не двухголовая — так точно, и не кошка, чтобы рискнуть пожертвовать одной из девяти жизней.

Я помню «просьбу» великого герцога и для поездки выбираю бордовые кожаные штаны с вышивкой и кружевной отделкой, а в пару к нему: алую, как кровь, сорочку и черный камзол. И даже треуголка у меня есть, с тремя алыми перьями, собранными рубиновой застежкой. Райль окидывает меня придирчивым взглядом, макает кисточку с беличьим ворсом в жемчужную коробочку и придает последние штрихи моим бровям.

— Ты там будешь самая красивая, — улыбается, явно довольная проделанной работой.

И, как ни странно, не клянчит взять ее с собой, хоть обычно чуть не до смерти дуется, если я хожу на светские мероприятия без нее. Догадываюсь, что дело в Эване — сестра до сих пор вспоминает его как самого страшного злодея в нашей жизни.

На мой вкус, губы можно было сделать и не такими яркими, но то, что теперь я выгляжу роковой красавицей — бесспорно.

К назначенному времени мы с Гримом прибываем верхом. На опушке Черного леса уже разбили пестрые шатры — и все это скорее напоминает шумную ярмарку, чем подготовку к встрече со смертельно-опасным зверем. Даже если на минутку предположить, что это и впрямь арх, а не одичавший медведь или бешеный лось. Конечно, мое эффектное появление вызывает живой интерес. Не сказать, что приятный, но я давно научилась не обращать внимания на шепот в спину и откровенное отвращение во взглядах тех, для кого женщина, сидящая верхом по-мужски, — блудница и бесстыдница, похуже тех, кто в подворотнях торгуют любовью за медяк.

Эван как раз упражняется с копьем: я придерживаю лошадь, чтобы полюбоваться тем, как он грациозно делает выпад за выпадом, терзая соломенное чучело. Последний удар приходится ровно в лоб цели, и великий герцог срывает бурные женские овации. И Тара в первых рядах тех, кто рукоплещет его победе, не жалея ладоней. Кажется, одна я не реагирую никак — и Эван, словно чувствуя это, оборачивается ко мне.

— Ты приехала, — говорит, бросая копье оруженосцу.

— Решила не искушать судьбу и не напрашиваться на порку.

Великий герцог помогает мне спешиться и задерживает ладони на талии гораздо дольше, чем того требуют приличия. Он весь в черном: кожаные штаны, сапоги, камзол и даже сорочка под ним. И волосы взлохмачены ветром. После тренировки все еще тяжело дышит и я, пытаюсь освободиться из его объятий, упираюсь ладонью ему в грудь. Сердце колотится быстро и ритмично.

— Ты меня компрометируешь, — говорю глухо, чтобы еще немного насладиться этими частыми ударами.

— Говорит женщина, носящая мужской наряд и приехавшая в мужском седле. — Он отвечает мгновенно, как будто заранее, еще вчера, знал, что я буду говорить. И какими словами. — Не говори глупостей, Дэш, не порти образ, от которого я почти готов потерять голову.

— Тем не менее, это не дает тебе права лапать меня, словно одну из своих безмозглых побрякушек.

— Если бы я считал тебя такой, ты бы уже давно гнила в темнице, — ни капли не лукавит Эван.

Протяжный рев охотничьего рога говорит о том, что загонщики напали на след зверя и медлить нельзя. Эван усмехается — азарт придает его взгляду остроты, от которой хочется загородиться руками.

— Поцелуешь на удачу, Дэш? — Он недвусмысленно проводит пальцем по моим губам.

— Не боишься, что отравлю?

Он становится серьезным, улыбка угасает, уступая место грозным теням. Как будто я сказала что-то такое, что противно ему самому.

— Возможно, герцогиня Аберкорн, ты меня уже отравила.

Я хочу как-то разбавить это напряжение, тяжелую паузу нашего разговора, но Эван отстраняется и идет к лошади, на ходу раздавая четкие указания. Наверное, догнать его шуткой о том, что трофейные рога я откуплю за любые деньги, будет верхом безрассудства. Поэтому просто взбираюсь обратно в седло и пристраиваюсь в хвосте колонны. Женщин среди желающих посмотреть на охоту вблизи мало: я да пара отважных вдов. И Тара — тут как тут. И это явно неспроста.

В охоте нет ничего интересного: просто ехать вместе с остальными и изредка прищпоривать лошадь. Самое интересное всегда в руках главного охотника, и никто из мужчин не рискнет влезть в забаву Эвана и наклепать на свою голову гнев великого герцога Росса.

Колонна уходит все дальше в лес, я, скуки ради, пытаюсь спланировать сегодняшнюю игру, благо у меня есть хорошие навыки, а старый герцог всегда говорил, что карты меня любят. Потом колонна перебирается через неглубокий овраг и ускоряется.

Я понукаю лошадь пятками, но она почему-то упрямится. Громко ржет и косит влево, как будто что-то ее пугает. Грим настороженно озирается по сторонам и говорит что-то таким тихим шепотом, что я не разбираю ни слова. Пытаюсь приструнить лошадь, но упрямица, окончательно взбесившись, встает на дыбы. Пытаюсь удержаться в седле, но понимаю, что это бесполезно: лечу на землю, в последний момент понимая, что это падение спасло мне жизнь.

Черная тень сносит мою кобылу тараном: черные кончики рогов протыкают бедное животное, забирают верх, словно кусок мяса на вилку.

От удара головой и сломанной шеи меня спасает насквозь влажный мох и прошлогодние листья. И вязкая грязь, в которой я барахтаюсь, как муха в меду. То, что Грим до сих пор не пришел мне на помощь, пугает. Вот и вся моя хваленая храбрость: я так привыкла полагаться на защитника за спиной, что сейчас готова нырнуть в панику с головой.

Кое-как сажусь: была бы в амазонке[1] — ни за что бы не сделала это так быстро. Моя несчастная лошадь издает предсмертные душераздирающие звуки, которым вторит громкое сопение и чавканье. Даже голову не хочу высовывать, чтобы не привлекать внимания. Главное, отползти в сторону, пока тварь наслаждается трапезой.

Передергивает от одной мысли, что дорогая породистая кобыла стала кормом для ископаемого чудища. Невероятно, но факт — это действительно арх. Но какого беса он здесь, а не там, где на него охотится Эван?!

С горем пополам ползу в сторону кустов. Оттуда раздается приглушенный стон. И судя по вмятинам от подков и глубоким следам копыт, арх сперва снес с пути Грима, а я была следующей и менее везучей.

Спасительные кусты совсем рядом, но я неосторожно придавливаю случайную ветку ладонью, и треск звучит громче раската грома. Прекратившееся чавканье — свидетель того, что меня рассекретили. Но убежать и оставить Грима я не могу. Да и куда бежать? В болоте я передвигаюсь с черепашьей скоростью.

Когда за спиной раздается низкий рокот, я медленно распрямляюсь в полный рост и поворачиваюсь. Мерзкое страшилище, в самом деле, красноглазое — и сейчас один глаз смотрит на меня сквозь косматую, всю в старых колтунах, шерсть. Арх возвышается надо мной на добрых пару метров. Сглатываю, пытаюсь вспомнить подходящую молитву, но слова в страхе разбегаются. Арх бьет копытом, посылая в меня порции грязных брызг. Оба его окровавленных рога нацелены на меня, и я знаю, стоит лишь пошевелиться — и меня постигнет участь лошади.

А потом раздается свист: задорный и достаточно звонкий, чтобы арх повернул на звук косматую голову. Я уже почти ни в чем не уверена, но, кажется, там шаги: быстрая легкая поступь, которой вторят короткие хлесткие запахи. Болезненный рев разрывает лесную чашу — и арх несется прочь. Почти уверена, что это Эван пришел меня спасать, но фигура, которая вступила в смертельную дуэль, двигается намного быстрее герцога. Она неуловима, как блики солнечного зайчика, бесшумна, как тень, и скользит между деревьями белоснежным языком пламени.

Еще мгновение назад мне казалось, что на арха нет управы, но теперь взбешенная громадина выглядит беспомощной, барахтающейся в паутине мухой. Куда бы он ни сунулся — белый призрак всегда выходит наперерез. Ловко кромсает его сразу с двух рук, отсекая от туши кусок за куском, словно мясник. Невозможно завораживающее зрелище.

В отчаянной попытке в последний раз отвоювать жизнь, арх перестает маневрировать и просто идет

на противника всей тушей. Рога нацелены в фигуру, которая выходит из-за дерева и расслабленно поводит плечами.

Блайт?!

Арх делает два последних шага — Блайт прыгает ему навстречу. Высоко, словно законы мироздания не для него. Упирается носком в ошметки носа и легко перепрыгивает на спину чудовища. Заносит кинжалы и жадно по самые рукояти вонзает в спину чудовища.

Арх издает почти человеческий стон — и падает, чтобы больше не подняться.

Блайт выдергивает кинжалы, брезгливо вытирает их о шкуру и непринужденно спрыгивает на землю. Он весь в крови, но очевидно, что это кровь арха. Алые капли ручейками стекают с белоснежных сосулков волос и струятся по переносице, верхней губе. Он сплевывает кровь и вразалочку идет ко мне. Я бессердечная, невозможная предательница, потому что вместо того, чтобы броситься на помощь Гриму, словно завороченная слезу за тем, как неумолимо сокращается расстояние между мной и позером.

Он в белоснежной, насквозь пропитанной кровью сорочке — и тяжелые ботинки зашнурованы так, будто он только проснулся и наспех сунул в них ноги.

— Сладенькая Герцогиня, — шепчет Блайт, перекладывая клинки в одну ладонь, а второй поглаживая мой подбородок. Будто и не было смертельной опасности, будто мы в уютной беседке наслаждаемся пением птиц. — Нельзя же так подставляться.

Я могу только кивнуть — прикрыть рот рукой, когда он наклоняется с явным намерением меня поцеловать.

— Не хочешь? — Он смазывает кровь рукавом, скалится. Клыки все еще там, за его губами. — Да пошла ты со своим чистоплюйством! Я для тебя последнего живого арха убил, так что поцелуй — меньше, что ты мне должна.

Мое возмущение тонет в горячем вдохе его поцелуя. Он словно поглощает мою душу, взамен наполняя чем-то невыносимо сладким, что ныряет в живот и заставляет мои колени пуститься в пляс. Язык скользит у меня во рту, нахально разбивая слабые попытки ему противостоять. Мне хочется большего. Я невольно подаюсь вперед, забрасываю руки ему на шею. Это кажется естественным и нормальным вопреки всей ненормальности произошедшего.

Когда он отстраняется, мне требуется время, чтобы понять, почему реальность бессовестно вторгается в приятную эйфорию. Нехотя разлепляю веки и натываюсь на голубой взгляд, который скользит по моему лицу.

— Тебе нужно почаще падать с лошади, сладенькая, — подтрунивает Блайт, вытаскивая веточки из моих волос. — За лоском и пафосом скрывается премиленькая женщина.

Стон Грима разрушает последнюю каплю романтики момента.

Слава Триединым! Да что это со мной?!

Грим лежит на земле за кустами, и глубокая рыхлая царапина протянулась через весь его лоб, словно свежая борозда на пашне. Неподалеку валяется виновница этого «украшения» — обломанная еловая ветвь с острым, как скальпель, кончиком.

— Ты... не ранена? — стонет верный страж, и мои глаза наполняются слезами.

Он чуть не погиб и ему досталось куда сильнее, чем мне, но и сейчас он в первую очередь думает обо мне. А я... я, забыв обо всем на свете, целовалась с человеком, который, может статься, и не человек вовсе! И жизнь Грима тогда вообще ускользнула из моей головы.

Скидываю камзол — он все равно безнадежно испорчен — и, наплевав на стыд, отрываю рукав. Тонкая дорогая ткань легко поддается.

— Я в порядке, — бормочу одеревеневшими губами. — Тебе нужен лекарь. Сможешь встать?

Сзади раздается насмешливое прищелкивание языком.

— Ничего себе, как резво ты сбрасываешь листочки, мой драгоценный цветочек. Что за несправедливость? Я жизнь спас и тебе, и твоему паршивому телохранителю, но мне ты даже коленку не показала. Сражен в самое сердце ядовитой стрелой несправедливости.

Не нужно поворачивать голову, чтобы примерно догадаться о поддельном мученическом страдании на его лице. И я невольно, почти забывшись, где мы и что произошло, ухмыляюсь в ответ. Язык у

Блайта подвешен хорошо — ничего не скажешь. И умеет он им не только чепуху молоть.

Я резко распрямляюсь, надеясь, что Гриму не до того, чтобы высматривать румянец на моем лице.

Грим кое-как, ворочаясь, как неуклюжий жук, переворачивается и встает: сначала на колени, чтобы сделать передышку, потом в полный рост. Просто чудо, что его ноги целы, но мне не нравится то, как мученически он морщится каждый раз, когда пытается сделать глубокий вдох. Я не сильна в медицине, но, похоже, у него сломаны ребра. И немудрено — после такого удара.

— Я в порядке, Дэш. — Он мягко отстраняется от моих попыток подставить плечо. — Только дай в голове проясниться.

Киваю и отхожу, догадываясь, что он не хочет меня обидеть прямой просьбой оставить его одного.

— Никакой справедливости в этом дрянном мире, — продолжает сокрушаться Блайт.

Разглядывает себя сверху вниз, беззвучно чертыхается и, вонзив кинжалы в мшистую земляную насыпь, стаскивает окровавленную сорочку. Лениво вытирает об нее лицо и руки, а потом тщательно — лезвия. Любуется проделанной работой, пока я, как марионетка гипнотизера, люблюсь им. И в голову почему-то лезут мысли о самых породистых жеребцах аларской породы: крепких, поджарых, с кожей, туго натянутой на выпуклых мышцах. И каждое движение настолько же грациозно, насколько наполнено силой и скрытой мощью. А в случае Блайта еще и смертельной опасностью. Мне бы очертя голову бежать от него со всех ног, а я, как сопливая девчонка, тарашусь во все глаза.

— Смотри хорошенько, сладкая Герцогиня, потому что это тело ты будешь видеть в своих самых похотливых снах и мечтать о нем, просыпаясь в холодной пустой постели. Я, как и говорил, все еще категорически заинтересован в Райль.

Имя сестры рушит все наваждение. Удивительно, как, в сущности, мало времени нужно, чтобы восхищение и благодарность сменились ненавистью и злостью. И как я ни пытаюсь убедить себя в том, что все дело в моей опеке над Райль, правда слишком очевидна. Не настолько же я безнадежна, чтобы верить в собственный обман.

Я ревную этого сукиного сына. Ревную так сильно, что сжимаю руки в кулаки, сдерживая острую потребность отхлестать его по роже.

— Не смотри на меня такими сумасшедшими глазами, сладенькая, — улыбается Блайт, плотоядно облизывая губы. — А то ведь еще раз поцелую.

Стараясь не уронить достоинство еще ниже, оцениваю расстояние между нами — он точно до меня не дотянется. Блайт выразительно следит за моими шагами и лишь вскидывает бровь. В голубом взгляде читается насмешливое: «И это все?»

— Сделаешь так еще раз, — злюсь я, — и узнаешь, каким приемам обучил меня Грим против таких, как ты.

— Таких, как я? — Белая бровь выразительно надламывается. — Можно поподробнее, сладенькая?

— Если думаешь, что ты и Райль... — Слова застревают в горле, и я маскирую негодование кашлем. — Она — моя младшая сестра, ей всего семнадцать, и при том приданом, которое она получит, Райль заслужит только достойный, умный, бескорыстно и беззаветно любящий ее мужчина.

Блайт отвешивает чинный поклон — и это тоже очередная клоунада.

— Уверяю, сладенькая, меня не интересуют ее деньги. Я умен, хитер и осторожен, а моя божественная кровь просто уникальна.

Со страхом жду, что он скажет о неземной любви, и Блайт, воспользовавшись моим замешательством, в два шага оказывается рядом. Снова обнимает, и мы одновременно смотрим на то, как естественно приживаются друг к другу наши обнаженные плечи. Пальцы скользят по моей руке, и я думать забываю о холоде. Кажется, теперь мне очень бы пригодился свеженький сугроб, чтобы нырнуть туда с головой.

— Твоя ревность на вкус, как острое даррийское вино, — шепчет Блайт.

— Ты самовлюбленная свинья, — огрызаюсь я. Отрицать очевидное, да еще и таким детским способом — совершенная ерунда, но и проглотить это я тоже не могу. Пусть думает, что хочет. — Развлекайся со своими бордельными кошками, божественная задница, а от нас держись подальше.

— Твой цепной пес будет с неделю валяться в постели, — игнорирует мою грубость Блайт. — А

сегодня вечером тебе нельзя быть одной.

Откуда он узнал?! До боли прикусываю язык, чтобы не задать вопрос вслух. Ни за что и никогда не поверю, что он — Шагарат. Пусть дурачит этими сказками легковых крестьянских дочек. Уверена, всем фокусам есть совершенно разумное реальное объяснение.

— Я заеду за тобой сразу после заката, сладенькая, — продолжает шептать искуситель. Пальцы обхватывают мое запястье, и я удивляюсь, какой все-таки тонкой и беспомощной выглядит моя рука в его сильной хватке. Блайту ничего не стоит запросто сломать мне кость. Или свернуть шею. — Надень что-нибудь, что вдохновит меня на подвиги.

— Только в обмен на рога, — тут же вспоминаю я.

— Рога? — Он в задумчивости трет мой локоть большим пальцем. — Думаешь, одного поцелуя и почти невинного флирта достаточно, чтобы у великого герцога отросло что-то на спил? Возможно, если мы продолжим начатое...

— Рога арха. — Единственный способ не тронуться умом — пресекать любые его попытки подшучивать. — Они мне нужны.

— Зачем тебе рога последнего арха?

— Не твоего ума дело.

На миг мне кажется, что головорез просто высмеет меня: даже если не брать в расчет стоимость рогов ископаемого чудовища, они наверняка мощный алхимический компонент, и их можно продавать буквально тонкими спилами — и на этом озолотиться. А Блайт точно не похож на человека, который поменяет несметные богатства на право сопровождать меня вечером. Кто кому еще приплачивать должен, если уж на то пошло.

— Рога в обмен на завтрак у тебя, — выдвигает свои условия Блайт.

— Завтрак? — Это слишком просто. В чем-то же должен быть подвох?

— Ну, знаешь, так называется традиционный прием пищи после рассвета, — издевается он.

Я все еще не понимаю, но времени выяснять нет, потому что в нашу сторону уже несется гул топота копыт.

— Хорошо, завтрак — так завтрак. По рукам?

Протягиваю ладонь, которую Блайт деловито пожимает со словами:

— Завтра, после ночи в твоей постели, сладенькая.

[1] Амазонка — женский костюм для езды верхом, состоит из жакета и юбки.

глава 15

Сказать, что Эван недоволен — значит, не сказать ничего.

Грим уже привычно стоит за моей спиной, но каждый раз, когда он делает вдох, я слышу подавленный стон боли. Не представляю, чего ему стоит стоять на ногах, но наверняка это крайний предел человеческих сил.

А я... Я стою возле туши поверженного арха и прижимаю к груди окровавленную рубашку Блайта, в которую завернуто целое сокровище — рога. Свора прихлебателей Эвана держится на безопасном расстоянии. Краем глаза замечаю, что они сформировали вокруг нас что-то вроде круга, и в некоторых взглядах явно читается сочувствие. Неужели они впрямь думают, что Эван прикажет казнить меня за то, что трофейное чудовище досталось мне?

— Почему он без рогов? — спрашивает великий герцог в полной тишине. Даже редкие птицы перестают чирикать, и ветер затихает, прислушиваясь к последним минутам моей жизни.

— Потому что я забрала рога себе, — говорю спокойно и твердо.

Не знаю, что за клинки у Блайта, но он запросто отсек ими здоровенные рога. И, напомнив про встречу вечером, просто... растворился. Интересно, он где-то поблизости и наблюдает за происходящим, или оставил меня на произвол судьбы? Знаю, что прозвучит глупо, но почти уверена, что, будь Блайт рядом, я бы почувствовала его взгляд. И мне совсем не нравится шепот внутреннего голоса: «А ведь рядом с ним ты была бы в полной безопасности».

К демонам Блайта и его фокусы! И плевать мне на тот поцелуй, потому что этого больше не повторится. И я так решительна в эту минуту, что, не задумываясь, присягнула бы у статуи Матери.

— То есть хочешь сказать, что это сделал твой... этот человек? — Эван мерит помятого Грима пренебрежительным взглядом.

— Именно так, великий герцог. — Я нарочно не называю его по имени, потому что сейчас не место и не время для наших странных игр во флирт. — Арх налетел на нас, словно ураган. Моя лошадь, как видишь, стала жертвенной овцой. Если бы не она, мы бы сейчас не разговаривали.

Эвану явно плевать на мои объяснения, потому что он проходит мимо и нетерпеливо требует у Грима его меч. Рассматривает со всех сторон, взвешивает в ладони и возвращает владельцу. И снова, как голодная гиена, кружит вокруг мертвой туши. Даже не сомневаюсь, что не поверил ни единому моему слову.

— Что ж, герцогиня АберкORN, — его официальный тон холоден, как воды в Ледяном море. — Мне остается только поздравить тебя с большой удачей.

Он несколько раз лениво хлопает в ладоши — и вельможи так же вяло его подхватывают. Моя победа — это и не победа вовсе, а поражение. Поражение великого герцога Росса, которому прочили, что сегодня он добудет негаснущую славу.

Я выдавливаю сухую вежливую улыбку и поздно замечаю, что трясусь от холода. зуб на зуб не попадает, и если Эван в ближайшее время не закончит моральную порку, я рискую подхватить лихорадку.

Великий герцог снимает куртку и набрасывает ее мне на плечи. Она еще хранит его тепло, и я невольно жмурюсь от облегчения. Он поглаживает меня по плечам, но в этом нет ничего нежного и заботливого, скорее плохо сдерживаемая ярость. Эван как будто испытывает изощренное удовольствие от того, что сдерживается и не дает себе придушить негодяйку на потеху жаждущей крови толпе.

— Я хочу знать все подробности, Дэшелла, — говорит мне в лицо, опалая кожу облачком пара изо рта. — И не думай, что еще раз проглочу эту чушь. Только если захочешь, чтобы я передал тебя в заботливые руки королевского палача. Он знает множество занятных способов разговорить молчунов.

В эту минуту я его почти боюсь. И мне ни капельки не стыдно признаться себе в этом. Зablуждения, как старый веревочный мост: можно делать вид, что он выдержит переход армии, но, когда вся она окажется на дне глубокого ущелья, сожалеть будет бессмысленно. Я не хочу разбиться, потому что в мои планы входит совершенно противоположное — взлет как можно выше. Даже если это звучит тщеславно.

— Как прикажет великий герцог, — смиренно соглашаюсь я, присаживаясь в глубоком поклоне.

Иногда нужно согнуть спину, чтобы сохранить голову. Я была готова к этому.

— Я дам знать, когда захочу тебя видеть. Надеюсь, не нужно уточнять, что это не будет милая беседа по душам? — Последние слова он говорит так тихо, чтобы слышала только я.

Что я могу сказать? Только еще раз кивнуть. Это же великий герцог Росс, и он запросто может устроить мне «сладкую жизнь».

Домой мы с Гримом возвращаемся только после полудня: бедолага еле держится в седле, но не жалуется. В замке слуги помогают перенести его в постель, хоть этот упрямец сопротивляется изо всех сил. Вместе со слугами приехал и лекарь, и он уже семенит в комнату со всеми своими мазями, отварами и свертком с инструментами, от одного вида которых меня всегда бросает в дрожь.

— Прости, что подвел тебя, — наконец, нарушает долго молчание Грим, когда я помогаю лекарю снять с него сорочку. — Плохой из меня страж.

Если бы он не был так плох, я бы ему добавила. Честное слово, не пожалела бы кулаков, чтобы вколотить в его башку раз и навсегда — все мы люди, а не камни, и нам свойственно ломаться перед тем, что сильнее нас.

— Если бы не тот головорез...

— Заткнись, — строго приказываю я.

Зачем говорить очевидные вещи? Да, Блайт спас нас обоих, и нет, я понятия не имею, кто он такой и почему под человеческой оболочкой скрывается сущность, на которую не действуют законы мироздания. Ведь двигаться так, как двигался он, простой смертный не может. Но я гоню эти мысли прочь. Плевать, что он такое, плевать, что мои губы до сих пор горят от его поцелуя, и точно плевать на то, что я так опрометчиво согласилась впустить его в свою постель. Надеюсь, он не рассчитывает, что я лягу рядом? Такого условия точно не было, когда мы скрепили договор рукопожатием.

— Дай ему что-то, от чего он проспит пару дней, — шепотом прошу лекаря. — И хоть тресни, но поставь его на ноги.

Я откисаю в ванной и, пока служанка приводит в порядок мои волосы, втирая в них специальные масла, пытаюсь сосредоточиться на предстоящей игре. Даже если речь идет о картах, где все решает случай и капелька мастерства, все равно нужен план. Ведь я собираюсь ловить крупную рыбу — самого наследника короны. И это, может быть, единственный шанс разыграть партию в свою пользу. Но все, о чем я могу думать — Блайт. Предательница память подсовывает его полуобнаженным, и я жутко зла на себя, потому что помню каждое движение мышц под его кожей, помню каждую из его многочисленных улыбок. Прикладываю ладони к носу, делаю глубокий вдох — невероятно, но даже сейчас там сохранился запах кожи и мха. Именно так пахнет этот мошенник, ведь этими ладонями я его обнимала.

Раздосадовано хватаю душистое мыло и остервенело, до красноты, натираю ладони.

Что б ты провалился! И откуда только взялся на мою голову!

Вечером Райль заходит в мою комнату и застает меня за нелегким выбором между двумя нарядами.

— Я бы выбрала красный костюм, если речь идет о встрече с мужчиной, и карамельный, если нет, — подсказывает она.

И до меня только сейчас доходит, что Блайт проведет ночь в «Тихом саду» под одной крышей с Райль. Хочется тут же схватить ее за руку, оттащить в порт и собственноручно посадить на корабль в любом направлении. А что, не такая уж плохая идея. Кажется, она говорила, что хотела бы учиться в Олиссийском университете? Я запросто могу это устроить. Одна беда — не сегодня и даже не завтра.

— А какие у тебя планы на вечер? — спрашиваю, стараясь казаться беззаботной. Кажется, моя паника и ревность очевидны всем.

— Буду читать и, возможно, лягу пораньше — на завтра целый список дел! — Райль помогает мне одеться и безжалостно, как может только родная сестра, затягивает на мне корсет. Понятия не имею, как долго протяну, дыша, словно мышь через соломинку, но по-другому просто никак.

Однако, результат того стоит: мои бедра кажутся немного шире на контрасте с осиной талией, а грудь под вышитой батистовой рубашкой словно прибавила немного в размере. Никогда не комплектовала по поводу своих небольших форм, но чертов Блайт!..

— Предлагаю тебе лечь пораньше.

— Я не усну, пока ты не вернешься. Так что буду караулить в гостиной.

— Нет! — слишком резко и быстро отвечаю я. Это уже вообще никуда не годится, но если Блайт и правда каким-то образом заинтересовался Райль, то пусть это происходит не под крышей моего дома и подальше от моих глаз. — Я вернусь поздно, нет необходимости жертвовать сном.

Райль пожимает плечами, но перевести дух я не успеваю: Джаар докладывает, что прибыл таалис Блайт. Взгляд Райль наполняется жгучим любопытством и прежде, чем я успеваю что-то предпринять, сестра уже несется к двери. Я бегу за ней, совершенно забыв, что так и не собрала волосы в прическу.

Райль умеет быть быстрой, как ураган. Особенно, когда одержима любопытством. Нет никакого шанса, что я смогу за ней угнаться, тем более, когда сестра в домашней удобной обуви, а я в ботинках на высоких каблуках. Пока я, пытаюсь не свалиться с лестницы башкой вниз, посыпая всех и вся проклятиями, считаю бесконечные ступени, она уже в гостиной и оторопело рассматривает моего «гостя».

Готова поспорить, Блайт все просчитал. Уж не знаю как, но точно знал, что мне не удастся предотвратить их встречу. И оделся соответствующе. В эту минуту ненавижу его так сильно, что едва сдерживаюсь, чтобы не приказать слугам выставить позера за дверь. Но все равно замираю на лестнице, любуюсь тем, как он дьявольски красив. Кожаные штаны обтягивают крепкие длинные ноги, ботфорты хвастливо поблескивают серебряными бляшками на ремнях. Поверх белой сорочки — темная бархатная куртка с меховым подбоем и соболиной опушкой. Ремни с ножнами свободно лежат на бедрах и, судя по рукоятям, в них все те же утренние клинки. Снежные волосы немного взъерошены от езды верхом, но длинная челка прячет взгляд, добавляя общему виду ноту таинственности.

Я слышу, как восторженно повизгивает сестра, когда Блайт делает шаг ей навстречу и галантно берет ее ладонь для поцелуя. Наверняка говорит что-то приятное и неожиданное, раз даже уставшая от комплиментов Райль заливается румянцем. Его улыбка такая искренняя, что меня разбирает злость: конечно, это ведь для Райль. А для меня у него только целый арсенал ухмылок, за которыми нет ничего настоящего. И это Райль можно галантно, словно фарфоровой статуэтке, целовать руку, а меня, как какую-то дешевку, не церемонясь лапать и целовать в губы.

Злость чудесным образом отрезвляет. Я смогу игнорировать его притягательность.

Когда спускаюсь, Райль уже тараторит без умолку:

— Мы с Дэш организуем небольшое торжество для самых близких, и я буду рада...

— Ты будешь рада пойти к себе в комнату, — жестко пресекаю ее глупость.

Сестра тут же корчит обиженную мордашку, и Блайт — тоже мне рыцарь выискался! — укоризненно качает головой.

— Я с удовольствием приду, Райль. — Тембр его голоса мягкий, как подтаявший шоколад, взгляд обжигает и ласкает. — Надеюсь, первый танец за мной?

Ничего удивительного, что сестра подается к нему, шепчет:

— И второй, и третий...

Я громко и нарочито противно кашляю в кулак, подталкиваю Блайта к двери, но он идет спиной и, наплевав на мой свирепый взгляд, продолжает улыбаться Райль самой очаровательной в мире улыбкой. Уверена, именно так и выглядит романтический соблазн, о котором пишут в книгах.

— Ты знаешь, что ведешь себя просто несносно, сладенькая? — гримасничает Блайт уже на улице.

Он приехал на белоснежном жеребце, сбруя на котором стоит целой деревни. О стоимости коня я даже думать не хочу.

— Вижу, продажная любовь в наше время очень выгодное капиталовложение, — язвлю я.

— Суровая правда жизни, — не отпирается он и протягивает руки, чтобы посадить меня к стременам, но я встречаю его помощь брезгливым взглядом. Судя по тому, что Блайт перестает ухмыляться, мое притворство безупречно. — У кого-то дурное настроение? Нервишки шалят перед игрой? Или тревожит женский недуг?

На самом деле мне хочется, чтобы он ко мне прикоснулся. Обнял так же крепко, как тогда, в лесу. Но теперь это не имеет значения, потому что я видела, каким очаровательным и милым он может

быть, когда заинтересован в чем-то большем, чем вороватый поцелуй. Я для него — просто забава, мышка, с которой играет пресытившийся жизнью кот.

— Просто, чтобы внести ясность — меня не интересуют такие, как ты.

— Такие, как я? — Он явно ждет пояснений.

— Я предпочитаю мужчин, которые держат в руках настоящую власть.

— Например, великий герцог Росс?

Его лицо абсолютно ничего не выражает. Это почти обидно, потому что я все еще надеялась получить в ответ хотя бы проблеск ревности. Больше не хочу.

— Это не твое дело, Блайт.

— Хочешь стать его подстилкой, Дэш?

— Хочу, чтобы ты перестал совать нос в мою жизнь.

— Ты сестра девушки, на которой я собираюсь жениться, поэтому, сладенькая, я буду совать свой нос всюду, в особенности в твою постель, раз уж ты собралась разделить ее с великим герцогом. Не хочу, чтобы в пылу страсти ты наболтала на виселицу для малышки Райль.

— С каких пор божествам нужна смертная жена? — Неприятно, что каждое его слово ранит, но я принимаю эту боль. Я просто немного увлеклась. Пройдет.

— Сердцу не прикажешь, — скалится он. — Если ты можешь любить ядовитую змею, то я тем более могу любить прекраснейший цветок.

Я запрыгиваю в седло и пришпориваю жеребца.

глава 16

Мы даже не разговариваем по дороге. Я еду впереди, Блайт — позади, и хоть между нами приличная брешь, у меня нет сомнений, пока я в поле его зрения — моей жизни ничего не угрожает.

Риваль будет играть в «Фиалковой клумбе». Идиотское название для подпольного игорного дома, но, возможно, в этом есть смысл: скорее уж подумают на бордель, чем на заведение, где зависимые детки богатеев спускают наследство. Может показаться странным, но в Абере существует смертная казнь за игры на деньги, а вот за проституцию только клеймят. Потому что, как говорил мой бедный покойный герцог: «Всем рано или поздно нужна на все согласная девка». Можно сказать, Блайт пасет самую дойную корову.

Как рассказал Прошмыга, входов здесь два: один для отвода глаз — в замызганный кабачок, а другой, скрытый, только для допущенных к игре. И по идее он должен быть известен только избранным и доверенным, но разве можно утаить что-то от босоногой незаметной детворы?

Прошмыга снабдил меня всей необходимой информацией, поэтому я даже не придерживаю коня, проезжая мимо центрального входа, а смело увожу лошадь в подворотню. Там, замаскированный за ящиками, потайной ход в скрытую часть здания. Спешиваюсь и иду напрямиком к двери, но Блайт догоняет меня и перехватывает за локоть. Пытаюсь стряхнуть его руку, но ничего не получается — наши силы и близко не равны.

— Я не против, если тебе хочется сунуть голову в капкан, сладенькая, но давай в другой раз, а? Не когда я за тобой присматриваю. А то даже у мерзких владык мертвого мира есть совесть, и она меня загрызет.

— Разве что покусает, — огрызаюсь в ответ.

Поехать вместе — плохая идея. Ужасная. Одним словом, катастрофа. Я не хочу его видеть, но что-то подсказывает, что в этом мире еще не выдумали слов, которые заставят наглеца уйти. И все-таки, хоть его общество доводит меня до белого каления, он — моя единственная гарантия выйти отсюда живой.

— Угомонилась, — хихикает он. Задорно, как мальчишка. — Какая покладистая кобылка.

И пока моя ладонь летит, чтобы врезать ему по физиономии, Блайт уже оказывается у двери и стучит. Точно так, как рассказал Прошмыга: два удара, пауза, еще один, пауза и еще два. Вот только сказал он об этом мне. Хотя, чему я удивляюсь: Блайт, похоже, знает обо всем на свете. Как-то же узнал о Райль еще до того, как она приехала.

В двери открывается маленькое окошечко, сквозь которое на нас смотрит глаз в сморщенном, словно старая слива, веке. Я прочищаю горло кашлем, чтобы назвать пароль, но дверь распахивается, и старикашка услужливо кланяется чуть не в пояс. Блайт уступает мне дорогу, жестом предлагая заходить первой.

— Проститутки и азартные игры, — констатирую я, проходя мимо. — Похоже, тебе нравится наживаться на помойке человеческих слабостей.

— Ждешь, что я раскаюсь? — посмеивается он, следуя за мной шаг в шаг.

— Я совершенно ничего от тебя не жду.

«Так проще не разочаровываться», — добавляю про себя, но смешок Блайта за спиной неприятно щекочет нервы. Он что, мысли мои читает? Если так, то это полная катастрофа.

В зале, куда нас приводят, богатая обстановка. Столы из породы белого дуба, кресла в бархатной обивке, дорогая отделка стен. Все для того, чтобы богатые чувствовали себя в родной стихии. А мы же помним, что это заставляет расслабиться и потерять бдительность? Со мной Блайт хотел проделать тот же фокус, когда «пригласил» в гости в свой бордель.

Веду плечами, пытаюсь скрыть дрожь от неприятных воспоминаний. И рука Блайта непринужденно ложится мне на талию.

— Не нужно быть такой напряженной, сладенькая, иначе все эти люди подумают, что ты пришла бессовестно забрать их деньги. Я-то твой секрет не выдам, но с личиком нужно что-то сделать. Например, — он приподнимает мое лицо за подбородок, заставляет посмотреть ему в глаза, — перестать выглядеть невинной девой в постели с похотливым демоном.

Мне вообще не нравится тембр его голоса. И мурашки по коже — это от возмущения. Только так.

Я только думаю о том, что нужно избавиться от его навязчивого внимания, а Блайт уже делает следующий шаг: привлекает внимание нарочитым покашливанием, дожидается, пока все взгляды в комнате устремятся в нашу сторону и говорит:

— Доброй ночи, почтенные. Рад представить новую гостью за игорным столом: герцогиню Аберкорн.

Несколько минут висит гробовая тишина, которую нарушает знакомый и излишне удивленный возглас:

— Дэш?! Что ты здесь делаешь, ради Триединых?

Риваль делает шаг вперед, но так и замирает с протянутой рукой, когда натывается взглядом на ладонь Блайта у меня на талии. Проклятый головорез путает мне все карты!

— Привет, Рив, — натянуто улыбаюсь я и прохожу мимо, потому что Блайт подталкивает меня к игорному столу. Усаживает в кресло, покрытое сшитым из лисьих шкурок покрывалом, мягко пробегает пальцами по ключицам. И никто из присутствующих даже не пытается сделать вид, что отводит взгляд — они таращатся прямо на нас. — Что ты творишь?! — шиплю я.

— Заявляю права на свою сладенькую герцогиню, — отвечает он без тени смущения.

— Ты же собираешься жениться на Райль? — огрызаюсь я. Опустим тот факт, что он сможет подобраться к сестре только через мой труп — меня бесит сам факт такой наглой самонадеянности.

— Тебе не приходило в голову, что моя порочная божественная сущность может хотеть полный комплект сестричек? — усмехается он.

Пока пытаюсь справиться с возмущением, игроки садятся за стол, а Блайт занимает роль Зеро[1], сдает карты и объявляет Первый круг. Я пыталась убедить себя больше ничему не удивляться, но то, что белобрысый головорез будет лично руководить игрой выбивает почву у меня из-под ног... Ну и чего мне теперь ждать? Подвоха или помощи? Или он просто будет молча наблюдать за моим фиаско?

Игра в «Знамена» не из простых. Это вам не мелкая колода с одинаковым набором карт двух цветов. Это — триста карт генералов, королей, советников, башен, конниц, пехоты, провианта, крестьян и тому подобного. Нужно выстроить оборону, укрепить тылы и приготовиться к войне. И на все про все — шесть Кругов. А потом начинается Война.

Я умею играть лучше, чем «хорошо». Я множество раз обыгрывала старого герцога и его друзей, которые собаку съели на «Знаменах», но сегодня мне никак не удастся сосредоточиться. Потому что карта идет дурацкая. По истечению шести Кругов подготовки у меня слабенькая атака, но зато хорошая оборона. Не самый скверный расклад, но совершенно не то, что нужно для реализации моего плана. Грубо говоря, я наверняка выдержу атаку любого из четырех игроков, но вот атаковать самой лучше и не пытаться — это будет чистое самоубийство.

Поэтому моя роль за столом весьма уныла: я методично отбиваю попытки сунуться на мою территорию, прикрываясь пехотой и восстанавливая павших в бою воинов картами лечения и поддержки. А все самое интересное происходит между тремя мужчинами: пожилым князем, молодым графом и Ривалем. Ривалью невероятно фартит: он блестяще проводит атаку за атакой, легко находит у соперников слабые места и выстраивает умопомрачительные комбинации. Правда, почти все они очень рискованные, но удача у него в кармане.

Первым из игры выбывает князь. Он недовольно ворчит о том, что в пору молодости фортуна его баловала, но без сожаления сдвигает в сторону принца стопку золотых буйволов и оставшиеся карты. Тысяча золотых буйволов — такой была ставка. Огромная сумма, но за игорным столом не играют на расписки, только на «живую» монету.

Мысленно прикидываю свои шансы выстоять против графа, который недвусмысленно косится в мою сторону. Конечно, ни он, ни принц не считают меня достойным соперником, зато мои карты им обоим очень быгодились. Потому что хорошая атака всегда проиграет хорошей атаке и хорошей же защите. Иногда игроки предварительно договариваются между собой действовать за одно, чтобы «раздеть» более глупых соперников, но для подобного нужно полное и безоговорочное доверие друг к другу. Ничего такого, естественно, сейчас нет и в помине. Сегодня мы играем каждый за себя.

Собираюсь с мыслями, пытаюсь предугадать, кто нападет первым. Граф — наверняка. Риваль будет разыгрывать какой-то дерзкий план. Блиц, наверняка: немного укрепит тылы и бросит все силы на соперника.

Блайт сдает по три карты и объявляет начало двенадцатого круга. Я с грустью поднимаю то, что судила судьба — наверняка опять лекари или лучники.

Генерал. Рыцари. Темная сущность Разрушения — карта, аналогов которой в колоде нет, потому что она «бьет» любую армию без права возврата.

Моргаю, поднимаю взгляд на Блайта — и почти физически ощущаю, как воздух вокруг нас сгущается. Мир замирает: Риваль и граф застывают, тонут в серой дымке, и лишь мы с Блайтом смотрим друг на друга. Замедленный ход времени над нами совершенно не властен. Белобрысый подпирает щеку кулаком, и я замечаю цепочку за воротом его рубашки.

— Ты мне подыгрываешь?! — возмущенно шепчу я. Происходит настоящая чертовщина, но пока я не хочу об этом задумываться.

— Понятия не имею, о чем ты, сладенькая, — насмехается он, лениво постукивая колодой по столу.

— Я настолько жалкая? — спрашиваю потухшим голосом.

Ну конечно, именно настолько. Нет, хуже, чем «натурально». Иначе, почему мои противники за игорным столом смотрят на меня, как волки на хромого кролика? Они знают, что я им не соперница, поэтому просто игнорируют. И будут завоевывать, словно невинную деву, а не как хитрого военачальника.

Я никогда не была тщеславной. То есть у меня грандиозные планы, но что плохого в том, чтобы вернуть принадлежащее по праву рождения? А сейчас чувствую себя просто отвратительно: совершенно точно, мне никак не выиграть у этих двух и не загнать Риваля в долговую ловушку. То есть, я бы не выиграла, если бы не последние три карты. С генералом, тяжелой конницей и Разрушением я легко растопчу обоих. Но ведь это... не честно?

— Ты выглядишь слишком соблазнительно, сладенькая, — охрипшим голосом говорит Блайт. — Я замучился сидеть в компании остолопов и собственных озабоченных фантазий. Разделай обоих, бери за яйца принца и поехали испытывать твою чудесную кровать, а?

Я краснею. Просто полыхаю, словно грешница на костре. Порядочной таллине не пристало испытывать все те чувства, которые клокочут во мне в ответ на его откровенное признание, но это сильнее меня. Сопротивляться сумасшедшей притягательности белобрысого поганца просто невозможно.

Но я кладу карты на стол и подталкиваю их в сторону Блайта.

— Думаешь, я продаюсь?

— Все продаются, сладенькая герцогиня.

— Не я, Блайт.

— Ты проиграешь, — говорит он чуть глухо, и карты растворяются прямо у меня на глазах.

— Это всего тысяча буйволов. Тысяча, которую я должна бы заплатить за твои услуги. Считаю, что я в них больше не нуждаюсь.

Время ускоряется, и меня немного ведет в сторону, словно я попала в воздушный водоворот. Усидеть на месте тяжело, но Риваль неожиданно приходит на помощь: срывается с места и ловит меня за миг до падения. Вот так, за секунду я оказываюсь в объятиях наследника короны, который смотрит на меня блестящими черными глазами и с неподдельной тревогой в голосе спрашивает:

— Ты в порядке, Дэш?

Все-таки он хорош. Очарование, замешанное на дерзости, в оболочке красивой внешности. И он уже был моим женихом. И хоть тогда мы были детьми, Риваль умел увлечь меня настолько, чтобы мысли о его опасном дяде отступали на задний план.

— Немного закружилась голова, — отвечаю с благодарной улыбкой.

— Я прикажу завтра же прислать к тебе придворного лекаря, — говорит он тоном настоящего принца: лучше даже не пытаться возражать.

— Спасибо, Ваше Высочество.

Риваль улыбается и, помогая мне сесть, украдкой шепчет на ухо:

— Давай обыграем этого зазнайку, а выигрыш поделим пополам? Моя атака и твоя защита — он

обделается от безысходности.

Я даже не раздумываю — дарю ему незаметную улыбку и Риваль, усадив меня в кресло, склоняется, чтобы поцеловать пальцы. Надеюсь, я не совершаю ошибку, но это даже лучше, чем планировала. Обыграть принца и взять его в «долговой плен» — хороший план, но сделать его своим союзником — идеально. И пусть все начнется за игорным столом.

В трех моих картах провиант, восстановление и лучники.

А Блайт сидит за столом ровно, словно струна, его голова опущена — и белоснежная челка закрывает лицо до самого носа. И мне плевать, что за выражение за ней скрывается. Правда, плевать. Я пришла играть и выиграть — и не уйду без победы.

[1] Зеро — сдающий карты за игорным столом. Объявляет начало и конец Круга (партии), уточняет правила, если в этом есть необходимость и выступает в роли судьи в спорных моментах.

глава 17

— Мы выиграла по тысяче буйволов!

Риваль хватает меня на руки и кружит, словно до упора заведенная юла. Приходится изо всех сил схватиться за его шею и уткнуться носом в грудь. Граф сидит на стуле и смотрит на нас пустыми глазами, наверняка пытаюсь понять, когда же мы успели договориться.

— Дэш, ты чудо, — улыбается Риваль, осторожно ставя меня на ноги. — Умная, красивая, не боишься рисковать.

— Это же всего тысяча буйволов, — отмахиваюсь я. — Победа рука об руку с принцем стоит куда больше.

Он приподнимает бровь, и я киваю, подтверждая, что сказала именно то, что хотела сказать.

— У меня тоже есть тысяча буйволов, — громко и насмешливо вклинивается в наш триумф Блайт. — И если ровно столько стоит полатать герцогиню Аберкорн, я согласен заплатить хоть сейчас.

Ладони Риваля все еще у меня на талии, и он тут же убирает их, недвусмысленно кладет правую руку на рукоять меча. Лицо Блайта все еще скрыто за челкой, но на губах играет хищный оскал. Он медленно встает из-за стола, скрещивает руки на груди.

— Я бы не советовал бросать мне вызов принц.

— Извинись перед герцогиней, — рокошет Риваль, — пока я не превратил тебя в решето.

— Какая громкая и бесполезная угроза.

Боги, неужели Риваль не видит, что его просто дразнят?

— Не нужно, Рив. — Я беру его за ладонь и крепко сжимаю. — Может быть, отпразднуем нашу победу? Мой повар готовит потрясающий теплый скрибб[1], а в погребке есть засахаренные фрукты с островов. Можем сыграть дружескую партию в «Знамена».

Риваль поворачивается ко мне и смотрит ошарашенным взглядом. Да, ему не послышалось: я приглашаю его провести ночь в «Тихом саду». Ведь только пока эти двое — принц и головорез — будут у меня под присмотром, я смогу быть абсолютно уверена, что они не скрестят мечи.

Пока Риваль собирается со словами, Блайт молча шагает мимо: тяжелая поступь ударяет в барабанные перепонки.

— Если наследная задница хоть пальцем тебя тронет, — говорит нарочито громко, — я превращу его в гуляш и скормлю свиньям.

Риваль провожает Блайта хмурым взглядом и нарочно подстраивается под мой шаг.

— Что у тебя с ним?

На самом деле, это очень опасный вопрос. Потому что у меня нет на него ответа, и не появится в обозримом будущем. Я правда не знаю, кто он: человек, который просто слишком много знает, или в самом деле скучающее божество? И что ему от меня нужно кроме очевидных попыток соблазнить? Никогда не поверю, что он, в самом деле, заинтересован мной, как женщиной: это слишком банально для такого, как он. Зачем размениваться на опальную девчонку, если с его талантами можно иметь королеву с королевством в придачу? Но он зачем-то постоянно крутится возле меня. Только ли из-за моей красавицы сестры?

— Он просто... выручил меня, — говорю первое, что пришло в голову, потому что пауза после вопроса принца слишком затянулась. — И заботиться о том, чтобы моя честь после сегодняшнего визита в игорный дом не пострадала.

Блайт шагает впереди, но даже так я слышу его ироничное фырканье. То есть, он хочет, чтобы я услышала. И Риваль тоже.

— Дело твое, с кем водить дружбу, Дэш. Но я бы такому человеку спину не доверил.

— Именно поэтому ты никогда не увидишь, как она дьявольски хороша сзади, — тут же отбивает Блайт, и мне снова приходится крепче сжать его пальцы, удерживая от импульсивного поступка.

Я была бы рада видеть этого пылкого красавчика среди своих защитников, но точно не такой ценой.

Может быть, в этом и заключается дьявольский план Блайта: нарочно провоцировать принца, чтобы иметь «законное» право скрестить с ним мечи? Не то, чтобы я не верила в талант Риваля упражняться с мечом, но после демонстрации Блайта нет никаких сомнений, кто вышел бы победителем из этого поединка.

Противно даже думать, что меня используют, как морковку на веревочке.

— Я рад, что ты приняла мое предложение, Дэш, — говорит принц, когда мы оказываемся на улице. — По-моему, из нас получилась отличная команда.

Улыбаюсь в ответ и с удовольствием принимаю его помощь, когда он легко подсаживает меня в седло. Конечно, как и остальные, не может удержаться от подавленного вздоха, ведь я сижу в мужском седле, но, по крайней мере, не устраивает из этого трагедию. И как будто не полыхает праведным гневом. Вот поэтому мне так с ним комфортно: он не прикажет отрубить мне голову за любое неосторожное слово, как Эван, и не ведет непонятные игры, как Блайт. Риваль весь на виду: такой, как есть, со всеми своими недостатками.

По дороге домой предаюсь фантазиям о том, как сложилась бы моя судьба, не окажись мы в опале. Наверное, уже была бы женой Риваля, носила красивую диадему, всю усеянную бриллиантами, имела целый выводок горничных и полные гардеробы нарядов. Собственно, все это у меня и так есть, кроме, естественно, диадемы с короной. Была бы я счастлива с таким, как Риваль?

Мысленно вздыхаю, потому что ответ очевиден: нет, не была бы. Потому что проклятый белобрысый головорез прав: я — строптивая кобылка и покорюсь лишь сильной руке. И если бы не пропасть между нами, я бы с удовольствием отдалась в руки Эвана. Но то, что он сделал... Кем я буду, если променяю возмездие на радость сердца?

— Помнишь, как мы играли в «Конницу» в Зимнем саду? — улыбается Рив, когда мы поднимаемся по лестнице — и Джаар, несмотря на позднюю пору, лично открывает нам дверь. — Ты мне тогда столько волос выдрала!

Я помню. Риваль, как положено жениху, был моим верным конем, а я, сидя на его спине, сражалась с другими детьми. И иногда «в пылу битвы» в самом деле цеплялась ему в волосы.

— Неужели герцогиня с малых лет освоила пикантную позу наездницы? — шепчет Блайт мне на ухо, пока я отдаю кухарке распоряжения.

— Даже не приближайся ко мне, — угрожающе шиплю я, наставляя в его сторону вилку — первое, что попадает под руку на кухонном столе. — Иначе я тебя проткну и посмотрю, какого цвета кровь у фальшивых божков.

— Обожаю кровожадных женщин.

Мне не нравится, что он говорит об этом в множественном числе. Потому что это звучит так, будто через руки Блайта прошли сотни «жертв», и меня он рассматривает лишь как очередной трофей. Просто чуть-чуть более строптивый. Наверное, уступи я сразу, уже бы и имени моего не вспомнил. Поэтому я не уступлю. Никогда не уступлю.

— Эй, сладенькая, — окрикает Блайт, когда я, взяв поднос с угощением и двумя серебряными кубками горячего скрибба, направляюсь в Бархатную гостиную. — Я не шутил. Если не хочешь, чтобы принц захлебнулся собственной кровью, лучше не давай ему повода думать, что он может к тебе прикасаться.

— Я не твоя вещь, Блайт, — говорю, не поворачивая головы. И никогда он не узнает, что эти собственнические нотки в голосе будят во мне непонятные сладкие спазмы внизу живота. — Я должна тебе завтрак — и только. Моя комната в твоём распоряжении, но не моя жизнь. И тем более — не я.

Мысленно отдаю приказ Шиире заблокировать комнату Райль. Нет, конечно, она не замурует ее там, но незаметно превратит коридоры в хитрый лабиринт. Если сестре понадобится выйти — Шиира выведет ее в нужное место, но никто, ни единая живая душа, не сможет самостоятельно отыскать ее комнату.

И все же, хоть мы с принцем мило беседуем в гостиной и, потягивая вишневый с пряностями напиток, предаемся воспоминаниям, мыслями я далеко. Постоянно вскидываюсь от любого шороха, а злодейка-фантазия подбрасывает неприятные образы, в которых есть Блайт, моя сестра и много, очень много неприличного.

В груди так сильно болит, что даже алкоголь не приносит облегчения. Но старый герцог подарил мне рецепт лекарства, которое безотказно действует на душевную хворь — мысли о выгоде. И скорейшее их воплощение. Ведь именно ради этого я влезла в игру. Хоть, конечно, после того, как

мы с принцем заключили союз за карточным столом, мой план претерпел кардинальные изменения.

— Я хочу отдать тебе кое-что.

Передаю ему связанные одной пачкой бумаги. Там все: закладные и долговые расписки, невыплаченные карточные долги. Я лично погасила каждый из них. С самого начала план был предельно прост: сделать Риваля своим должником и вынудить со мной сотрудничать. Но сейчас... я просто не могу. Блайт был прав, когда говорил, что я не умею играть жестоко. Ну и пусть. Может быть, именно мне суждено стать тем исключением из правила, которое докажет, что крепкие союзы можно строить и на дружбе тоже?

Риваль перебирает бумаги и на его лице сперва вспыхивает замешательство, а потом — стыд. Румянец лихорадит лицо.

— Дэш, я...

— Мне ничего не нужно. — Это чистая правда. Я не хочу втягивать принца в наши с Эваном жернова за власть. Риваль, в сущности, просто пешка, и я не хочу становиться такой же, как великий герцог — расчетливой, использующей всех и вся стервой. — Просто не играй больше.

— Я делал это только чтобы как-то расплатиться с долгами, — говорит он сквозь стиснутые зубы. Смотрит в пустоту перед собой и комкает бумаги в кулаке. — Эван всегда знал, что я азартен. Он привел меня в игру. Знал, что не смогу остановиться.

Почему я не удивлена? Эвану не нужен такой козырь против себя, даже если принц всего лишь второй претендент на власть. Но он не может избавиться от него открыто и пока не хочет. А вот сделать принца послушной марионеткой — очень в духе великого герцога Росса. Наверняка для меня у Эвана припасен такой же план. Он избавляется только от сильных соперников, а слабыми предпочитает манипулировать. Кто знает, на что они могут еще сгодиться?

— Уже поздно. — Я поднимаюсь, расправляя затекшие плечи. За окнами сереет горизонт и на сон осталась всего пара часов. Я устала, и голова кажется слишком тяжелой для шеи. Будь моя воля — так бы и уснула в уютном кресле. — Ты можешь воспользоваться одной из комнат.

Я стараюсь, чтобы мое предложение прозвучало натянуто. Не потому, что опасаюсь поползновений с его стороны, а чтобы исключить их с Блайтом случайное столкновение. Странно уже то, что белобрысый даже носа не показывал все это время, а Шиира регулярно нашептывала, что Райль беззаботно спит в своей постели.

«Где он?» — спрашиваю мысленно, надеясь услышать, что Блайт просто убрался.

«В твоей постели, — сально хихикает Шиира. — Спит. Совершенно голый».

Ох, Триединые, дайте мне терпения!

Вопреки моим ожиданиям, Риваль соглашается остаться на ночь. Шиира подсказывает, какая из комнат в наиболее подходящем состоянии, чтобы принять принца, и я лично отвожу его туда. Извиняюсь за то, что пока еще это далеко не то, что положено ему по статусу, и мы вместе смеемся, вспоминая, как однажды заснули на куче соломы в конюшне.

— Я благодарен тебе, Дэш, — говорит Риваль с искренней улыбкой.

Давненько я не видела искренности, так что охотно возвращаю ее в ответ. Мне нужен друг. Или, по крайней мере, человек, которому смогу доверять. Немного. Потому что доверять целиком я могу лишь себе.

[1]Скрибб — горячий алкогольный напиток.

глава 18

Нужно ли говорить, что я не захожу в свою комнату до самого рассвета? Возвращаюсь в гостиную, прошу Шиiru развести огонь в камине и дремлю в кресле, потому что сон от усталости не идет. Мне нужно отдохнуть хоть немного, потому что понадобятся силы, чтобы разобраться с моим потерявшим память Мастером и рогами, которые подмастерье моего лекаря обещал подготовить.

С первыми лучами рассвета наведываюсь к Гриму: мой верный страж крепко спит и едва ли почувствует, как я рукой проверяю его лоб. Кажется, беда миновала.

Остается последнее: разбудить белобрысого головореза, угостить его обещанным завтраком и сделать все, чтобы наши пути больше никогда не пересекались.

Но, увы, все не так просто. Потому что первое, на что натываюсь, прокрадываясь, словно воришка, в собственную комнату — торчащие из-под одеяла босые пятки Блайта. Топчусь в пороге, разрываясь между желанием уйти и посмотреть на него спящего. Это плохая идея, но ноги сами несут к кровати. Мне девятнадцать, а я ни разу в жизни не видела спящего мужчину в собственной постели. И обнаженного, кстати, тоже, но заглядывать под одеяло точно не собираюсь.

Блайт выглядит крепко спящим. Лежит на спине, закинув обе руки за голову. Белоснежные волосы разметались по подушке, но челка все так же упрямо скрывает лицо. Покрывало сбилось у пояса, и даже ниже, потому что я хорошо вижу бедренные кости.

Ладно, можно признаться хотя бы себе: он — самый красивый мужчина из всех, что я видела. Идеальный. Безупречный. Воплощенная фантазия любой девушки. На самом деле приходится заложить руки за спину и сцепить пальцы в замок, чтобы не отодвинуть его волосы с лица.

«Просто племенной жеребец», — все так же сально хихикает Шиира, и я впервые в жизни жалею, что она бестелесная и не в моей власти надавать ей пинков под зад. Даже если это звучит не женственно.

Ладно, пусть поспит еще немного. Божество или нет, а отдых нужен всем.

Поворачиваюсь к двери — и сонный голос мурлычет:

— Ты будешь жалеть об этом всю жизнь, сладенькая.

От наваждения не остается и следа — его сносит мощной волной негодования. Да кем он себя возомнил?! Думает, что любая женщина с радостью раздвинет перед ним ноги?!

— Конкретно тебя, Дэш, я предпочел бы видеть на коленях, покорную, — отзывается он.

Поворачиваюсь на пятках и пронзаю его злым взглядом. Блайт притягивает меня самым невозможно развратным взглядом, который изобрели Триединые. Наверное, так выглядит чистая квинтэссенция порока и желания. И я точно сошла с ума, раз таю от одного вида его крепких клыков, хвастливо выставленных в сладострастной улыбке.

— Я прочел все твои сны, сладенькая, — говорит, улыбаясь ровно настолько, чтобы я видела его крепкие верхние клыки. — Рад, что наши потребности наслаждаться друг другом так чудесно совпадают.

— Завтрак, который я обещала, готов, — говорю ледяным тоном, но внутри тлею и вот-вот загорюсь.

Этому всему должно быть какое-то рациональное объяснение. Но искать его самой — увольте.

Я хочу уйти. Почти вижу, как берусь за ручку двери и выскальзываю наружу, непокоренная. Но у подлеца и на это заготовлена хитрость. Он заводит руки за голову, кладет на спинку кровати скрещенные запястья.

— Свяжи меня, трусиха.

Я знаю, что это чистая провокация. Перворожденная, я бы даже сказала, та, которая породила лишь бледные копии себя. И Блайт даже не скрывает, что как бы я ни пыталась — мне не разгадать его намерения за этой маской вызова.

Он... Я могла бы любоваться им бесконечно. Подтянутый, тугой, жесткий, как занесенный для сокрушительного удара кулак. И эта покорность лишь для того, чтобы усыпить мою бдительность. Не настолько же я бестолкова, чтобы не разгадать уловку: даже если я свяжу его хитрым морским узлом, он все равно освободится. Потому что на этого мужчину каким-то образом не действует

ничего, что властвует над простыми смертными.

— Ты, правда, божество? — задаю вопрос невпопад, все еще стоя на распутье собственных желаний.

— Я уже сказал однажды, — говорит он, забрасывая голову назад, чтобы я могла полюбоваться острой линией его идеально гладкого подбородка. — Не моя вина, что предрассудки мешают тебе поверить.

— Ни один нормальный человек бы не поверил, — огрызаюсь я.

— Сладенькая, как думаешь, почему я прилип к тебе, как банный лист?

Что-то внутри меня стонет, словно любовная струна под смычком маэстро. Я слышала множество изысканных комплиментов, знаю сотни слов, которыми мужчины пытаются соблазнить хорошенькую молодую вдову, но эта простая грубость буквально подкашивает мою уверенность в том, что в эту минуту я должна просто уйти.

— Почему? — Делаю шаг к нему.

«Беги!» — отчаянно колотит в грудную клетку инстинкт самосохранения, но я не хочу его слушать. Всего пара шагов, чтобы вблизи полюбоваться совершенством.

— Потому что ты не такая, как скучные приземленные нормальные люди, — переиначивает мои слова Блайт. Его скрещенные запястья все еще лежат на спинке, и весь он источает показное бессилие и покорность.

Я знаю, что он не простой смертный. Бог ли? Не факт. Как не факт и то, что я что-то значу в его скучной жизни.

— Этот шнурок вполне подойдет. — Блайт кивает на столбик кровати, к которому привязаны шторы балдахина.

Дрожащими пальцами развязываю золотистую косичку с длинными тяжелыми кистями. Блайт сглатывает, кадык медленно, словно плавник сытой акулы, скользит под кожей. Я понятия не имею, что делать дальше. Связать его можно только если сесть сверху.

— Мне нравится ход твоих мыслей, сладенькая, — улыбается Блайт.

— Хватит копать в моей голове, — предупреждаю я. — И хватит называть меня сладенькой — я не одна из твоих девок.

— Ни одна из них так меня не интересуется... Дэш, — говорит так искренне, что хочется верить. — Но тебе ведь нравится быть моей сладенькой герцогиней. Скажешь, нет?

Я бы и рада сказать, но слова умирают на языке, в то время как на уме вертится что-то вроде: мне нравится быть для тебя, кем пожелаешь.

— Мы еще не настолько продвинулись в наших отношениях, Дэш, но думай так почаще, если хочешь ускорить этот процесс.

Злюсь, потому что он читает меня, словно открытую книгу, а я совершенно беспомощна перед своими желаниями. Образы атакуют воображение — и каждый из них заставляет взгляд Блайта сверкать нереальными бирюзовыми искрами.

Ладно, я могу сделать это. Зачем? Это другой вопрос, на который не хочется искать ответ. Не сейчас. Я присаживаюсь на край кровати, стаскиваю сапоги и забираюсь на нее с коленями. Медленно поднимаюсь вверх, пока не оказываюсь около живота Блайта. Весь вид белобрысого головореза говорит: «Смелее, сладенькая». Готова поклясться, что слышу его голос в своей голове так же отчетливо, как и собственные мысли.

Закрываю глаза, делаю глубокий вдох — и перекидываю ногу.

— У тебя личико, как у монашки, оседлавшей демона, — дразнит Блайт. — Я запечатаю его в самых любимых воспоминаниях.

У нас большая разница в росте, поэтому, чтобы дотянуться до его запястий, приходится подползти выше. В итоге я сижу у него на животе и дрожащими пальцами перетягиваю запястья шнурком. Узлы я вязать умею, но из-за пикантности ситуации никак не получается сосредоточиться. Моя добровольная жертва покорно ждет, пока я затяну узел, но делает все, чтобы помешать мне. Я наклонена так низко, что Блайт потихоньку дует мне в область ключицы, и теплая струйка щекочет кожу сладким предвкушением.

— Ну вот, ничего страшного не случилось, — подбадривает Блайт. Слава Триединым, не шевелится, иначе я бы точно сбежала за тридевять земель.

— И что дальше? — спрашиваю, совершенно растерянная.

— Боюсь, этот вопрос не по адресу, сладенькая. Я, как видишь, связан и совершенно беспомощен. К твоему большому счастью, между прочим. Цени этот щедрый подарок.

— Ты просто невыносим, — фыркаю я.

— А ты просто бесподобна. Хочу тебя поцеловать.

Простое признание обжигает откровенностью. Правда в том, что и я хочу того же, и даже самообман не в силах мне помочь. Ну и если уж на то пошло — в поцелуях нет ничего предосудительного.

— Расстегни две верхних пуговицы, — низким, бархатным рокотом командует Блайт, притягивая своим взглядом.

И пока я медленно выуживаю пуговицы из петель, его зрачки растягиваются в две вертикальных, полыхающих огнем полоски. Моргаю, чтобы избавиться от наваждения, но демонические зрачки никуда не деваются. И смесь оранжевого огня в бирюзовых озерах просто уничтожает мои жалкие потуги держать себя в руках.

Я медленно наклоняюсь к нему, глаза закрываются сами собой.

Это все безумие.

Это все совершенно нелогично, бесстыже и опасно. Но нет ни единого шанса, что я смогу остановиться.

Невероятно, чтобы поцелуй был таким... раскаленным, даже если это всего лишь простое касание губ. Боги, даже подростки целуются жарче! Но стоит моим губам оказаться поверх губ моего добровольного пленника, как под закрытыми веками вспыхивают разноцветные фейерверки. Блайт мягко, словно кот, лижет мою нижнюю губу и дует на нее, посылая под кожу колючее нетерпение. Я слизываю его ласку — клянусь, на вкус это словно сладкий лед из кондитерской лавки!

— Открой рот, — сокрушает меня следующая команда, и я послушно размыкаю губы.

Этот поцелуй совсем не похож на тот, что был в лесу. Сейчас язык мучителя скользит по внутренней части моих губ, ласкает, слизывает мой нечаянный стон. Я отвечаю ему: несмело и совершенно невпопад, потому что никогда и ни с кем у меня не было таких глубоких чувственных поцелуев. Блайт словно проникает в мой разум.

И когда я немного расслабляюсь, чтобы позволить себе увлечься, Блайт делает толчок бедрами. Самую малость, но чтобы я прочувствовала каждый сантиметр его крепкого тела у себя между ног. Слава Богам, что я сижу выше, чем могла бы, но от собственных мыслей румянец растекается по щекам и шее. Губы Блайта скользят следом, лоя жар моего стыда. Ниже и ниже, пока не впивается в шею, чуть царапая кончиками клыков. Почти уверена, что сейчас он вонзит их мне под кожу, но он лишь зажимает кожу губами, втягивая ее глубоко в рот.

— Кто бы сказал, что нежности с простой смертной такие вкусные, — усмехаясь, развратно шепчет Блайт.

Что?!

— Ты никогда не... — бормочу в ответ на его странное признание.

Блайт опускает руки — и на миг мне кажется, что шнурка нет и в помине, но нет — его запястья все так же связаны. Его пальцы удлиннились, ногти вытянулись в острые когти. Но когда Блайт обхватывает мое лицо ладонями, я чувствую лишь желание ни за что в мире не причинить мне боль. Странные чувства захлестывают с головой.

— Дэш, ты первая смертная женщина, заинтересовавшая меня до такой степени, что мне захотелось поцелуев.

Знаю, что не должна верить ни единому его слову, но все равно глупо улыбаюсь в ответ. Хочется сказать, что он первый мужчина, который целует меня вот так, но... улыбка Блайта подсказывает, что он и так это знает.

Блайт забрасывает связанные руки мне за голову, и мы потихоньку сталкиваемся лбами.

— Тебе нужно поспать, сладенькая, пока ты не свалилась с ног.

И будто по волшебству мои веки становятся невыносимо тяжелыми, голова тонет в тумане. Блайт осторожно перекладывает меня на бок, и мы осторожно сплетаемся ногами. Между нами одеяло, но, если честно, мне все равно, даже если бы его не было.

Впервые в жизни я чувствую себя в полной безопасности. И ирония в том, что человек, который дарит это чувство, вероятно, безжалостное темное божество.

— Держись подальше от Эвана, Дэш, — говорит Блайт неожиданно тяжелым голосом.

— Ты хорошо знаешь великого герцога? — заплетающимся языком, уже сквозь дрему, спрашиваю я.

— Лучше, чем хотел бы.

глава 19

Мне кажется, что я задремала всего на пару минут, но когда открываю глаза, постель пуста. Сонно потираю веки, выуживая остатки сладкой дремоты. Очень давно не спала так беззаботно, и от мысли, что рядом со мной лежал посторонний мужчина, мурашки бегут по коже.

Но комната пуста, а на постели нет даже вмятины. Может быть, мне привиделось? В последние ночи белобрысый мошенник в самом деле донимал мои сны своим безоговорочным присутствием. Прикладываю ладони к щекам: горячие. Ненавижу себя за эту слабость. И за то, что она так приятна.

Есть лишь одно средство узнать, было ли случившееся реальностью. Опасливо осматриваю каждый уголок комнаты и потихоньку подношу к носу подушку. Втягиваю аромат, чувствуя себя едва ли не сумасшедшей влюбленной из дурацкого эпоса. Наволочка пахнет морозом и чистой кожей. Жмурюсь — и тону носом в ароматной дымке. Это просто минутная слабость, и нет ни единой живой души, чтобы узнать об этом. А уж со своими демонами я как-нибудь помирюсь.

Но мой маленький ритуал прерывает призрачный смех Блайта. Его здесь нет, и я точно знаю, что эти звуки — лишь порождение моей больной фантазии, но все равно хватаю подушку и несусь к камину. Мне не нравится, что простая вещь так дорога мне, и единственный способ избавиться от пагубной зависимости — огонь.

С тоской смотрю, как язычки пламени поедают красивый вышитый шелк, как коротко и ярко вспыхивают перья. А когда не остается ничего, слышу голос Шиiry:

«Он ушел почти сразу, Дэш».

— Куда? — спрашиваю сухо, хоть на самом деле очень страшно, что ответ мне не понравится. Может быть, Блайт приспал мою бдительность, чтобы преспокойно наслаждаться обществом Райль?

«Уехал. Совсем», — коротко отвечает Шиира. Чувствует мое настроение и держит при себе свои шуточки.

— А принц?

«Отбыл час назад. Райль проявила гостеприимство».

Я потихоньку облегченно выдыхаю и зову горничную, чтобы помогла переодеться в домашнее платье. Теперь, когда нега прошла, чувствую жгучую злость. У меня дел невпроворот, а я бессовестно провалялась в постели до полудня.

Чтобы наверстать упущенное, завтракаю — точнее, обедаю — на ходу. Служанка бежит рядом с тарелкой, куда кухарка наложила горками всякие деликатесы, пока я читаю отчеты моих поверенных и занимаюсь остальной корреспонденцией. Мои финансовые дела идут отлично — и ювелирные мастерские, куда я вложила столько средств, наконец, начали приносить доход. Герцог научил меня составлять графики и примерно подсчитывать прибыль, и я, жуя финик, черчу на пергаменте кривые. Что ж, до конца года я отобью все вложения.

Ничто так не воодушевляет, как осознание, что не зря слушала скучных преподавателей, пока Райль разучивала танцы и училась играть на арфе.

Кстати, сестра появляется только во второй половине дня: воодушевленная, раздурманенная от крепкого мороза. И сразу же берет меня в оборот.

— Брось свои скучные бумажки и посмотри лучше, какие восхитительные пригласительные я подготовила!

Краем глаза смотрю на красивые стопочки конвертов в белоснежных кружевах, усыпанные крохотными голубыми розами из лент. Ручная работа — и очень кропотливая. Наверняка Райль пришлось повозиться, чтобы найти ответственного мастера, и хотя бы ради ее стараний я должна проявить больше интереса. Откладываю в сторону перо, стряхиваю с колен домашнего платья обрывки бумаги и подхожу ближе. Верчу первый же конверт, прищелкиваю языком, но сестре и этого мало: отбирает у меня конверт и достает тонкий пергамент с золотистым тиснением. Под радушным приглашением посетить маскарад значится имя... великого герцога.

— Я подумала, мы не можем его игнорировать, — говорит Райль. — Это будет невежливо. И потом: он все равно не согласится прийти.

Вот уж в чем я совершенно не уверена, но Райль права — мы не можем не пригласить Эвана. Таких

особ нельзя игнорировать. Даже если их присутствие грозит превратить уютное торжество для избранных в шпионский смотр. Эван не упустит случая еще раз прощупать подданных на верность.

Откладываю эту мысль на потом, ведь так или иначе, а приглашение придется отвезти лично мне. И почти наверняка Эван воспользуется ситуацией, чтобы устроить допрос с пристрастием по поводу злосчастных рогов. Может быть, старый алхимик был прав, и желание держать про запас еще одного Мастера выйдет мне боком?

Среди прочих приглашений — сливки двора. Графы, маркизы, князья. Зачитываю имена, и Райль сопровождает их короткими ремарками. Все-таки, светская жизнь — это ее стихия. Я умею умножать деньги и считать прибыль, могу поддержать разговор об астрономии, литературе, биологии и современной химии, но все эти темы интересны обществу мужчин, а в этой части мира они до сих пор смотрят на женщин, как на свои бесправные придатки. Нет, конечно, я смогла бы организовать маскарад, но делала бы это без удовольствия и с несоизмеримыми затратами моральных сил. А Райль, кажется, чуть не порхает от радости и заслуженной похвалы.

— А это для кого? — спрашиваю, когда сестра мягко, но ловко выдергивает из моих пальцев последний конверт. Замечаю, что розочки на нем не голубые, а красные.

— Для того роскошного мужчины, — воркует сестра и прячет конверт в бархатную сумочку. — Если бы ты сказала, где его искать...

— Он не придет, — обрубаю ее еще не оперившуюся надежду, а внутри все клокочет от возмущения. Ну конечно, это же Блайт: если даже я на него как-то странно реагирую, то что уж говорить о влюбчивой Райль. — У нас с ним были сугубо деловые отношения. И людям его ремесла не место среди высшего общества. Если, конечно, ты не хочешь получить плеткой от карателей великого герцога за то, что посадила его за один стол с мошенником и головорезом.

Напрасно я сказала про мошенника и головореза. Нормальную трезвомыслящую женщину это точно бы отпугнуло, но только не Райль. Она начиталась дурацких романтических баллад в духе «разбойник полюбил принцессу — и их любовь преодолела тысячи преград» и наверняка еще больше распалится.

— Райль! — повышаю голос, вдобавок громко щелкая пальцами у нее перед носом. — Отдай мне приглашение.

— И не подумаю. — Сестра показывает язык и, ссылаясь на встречу с флористом, ускользает, а с нею и полдесятка служанок.

Я в бешенстве и только появление Грима удерживает меня от того, чтобы не швырнуть в стену тяжелую хрустальную чернильницу. Но это наверняка видно у меня на лице, потому что верный страж на всякий случай отклоняет голову от дверного косяка.

— Разве ты не должен быть в постели? — спрашиваю чуть грубее, чем следовало. Не так-то просто проглотить колющее раздражение.

— Я устал валяться без дела, — ворчит Грим. Осторожно, тщательно скрывая боль за непроницаемой маской, подходит ко мне и отодвигает чернильницу на другой край стола. — Во что Райль вляпалась на этот раз?

Грим больше года присматривает за моей спиной и знает обо мне все, даже какой на вкус воздух, которым дышу, но рассказывать ему о Блайте совершенно не хочется. Поэтому просто машу рукой, мол, ничего достойного целого разговора.

— Я просто вымоталась.

А вот об игре с принцем ему рассказать можно. Грим слушает внимательно и в конце, когда я говорю, что передала Ривалю все закладные, недовольно хмурится. Да, этот мужчина всего лишь мой охранник, но иногда он дает полезные советы. Правда, все они не имеют ничего общего с состраданием. У Грима на лбу написано, что мой поступок он считает чистой воды глупостью. Ну и пусть. Переигрывать уже поздно.

— Великий герцог не давал о себе знать? — интересуется Грим. Мы оба знаем, что за простым вопросом скрывается невысказанное: «Когда и у кого мне вырывать твою жизнь, Дэш?»

— Надеюсь, ему не до меня, — пожимаю плечами. — Но Райль собирается пригласить Эвана на маскарад — и там мы в любом случае столкнемся лбами.

— На твоей территории, — уточняет Грим. И это в самом деле громадное преимущество. — Пусть только подумает причинить тебе вред — я лично сверну ему шею.

глава 20

Проходит неделя с тех пор, как Блайт, не попрощавшись, исчезает из моего дома. И хоть мне противно осознавать это, я по часам помню каждый из этих дней: одобрила чертежи украшений для новой линии, которую придумала Райль, заказала рубины и изумруды из Сахри, выкупила долю в банке «Гриф». И это, не считая забот с домом. Пока мой алхимик и его подмастерье обрабатывали рога арха для Снайга, мы с Шиирой оформляли замок. До маскарада остались считанные дни, и я хочу, чтобы все те, кто давно поставил на девчонках Меррой крест, подавились собственной завистью.

Встаю до рассвета и падаю в кровать за полночь, совершенно обессиленная. Изматываю себя, чтобы не видеть снов. Точнее, не видеть человека, привыкшего там хозяйничать. Я не должна о нем думать и не должна ждать встречи. И уж точно не поглядывать на дверь всякий раз, когда прохожу мимо. Но беда в том, что, куда бы я ни пошла, Блайт тут как тут. Его нет физически, но он все время у меня за спиной. И стоит мне подумать о чем-то, как его призрак тут же отпускает едкие комментарии. К концу третьего дня я начала подозревать у себя душевную хворь, потому что, сидя в кабинете над кипами бумаг, поймала себя на том, что разговариваю со своим безмолвным собеседником.

Кончилось тем, что я попросила алхимика сварить мне настойку для крепкого сна. И только после пары совершенно пустых ночей смогла, наконец, избавиться от наваждения. Безразличие — лучший спутник одинокой женщины, озабоченной планами мести, которые не прощают ошибок.

— Здесь достаточное количество, — говорит алхимик, вручая мне мешочек с обработанным катализатором для Снайга. Даже сквозь плотную ткань я ощущаю тепло содержимого. — Но я бы советовал быть поосторожнее с Мастерами, которые требуют таких редких компонентов.

— Почему?

— Потому что эта сущность, вероятнее всего, древнее, чем все иные Мастера, с которыми мне приходилось иметь дело.

У меня нет повода не доверять его предостережениям, но и выгнать несчастного старика в небытие, где он, скорее всего, пропадет, не могу. Придется положиться на интуицию, которая говорит, что если бы Снайг хотел причинить мне вред, он бы уже как-то себя проявил.

Грим следует за мной, когда мы спускаемся в подвал. Черчу круг и высыпаю в центр содержимое мешочка. После обработки нарезанный пластинками кусочек трофейного рога похож на маслянистые угольки. Стоит выйти из круга — и катализатор начинает действовать. Сначала ничего не происходит, лишь привычные мне легкие толчки подтверждают, что я все сделала правильно. Но через минуту круг вспыхивает яркими столбами света, словно сквозь меловые грани наружу вырывается жар подземного мира. Жмурюсь, потому что глаза нестерпимо жжет, а Грим на всякий случай выходит вперед. Мы оба знаем, это лишь дань его обещанию защищать меня, потому что здесь все равно нет физического врага, а бестелесный может напасть даже с потолка.

«Спасибо», — скрипит в голове старческий голос моего второго Мастера.

Образы, которые он посылает, теперь наполнены красками: не размытые серые очертания снежных долин, а болезненные вспышки ожесточенного сражения: стоны умирающих тонут в лязге мечей и неестественно громких хлопках крыльев, гарь застилает взгляд, а вековые снега тают в горячей крови.

Невольно вздыхаю, голова идет кругом, и только поддержка Грима не дает упасть.

— Что ты мне показал? — спрашиваю Мастера.

«Часть прошлого, которого я не помню», — грустит он.

Мастера — не пустышки-прислужники, они — живые сущности со своим характером и причудами. И я почти физически ощущаю тоску этого потерянного духа. То, что причинило боль мне, его терзает во сто крат сильнее.

— Если бы ты показал больше, мы могли бы отыскать твой дом, — предлагаю я. Если принести из прежнего жилища хоть щепотку пыли — Мастеру будет легче закрепиться на новом месте.

Знаю, что он пробует, пытается, но лишь рычит от негодования за собственную слабость.

— В следующий раз, — сдаюсь я.

Не знаю, что за осколок памяти он вонзил мне в голову, но чувствую ужасную слабость и не отказалась бы прилечь, хоть на улице лишь немного за полдень и обычно я не позволяю себе валяться в постели, когда есть масса нерешенных дел. Честно обхожу спальню стороной, но все равно оказываюсь там и проваливаюсь в самый странный сон, какой только видела в своей жизни: чувствую себя птицей, которая низко парит над заснеженными просторами, высматривая что-то среди древних развалин и мерзлых льдов. Я словно ищу что-то... или кого-то, и внутри меня звенит щемящая боль, потому что знаю — этого давным-давно нет, и как бы низко я не летала, сколько бы слез не пролила, чуда все равно не произойдет.

— Дэш... — трясет меня за плечо Райль. — Дэш, проснись.

Нехотя открываю глаза — и в веки словно вонзают тысячи колючек. Чтобы подтвердить догадку, впиваюсь взглядом в подушку. Так и есть — на наволочке остались характерные влажные пятна слез. Да и сестра смотрит озадачено и настороженно.

— Просто дурной сон, — говорю, предвидя ее закономерный вопрос.

— Риваль приехал, — сообщает Райль. — Говорит, у него к тебе дело.

Риваль? Наследный принц лично нанес визит опальной беглянке?

Киваю, говорю, что мне нужна пара минут, чтобы привести себя в порядок, но, как только дверь за сестрой закрывается, устало опускаюсь на кровать. Кажется, до сна я чувствовала себя бодрее, чем после. И странная тревога звенит внутри натянутой струной. Нужно время, чтобы разбавить наваждение попыткой угадать причину визита высокого гостя. В ту ночь, после игры, я выручила Риваля, и он выглядел бы глупо, отказываясь от помощи. Но сегодня приехал сам, да еще и с каким-то делом. Напрашивается закономерный вывод о том, что за минувшую неделю принц успел забыть свое обещание больше никогда не садиться за карточный стол, проигрался вдрызг и приехал просить в долг. Но эта мысль настолько омерзительна, что я поскорее гоню ее прочь. Риваль в сущности хороший человек, которому просто не повезло родиться вехой на пути великого герцога. После смерти короля трон унаследует Эван, и только дурак не понимает, чем это грозит Ривалю.

Принц ждет меня в кабинете: здесь горит камин, и я немного оторопело замечаю, что вместо старой каменной кладки он сложен из блестящих черных кусков мрамора, а решетка, за которой томится пламя, буквально шедевр кузнечного искусства. Это точно не работа Шиiry.

— Буду рад прийти, Дэш, — без приветствия улыбается Риваль, показывая конверт с приглашением. — Я восхищаюсь твоей свободой.

Моя улыбка немного натянута, ведь то, что он принимает за свободу — вынужденная мера. Я, как бабочка, вынуждена раскрывать крылья, пугая врага страшным узором. Стоит только показать слабину — и нас с Райль сожрут, словно цыплят.

— Это будет небольшой домашний праздник, — предупреждаю я, помня его тягу к пышным торжествам. — Маска и костюм обязательны.

Риваль кивает, делает шаг ко мне и галантно целует руку.

— Что случилось? — Не люблю долго ходить вокруг да около, потому что время — самое драгоценное из моих сокровищ, и это единственное, что я никак не смогу восполнить покупкой нового рудника.

— Подумал, тебе это будет интересно.

Принц достает из-под полы небольшой свиток, внутри которого лежат листы, исписанные аккуратным, с филигранными завитками, почерком. Беглого взгляда хватает, чтобы понять — это письма. Они без подписи, лишь внизу стоит инициал: красивая буква «А».

— Что это?

— То, что я нашел среди личных вещей отца незадолго до того, как он обозвал меня щенком и вырожденком, и приказал никогда не появляться ему на глаза, — с толикой приправленной иронией грусти откровенничает принц. — Я... просто хотел как-то тебя отблагодарить, Дэш. Не знаю ни одного человека, кто бы сделал то, что сделала ты.

— Я ничего не просила взамен.

— Знаю, знаю, — улыбается он. — Просто взгляни.

Это письма женщины — и в них она обращается к человеку, которого явно любит: написанные слова превращаются в музыку в моей голове, и я даже слегка завидую тому, как тонко она выражает свои

чувства. Но от письма к письму настроение незнакомки меняется: слова любви сменяются злыми обидами, которые перерастают в угрозы. Мне немного стыдно за то, что невольно подглядываю в замочную скважину чужой сердечной истории, но каждый раз, когда пытаюсь отложить письма, Риваль настаивает, чтобы я продолжила.

И я благодарна ему за это, потому что постепенно передо мной открывается запутанная, полная предрассудков история любви короля и незнакомки, нарекшей себя «А».

— Она говорит о ребенке, — шепчу я, пораженная очередным откровением. — Это тот самый бастард?!

— Ответы у тебя в руках, — загадочно говорит Риваль, потягивая горячий напиток из молотых зерен эфити. Я привезла целый мешок отборного сорта, и принц явно пристрастился к нему с первой же чашки.

«Она похожа на тебя...» — читаю последнюю строку самого последнего письма.

Сначала даже не понимаю, что меня так смущает в простой строчке, но, когда осознаю, не могу сдержать удивленный вздох.

— Она?! Бастард — девочка?

Риваль кивает, даже не пытаясь скрыть, что рассчитывал именно на такую реакцию.

О незаконном отпрыске ошибки молодости правителя Абера чего только не говорили, но даже самые нелепые слухи не предполагали, что это могла быть девочка. Я, само собой, тоже.

— Это очень ценная информация, Риваль.

— Поэтому я поделился ею с тобой.

— Великий герцог не знает?

Риваль отрицательно мотает головой. В это трудно поверить, ведь Эван, кажется, контролирует все, что происходит в замке и далеко за его пределами, и даже я ловила себя на том, что рядом с ним мои мысли начинают плясать под его беззвучную дудку.

Мы с принцем обмениваемся многозначительными взглядами: оба знаем, что, если — когда! — великий герцог узнает о таком вероломстве, Ривалю будет несдобровать.

— Я устал его бояться, — твердо говорит принц, и я впервые вижу его таким решительным. Похоже, Эван пережал, пытаюсь воспитать из бульдога ручную собачонку. — Дэш, я надеюсь, мы сможем объединить силы против него. Кем бы ни была мать этой девочки, — Риваль кивает на письма в моих подрагивающих пальцах, — Эван отчего-то боится ее. Согласись, сам по себе ребенок от крестьянки никак не мог бы помешать его планам.

Конечно, я согласна. И отчего-то невольно вспоминаю байку о ледяной принцессе, бросившей новорожденного к ногам мужчины, который даже не пожелал взглянуть на своего ребенка.

Ледяная принцесса — наследница древнего народа. Пусть давно ушедшего в забвение, но с родословной куда более крепкой, чем у правящей династии. Даже амбициозные планы великого герцога запросто разобьются об кровь Первых королей.

— Что ты за это хочешь, Риваль?

Опускаюсь в кресло, кутая плечи в толстую вязаную шаль. Кажется, что пока я играю в мечь, жизнь, со всеми ее удовольствиями и радостями просачивается сквозь пальцы. Почему нельзя быть такой, как Райль? Радоваться жизни, всплескивать руками от каждой мелочи и проводить дни в заботах о том, выбрать ли для оформления маскарада красные ленты или голубые кружева.

«Потому что кто-то должен дать отпор таким, как великий герцог, — шепчет тщеславие. — Почему бы и не ты?»

— Дэш, я предлагаю союз, — твердо говорит Риваль. Никогда не видела его таким серьезным и даже немного злым. Очевидно, ручной щенок Эвана подрос, заматерел и собирается перегрызть поводок, чтобы укусить. — Знаю, это звучит странно, но мы идеально подходим друг другу. У тебя есть деньги, смекалка и право крови. У меня — военный талант и два десятка верных генералов, которые выступят против Эвана.

Вскидываюсь и с трудом подавляю желание попросить его не кричать обо всем этом так громко. Ведь то, что он предлагает — это заговор. И это не имеет никакого отношения к тому, как долго его отец, король Абера, просидит на троне. Мы оба знаем, что правящий монарх лишь пешка в руках

Серого кардинала. Прозвучит, быть может, немного цинично, но точно так же, как им управляет великий герцог, им может управлять один из нас.

Но мы говорим о заговоре. О том, чтобы подрубить сук, на котором сидит самых хитрый, всезнающий и безжалостный человек страны, умелый манипулятор и блестящий стратег. Я ненавижу его, но и восхищаюсь одновременно, хочу больше никогда не видеть, но... что-то внутри сжимается, тянет и рвет, стоит представить, что уже через несколько дней Эван заявится в мой дом. Даже не сомневаюсь, что он выберет самый узнаваемый наряд.

— Ты принц, — грустно улыбаюсь. — Если набедокуришь, даже Эвану не хватит дерзости публично от тебя избавиться. А мы с Райль для него просто сор под ногами. Если он узнает, что мы сговорилась против него, нас казнят без суда за государственную измену.

— Ты его боишься? — Риваль выглядит озадаченным, как будто был уверен, что мне все нипочем, и даже Эван с его скорыми на расправу наемными убийцами.

— Трезво оцениваю свои шансы.

— Наши шансы, — пылко поправляет Риваль. И вот уже стоит передо мной на одном колене и стискивает в руках мои озябшие ладони. Отчего-то думаю, что его пальцы тоньше, чем пальцы Блайта, и руки выглядят хрупкими, хоть и в отлично владеют искусством боя на мечях. — Дэш, я не шучу, и готов идти до конца, но рука об руку с тобой. Даже если это приведет нас на виселицу.

Звучит очень романтично, но что делать с интуицией, которая обрамляет яркие речи в мрачное содержимое? Виселица — это еще куда ни шло, я бы поставила на сточную канаву в квартале бедняков.

— Я все время только об этом и думаю, — продолжает Риваль. — С тех самых пор, как ты вернулась, постоянно вспоминаю, как нам было хорошо прежде, чем все рухнуло. Мы бы были отличной парой.

— Две черных вороны, — невольно тепло улыбаюсь я, вспоминая те времена, когда нас дразнили за то, что были единственными темноволосям северянами от Мерзлоты до самых южных границ Абера.

— Две черных вороны, — соглашается Риваль и протягивает руку, чтобы убрать с моего лица темную прядь. — Ты нужна мне, Дэш, а я нужен тебе. И есть лишь один способ доказать, что я готов разделить твою участь на равных.

— Приковать нас друг к другу нерушимыми цепями? — посмеиваюсь я, но Риваль очень даже серьезно кивает в ответ.

— В некотором роде, Дэш. Ты должна стать моей женой, принцессой Абера.

Я не испытываю ни шока, ни удивления. Напротив, его предложение выглядит закономерным продолжением беседы. Мы уже были помолвлены, и я уже была невестой Его Высочества, и сейчас все происходящее напоминает дежавю. Только мы повзрослели — и теперь у нашего союза может быть куда более опасная цель.

— Дэш, мы идеально подходим друг другу, — продолжает Риваль,

Чувствую себя жертвой, которую пикой подталкивают к обрыву. И дело не в том, что я не готова сказать ему «да». Напротив, готова. Принц совершенно прав: мы должны заверить наш договор чем-то более существенным, чем простые слова. Просто... Однажды я уже стала вынужденной женой человека, который был на пятьдесят лет старше меня. Теперь муж будет моложе, но это все тот же брак по расчету.

«Романтика? — насмехается внутренний голос, тыча под нос заплесневелый сухарь из прошлого, который мы с Райль жевали, словно изысканное лакомство. — Только трезвый расчет и холодная месть, милочка».

— Эван не позволит этому случиться, — напоминаю я.

— Разве нужно его спрашивать? — подмигивает Риваль. — Объявим о нашем решении на твоём торжестве. При всех.

— Великий герцог никогда не простит этой выходки, — злорадствую, предвкушая лицо Эвана в тот момент, когда он услышит о нашем союзе.

— Он будет в ярости, — ухмыляется Риваль. — И обязательно совершит ошибку.

— Оступится, — предлагаю я.

— И угодит в ловушку, — заканчивает принц. — А когда все кончится, и отец в положенный срок отойдет в другой мир, ты станешь той, кем должна была стать по праву рождения — Королевой, хозяйкой Трона луны.

Жаль, что слова нельзя облечь в физическую форму, иначе я бы запечатлела эти как самое дорогое украшение и носила бы не снимая.

глава 21

— Ты просто чудесно выглядишь, — охает Райль, обходя меня по кругу уже раз десять. — И даже мрачный цвет тебе к лицу.

На самом деле, она все равно думает, что ее вариант моего платья был бы лучше. Она предлагала что-то воздушное, карамельно-розовое, пышное, как зефир из кондитерской. Строго говоря, такое же платье, как и у нее, но сама она одета в голубое, потому что это — абсолютно и безоговорочно ее цвет. В задумке Райль мы должны были быть в масках звезд-близнецов и дополнять друг друга. Но меня, хоть убейте, подворачивало от мысли нарядиться в сладость и весь вечер корчить дуру.

Поэтому я заранее позаботилась о платье, чтобы на ее предложение сразу же предъявить контраргумент. Это черный шелк и бархат с тонкими кружевами и вышивкой серебром. Красиво и достаточно пафосно, и мне в общем плевать, что черный считается цветом тетушек и королев. Я и есть королева, и сегодня, когда Риваль сделает заявление о нашем союзе, мой наряд будет очень кстати.

— Давай помогу.

Райль берет свернутые кольцами нитки бриллиантов, оборачивая их вокруг моей шеи словно продолжение платья, и ловко закрывает невидимый замочек. Поглаживает мои плечи, приобнимает сзади и мы вместе смотримся в одно зеркало. Девочки Меррой, светлая и темная. Мы вернулись, Фрибург, и мы не дадим забыть то, что не может быть забыто.

Последний штрих — серебряная маска, вся усыпанная драгоценными камнями. Эксклюзивное украшение, сделанное по моему личному эскизу. На правах хозяйки торжества я не могу быть неузнанной, но правила Маскарада диктуют свои условия, поэтому маска — лишь дань правилам. Меня невозможно не узнать, да и я не хочу играть в инкогнито.

— Все хорошо? — спрашивает Райль, потому что безукоризненно чувствует мое напряжение. Даже она не знает о нашем с Ривом плане.

— Идеально, — похлопываю ее по ладони у меня на плече.

Мы спускаемся к гостям по лестнице, устеленной дорогой ковровой дорожкой. И каждому нашему шагу вторят вспыхивающие на рожках перил подсвечники из слоновой кости. Золотые и голубые языки пламени висят над чашами зачарованными сгустками, пульсируя и изредка разбрасывая вокруг безболезненные вспышки искр.

— Спасибо, Снайг, — говорю шепотом. — Ты сделал настоящее волшебство.

«Я старался для тебя», — довольно отзывается старик.

Нет, он не просто старался. Он превзошел сам себя. И я уже знаю, что завтра даже слепые на улицах будут обсуждать красоты «Тихого сада». Я не просто переплюнула королевский замок — я утопила его в этом плевке.

Эван появляется ближе к полночи. Я узнаю о нем немного заранее, потому что Шиира показывает десяток всадников, среди которых один в пышном бархатном камзоле, широкополой шляпе с пером, прикрепленным ромбовидной рубиновой брошью. Лицо, как и у меня, скрыто полумаской — не узнать великого герцога невозможно.

Киваю Райль — наш условный знак, что прибыл высочайший гость, встретить которого я должна лично. И до тех пор забота о гостях целиком лежит на ней. Нужно видеть, как она преобразается: расцветает, благоухает, словно морозная лилия источает радушие и желание сделать вечер особенным для каждого.

Подбираю юбки и спускаюсь вниз. Грима останавливаю за порогом. Он не рад, но накануне мы обсудили степень моей безопасности, в особенности ту часть, где я буду оставаться наедине с великим герцогом. Если бы Эван хотел от меня избавиться, то сделал бы это гораздо изящнее, чем демонстративно убить в моем же доме. Хотя, вряд ли я так уж хорошо знаю этого человека, чтобы считать себя знатоком его замыслов.

На улице падает тихий снег, белоснежный покров поскрипывает под сапогами, пока я иду навстречу Эвану. Он уже спешил и небрежно бросает поводья конюху.

— Дэшелла. — Великий герцог выдерживает дистанцию, чтобы оценить меня с ног до головы. Взглядом просит повернуться, но я игнорирую произнесенную просьбу. Эван хмыкает, берет мою ладонь и мягко целует кончики пальцев. — Если я скажу, что ты выглядишь сногшибательно, это

будут всего лишь пустые бесцветные слова.

— Иногда молчание громче слов, — даю увлечь себя в игру.

Хочу одернуть руку, но он делает наоборот: притягивает меня к себе и заставляет что-то внутри заныть от того, как красиво улыбка раскрывает его эмоции: тепло вперемешку с опасностью. Его вторая рука перемещается мне на талию и какое-то время мы просто смотрим друг на друга, на снежинки, которые вторгаются в наше интимное пространство и тают, оседая на одежду невидимыми капельками. Я начинаю мелко дрожать и не уверена, что причина лишь в холоде.

— Постоим здесь еще немного. — Эван заворачивает мои плечи в свой тяжелый плащ-накидку. Он не предлагает, он как всегда категоричен в своих пожеланиях.

Сверху на наши головы льется веселая музыка, и силуэты за окнами выстраиваются для танца, роняя на снег причудливые тени. Между нами что-то происходит, даже если мы не шевелимся и не пытаемся сблизиться или отдалиться. И это началось не сейчас, и не в тот день, когда мы столкнулись в ювелирной лавке. Это началось гораздо раньше. Возможно ли, что еще до того, как появилась на свет?

— Ты тоже это чувствуешь? — зачем-то спрашиваю Эвана, когда он поглаживает мою щеку шершавой жесткостью перчатки.

— Что именно, Дэш?

Он снова назвал меня коротким именем, и это странным образом успокаивает, расслабляет. Великий беспощадный герцог Росс не причинит вред Дэш — эта истина не требует доказательства, она окончательна и непреложна.

— Между нами как будто нить судьбы.

— Ты всегда была так невозможно романтична, Дэш.

Он достает что-то из нагрудного кармана, мгновение сомневается, а потом берет мою ладонь и медленно, словно каждая секунда чего-то стоит, надевает на мой указательный палец перстень. Это простой продолговатый янтарь, размером почти на всю фалангу, но изнутри камень словно пропитан солнечным светом и летним теплом. Я чувствую, как согреваюсь, просто любуюсь тем, как потрясающе застыло множество пузырьков. Кажется, они образуют целую картину, но понять ее я не в силах.

— Подарок? Мне? — Я обескуражена.

— Когда увидел его, подумал, что камень должен быть твоим, — отвечает Эван.

Он не пытается меня поцеловать, но и не отпускает. Как будто не решил, чего хочет — и сам же загнал себя в тупик. Я знаю, что он ужасный человек, и то, что Эван сделал с моей семьей, невозможно ни простить, ни забыть. И все же... Эта невидимая нить — она существует. И мне инстинктивно хочется прижаться к Эвану, чтобы не порвать ее нечаянным движением.

— Надеюсь, все твои танцы принадлежат мне? — интересуется он, чуть вскинув бровь.

— Полагаю, что нет, — отзываюсь я, и Эван тут же тянет меня к себе, обволакивая пьянящей смесью опасности и наваждения. — Ты снова меня компрометируешь.

— А ты снова играешь в игры, правил которых не знаешь, Дэш.

Вот сейчас, в эту паузу между двумя толчками сердца, он склоняет голову и тянет меня за плечи в свой плен. Дыхание щекочет губы, запах можжевелевой смолы одурманивает. Я должна бежать со всех ног, но морально готова убить всякого, кто вторгнется в нашу тишину.

Каждого, но не наследного принца.

Риваль откашливается в кулак и, когда я поворачиваюсь, в его взгляде читается возмущенный вопрос: «Какого демона, Дэш?!»

— Риваль, — Эван нехотя, но все же отпускает меня. — Не помню, чтобы разрешал тебе роноывать мое общение.

— Мы же не на твоей территории, дядя, — с фальшивой улыбочкой отвечает принц и запросто, словно мы уже объявили о помолвке, берет меня под локоть, перетягивая на себя, словно канат.

Я отбрасываю его руку, надеясь, что выражение моего лица красноречивее слов скажет, что его вызывающее поведение рушит все наши планы. Взять хотя бы то, как прищурился Эван, глядя на

хватку племянника.

— Ну просто бой быков, — вторгается в наполненную злостью тишину третий голос, и меня чуть не сбивает с ног звонкий до одури запах морозных просторов. Как будто на мой маскарад пожаловала сама вековая стужа.

Блайт. Кто бы сомневался, что чихать он хотел на маскарадный костюм и отсутствие приглашения. Явился, верный себе, в кожаных штанах, неряшливо зашнурованных ботинках и кожаной куртке на голое тело. Символ Шагарата зловеще поблескивает на белой коже, словно пролитая капля крови.

— Великий герцог, какая встреча. — Он ухмылкой приветствует самого могущественного человека королевства, явно нарываясь на драку.

Эван минуту дырявит его непроницаемым взглядом, потом смотрит на меня — и снова на Блайта. Добродушие испаряется с его лица, и непроницаемая маска снова ставит меня в тупик. Был ли тот, другой Эван, способный на чувства, или я его выдумала?

— Значит, арх, — растягивая слова, говорит Эван. — Я должен был догадаться, что без тебя такое просто невозможно провернуть.

— Даже удивлен, что ты такой тугодум, — подначивает белобрысый головорез. — Я замучился ждать, когда ты явишься в гости и проявишь претензии об испорченной охоте. Как никак, последний живой арх не стал украшением твоей коллекции. Кто же повесит на стену безрогую голову. Это хуже, чем в мужской купальне снять штаны и показать всем свой маленький хер.

Я морщусь от нарочитой грубости, но выдержка Эвана безупречна. Он лениво пару раз хлопает в ладоши и, не сказав ни слова, идет в сторону дверей. И у меня нет выхода, кроме как последовать за ним.

Появление великого герцога производит настоящий фурор. Зал медленно погружается в молчание, даже язычки пламени перестают беспокойно трепетать на свечах. Я делаю знак музыкантам, и веселая мелодия обрывается. Эван все еще в маске, но таких особ принято узнавать в любом облики, тем более, он не делает ничего, чтобы остаться инкогнито.

Эван скользит взглядом по залу и лениво берет бокал с подноса служки, которая вытягивается перед ним словно из ниоткуда.

— Ты привезла новую моду, герцогиня? — лениво, не поворачивая головы, спрашивает великий герцог. — Мне определенно нравится.

На островах куда проще относятся к приемам и торжествам: пышности предпочитают удобство, а скучное сидение за столом заменяют разноской блюд прямо в танцевальном зале. В вопросе того, что наш первый званый вечер мы организуем именно так, мы с Райль были полностью единодушны. Само собой, отсутствие пышного застолья уже завтра порицали бы все тетушки и сплетницы, но одно слово Эвана — и скоро наше смелое новшество станет пискom сезона. Так существует эта банка с пауками.

— А почему не играют?

Вскидываю руку — и музыканты выуживают из инструментов бойкие звуки. Пары строятся в танец — и я замечаю в числе первых Райль с Блайтом: они становятся друг напротив друга, склоняются в дурашливом поклоне, издеваясь над всеми танцевальными традициями. Что-то неприятно скребется внутри, как кот, которого оставили за порогом в самую злую непогоду. Мне неприятно? Больно? Противно? Что же я чувствую и есть ли у этого название?

Я одеваю маску и вздыхаю с облегчением: это все равно, что отгородиться от мира безразличием. Никто не увидит меня-настоящую, никто не узнает, что я огорчена.

Никто, кроме Эвана, который берет меня за руку и без разрешения выводит в танцевальный ряд.

— Разве ты не должен был сперва записаться в мою танцевальную книжку? — спрашиваю я, изображая возмущение.

— Разве ты не сказала, что я все равно не буду единственным? Брось свою книжку в камин, Дэш, до конца вечера она тебе больше не понадобится.

глава 22

Великий герцог не бросает слов на ветер. Даже если это всего лишь танцевальная книжка. Мы танцуем, танцуем и танцуем. Ноги болят, голова кружится и в горле пересохло, а мой партнер даже не изменился в лице. Собран, холоден и делает вид, что ему плевать на внимание, которое намертво к нам приковано. В конце концов, в центре зала остаемся только мы и Райль с Блайтом. Танец предполагает обмен партнерами, и я чувствую раздражение из-за того, что придется сменить Эвана на Блайта. Почему? Потому что не хочу даже прикасаться к нему, боюсь, что та струна во мне, что ноет и болит, все-таки лопнет и я сделаю то, что делать нельзя. Мы с Райль обмениваемся взглядами: сестра явно в ударе. Глаза горят, на щеках румянец, она наверняка готова танцевать всю ночь напролет. Это противно: быть всего на два года старше, но чувствовать себя такой невыносимой развалиной.

Музыка мелодично вливается в уши, и я с некоторым облегчением думаю, что хотя бы не придется гарцевать по залу. Нужно улучшить момент и сбежать, чтобы сменить обувь. И плевать, что вытру подолом платья весь пол — я просто больше не в состоянии вымучивать улыбку каждый раз, когда переношу вес с пятки на носок. Просто чудо, что до сих пор не стону, как старуха.

Мы с Эваном соединяем левые ладони, и я невольно вздрагиваю, потому что тепло его руки упруго бьет по чувствительной коже. Мысль о том, что весь вечер Риваль остается не у дел, проскальзывает случайной гостьей и уходит почти незамеченной.

Раз, два, три.

Мысленно отсчитываю такт, и когда Эван делает шаг в мою сторону, я одновременно иду к нему, давая обнять себя за талию. Круг — и мы расходимся, обмениваемся партнерами. Протягиваю ладонь, нарочно глядя Блайту не в глаза, а поверх плеча. Не могу на него смотреть — просто не могу, даже если бы хотела.

Вот сейчас он приставит свою ладонь к моей, выдерживая спасительное для меня расстояние. Только Эван может позволить себе брать меня за руку, потому что он тот, кто создает порядки и законы, но не обязан чтить каждый из них. И все же даже великий герцог не брал меня за руку, отдавая дань танцу.

— Попалась, — шепчет Блайт, хватая мою ладонь крепко и уверенно, сплетает мои пальцы, нажимом вынуждая сжать его ладонь в ответ.

Я хочу его оттолкнуть, потому что Эван и Райль глаз с нас не сводят, но белобрысому головорезу, кажется, доставляет удовольствие бесить обоих. Или только Эвана?

— Прекрати, — шиплю я, мысленно отсчитывая темп. Всего пара счетов до того, как мы схлестнемся в более интимном движении.

— Ты сказала ему, что я спал в твоей постели? — громко спрашивает Блайт.

Раз, два...

— Сказала, как с ума сходила от моих поцелуев? — зло, глядя в лицо великому герцогу, выплевывает следом.

Три!

Мы схлестываемся, как непримиримые стихии: жестко и болезненно. Огонь и вода, лед и лава. Рука Блайта у меня на талии впивается в кожу поверх платья, словно он хочет заклеить мое тело отпечатком своей ладони. Пытаюсь его оттолкнуть, но это бессмысленно. Мы должны разойтись на следующем круге и снова поменяться партнерами, но Блайту плевать: он кружит меня, буквально доводя до отчаяния. Если я хотя бы попытаюсь противиться, то просто собьюсь с ритма и упаду.

Музыка давно не властна над нашим странным танцем. Мы словно одни в этом зале, одни во всем мире.

— Посмотри на меня, — приказывает Блайт.

В его глазах снова змеинные зрачки, и огонь вот-вот вырвется за пределы узкого плена. Уговариваю себя перестать видеть в нем божество и, наконец, осознать, что эта выходка служит лишь одной цели — позлить Эвана. Нет и не может быть другой причины для его злости.

— Ты моя, сладенькая герцогиня, — обмораживает холодом этого категоричного утверждения Блайт. — Навсегда, на всю жизнь, даже если она будет очень короткой.

— Отпусти меня, — каким-то чудом сопротивляюсь я.

— Скажи, что ты принадлежишь мне, — требует Блайт так яростно, будто от этого зависит его жизнь. Белые клыки мелькают в жестком оскале. — Дэш!

Я открываю рот — и неведомая сила оттаскивает меня назад. Треск несуществующий нитей, которые только что связывали меня с Блайтом, рвется с болезненным треском. Реальность делает неожиданный кульбит, и за секунду декорации меняются: Эван на руках несет меня к лестнице, жестко выстукивает каблуками ритм, отмеривая ступеньку за ступенькой.

— Даже не думай, — говорит он тихо, но хлестко. — Иначе, клянусь, ты пожалеешь. Твое «нет» может стоить жизни всем в этом зале.

— Что происходит, Эван?

Его ответ не для меня, а сразу для всех.

Великий герцог разворачивается, глядя на зевак в зале сверху вниз, объявляет:

— Мы с герцогиней Аберкорн решили воспользоваться случаем и сообщить о том, что в угоду богам и при нашем взаимном согласи решили стать мужем и женой. Торжество бракосочетания состоится в праздник Красного солнца.

Красное солнце? Это же... через десять дней?!

Хочу сказать, что мне нужно подумать, что это слишком и так просто нельзя. Боги, я согласна даже в темницу за непослушание, но мне нужна пауза. Хотя бы отдышаться и подумать.

— Нет, Дэш, хватит, — властно пресекает Эван и смотрит на меня ярко-голубыми глазами. Зрачки медленно растягиваются в тонкие нити, которыми он накрепко сковывает мое сердце. — Ты принадлежишь мне, всегда принадлежала.

— Ты тоже божество? — нервно смеюсь я.

— Можешь думать так, — припечатывает он. — Пока.

От этого «пока» у меня кровь стынет в жилах. И еще от того, что все мои гости встречают это известие гробовым молчанием. Нет ни радостных хлопков, ни восторженных женских вздохов. Даже ропота зависти, ведь Эван по праву считается самым завидным холостяком королевства. И не только Абера, но и далеко за его пределами.

Но хуже всего взгляд, который я чувствую сразу всей кожей. Взгляд, от которого хочется закрыться нерушимыми неприступными стенами, через которые даже птица не перелетит. Мое лицо прижато к губи великого герцога, но ничто не мешает смотреть мне по сторонам. Но я не хочу. Не могу.

— Что?.. раздается одинокий невнятный вопрос — и я узнаю голос принца. Он быстро откашливается, потому что понимает, что чуть было не совершил самую ужасную ошибку в своей жизни — подверг сомнению поступок Эвана. — Что ж, нам остается только поздравить тебя с таким прекрасным выбором!

Риваль хлопает в ладоши — и гнетущая тишина наполняется громогласными аплодисментами, словно мы два шута, только что разыгравших сценку на потеху публике.

— Отпусти меня, — говорю сдавлено, пытаюсь отодвинуться от великого герцога хоть немного. Это тяжело объяснить, но он подавляет и притягивает одновременно. Это какая-то ненормальная, противоестественная тяга — желать того, что причиняет боль.

— Еще несколько минут, будущая герцогиня Росс, потерпи уж, будь любезна.

— Или что?

— Или я потеряю терпение.

Мы смотрим друг на друга, и его глаза снова становятся нормальными. Я уверена, что не сошла с ума. И Эван, и Блайт... Они что-то большее, чем простые смертные, но даже сейчас я не хочу думать об их божественном происхождении. Это просто бессмысленно. Зачем богам жить смертной жизнью?

Когда великий герцог, наконец, ставит меня на ноги, я понимаю, что Блайта нет среди гостей. Мне не нужно осматривать зал, искать среди собравшихся знакомую белобрысую макушку. Просто знаю, что его нет, и в груди становится пусто, будто я — пустая яичная скорлупа.

— На два слова, Дэшелла, — говорит Эван, когда мы выдерживаем первую волну поздравлений. Все эти тетушки и почтенные таллы словно заведенные говорят одно и то же, но разными словами: плодитесь и размножайтесь. Как будто вся суть отношений зиждется на необходимости оставить потомство.

Хотя, что это я. Речь ведь не обо мне, а о том, что Эвану давно пора иметь наследников, и лишь ленивый не судачит на эту тему. Теперь, когда он представил миру свою племенную кобылу, самое время говорить о крепком и здоровом потомстве.

Могу ли я сказать ему нет? Могу, безусловно, но это будет последнее «нет» в моей жизни. Я бы даже сказала — последнее слово, которое скажу осмысленно и добровольно. И я бы все равно сказала его, если бы от этого зависела только моя жизнь. Но есть Райль, и с моей стороны будет очень эгоистично ставить крест еще и на ее будущем. Вряд ли судьба подарит нам еще один шанс на побег.

Эван берет меня за руку, отмахивается, как от назойливого насекомого, от пышноусого лорда Эбери и выводит на балкон, с демонстративным грохотом захлопывая и запирая за нами двери. Я пытаюсь спросить моих Мастеров, куда подевался Блайт, но в ответ вижу лишь пустые коридоры и такую же пустынную дорогу до «Тихого сада». Остается лишь горько улыбаться: если он не хочет, чтобы его нашли, то знает, как это сделать.

«Что бы ты ответила ему, Дэш... — спрашивает внутренний голос, — если бы Эван появился на пару мгновений позже?»

— Ты правда собиралась выйти замуж за этого остолопа? — спрашивает Эван, нанизывая меня на свой непроницаемый взгляд, словно бабочку.

И на миг мне кажется, что он читает мои мысли и знает, что сейчас, в эту самую секунду, думала о другом, но я быстро прихожу в себя.

— Риваль проболтался? — спрашиваю, даже не пытаюсь подавить горечь. Этот план был слишком идеален, чтобы осуществиться, а мы с принцем слишком самонадеянны.

— Так важно знать, кто из вас прокололся? — насмехается великий герцог.

— Хочу анализировать свои ошибки, чтобы не допускать их преть.

Эван подходит ближе. За моей спиной высокие перила балкона. Бежать некуда, но я и не хочу. Потеря победы не означает потерю лица и гордости. Великому герцогу мой настрой явно по душе, потому что он нависает надо мной всем своим ростом и после минутной задумчивости большим пальцем мягко очерчивает овал моего лица.

— Ты никогда не устанешь сопротивляться, моя маленькая Дэш. — Это не вопрос, это утверждение. — Всегда будешь огрызаться в ответ и всегда будешь давать сдачи. Просто... Идеальная.

— Что ты придумал на этот раз? — спрашиваю, даже не пытаюсь понять смысл его странных слов. — Не трогай Райль. Она ничего не знала. Сестра еще ребенок и не причинит тебе вреда.

— Разве не я только что при всех назвал тебя своей невестой?

— Только чтобы помешать Ривалю сделать то же самое.

— Ты правда так думаешь? — Эван ухмыляется и это настолько искренне, что я чувствую себя полной дурой. — Помнишь нашу игру в шахматы, Дэш? Помнишь, как пообещала отдать себя за титул герцогини Росс?

— Я сказала это совсем не так, но разве это интересует великого герцога? — Пытаюсь сделать показной реверанс, но Эван подхватывает меня за локти и тянет к себе.

Мы буквально вжимаемся друг в друга: бархат в кожу, аромат жасмина и апельсинового цвета в запах кожи и можжевельника.

— Ты единственная женщина, которая не боится смотреть мне в глаза, — шепчет он немного удивленный.

— Единственная, которая не боится тебя, — поправляю я, хоть на самом деле страх уже начал выкорчевывать мою уверенность. Нет ничего стыдного в том, чтобы бояться человека, в чьей власти прирезать меня на виду у всех, не опасаясь возмездия.

— Да, пожалуй, что единственная.

Я мечтала о нем еще сопливой девчонкой: об этом красивом мужчине с синей сталью глаз и голосом, похожем на рокот водопада. В мягкой кровати родного дома он снился мне в самых романтических снах, мой безупречный рыцарь, бесстрашный даже перед драконами и химерами. А в подворотнях портового квартала на колючей мешковине я видела сны, в которых собственной рукой прокалывала его черное сердце.

Я всегда обожала его и ненавидела. Одинаково сильно и самозабвенно. И эти чувства так сильно переплелись, что вряд ли смогут существовать одно без другого.

— Ты всегда была моей, Дэш, — говорит Эван, поглаживая мои губы большим пальцем. — Ты создана принадлежать мне. Безупречная родословная.

— Которую ты уничтожил на корню, — напоминаю я.

— Не думай об этом, — приказывает великий герцог, буквально подавляя собой, своим жестким характером и категоричными требованиями. — Есть вещи, которые ты не в состоянии понять и осознать.

— Оригинальный способ обозвать свою невесту душой.

— Ты просто невыносима! — взрывается он, хватая меня за затылок и так сильно сжимает волосы в кулаке, что я невольно жмурюсь от покалывания натянутой кожи. — Дэшелла Меррой, герцогиня Аберкорн, ты станешь моей женой даже если солнце свалится на землю, даже если вода испарится и полетит по ветру вместе с пылью, а горы вырастут до самых звезд.

Я замахиваюсь, зная, что в силах Эвана меня остановить. Но он не делает этого.

От силы пощечины боль приятно обжигает ладонь. Эван даже не морщится, но когда я замахиваюсь еще раз, пресекает попытку, жестко впиваясь в мои губы поцелуем.

Чувство падения в раскаленную бездну — вот что такое поцелуй великого герцога. Неумолимый, бесконечный, глубокий. Он словно выжигает меня изнутри, выпивает всю без остатка, опустошает, чтобы наполнить чем-то новым. Его слова о предназначении пульсируют в висках, и я понимаю, что он прав, ведь наши губы так идеально совпадают, а языки кружатся в танце, которому меня не учили, но который я безупречно повторяю. Ладонь Эвана на моем затылке расслабляется, пальцы перебирают волосы, словно драгоценный шелк.

Я задыхаюсь в нем, а он — во мне. Невозможно объяснить, как и почему, но это еще одна не требующая доказательства истина.

И в этот идеальный момент поцелуя мы оба знаем: будь у меня кинжал, я бы недрогнувшей рукой проткнула его сердце.

глава 23

— Поверить не могу, что ты станешь великой герцогиней, — говорит Райль на следующее утро, когда мы встречаемся за завтраком.

Хочется сказать сестре, что это вовсе не повод для радости, но я выбираю молчание.

Гости разъехались всего несколько часов назад, после чего мы с сестрой разошлись по комнатам, чтобы выкроить у ночи хотя бы немного сна. В итоге Райль выглядит свежей и отдохнувшей, словно не она отплясывала всю ночь, меняя кавалеров, словно перчатки, а я, провалявшись без сна, чувствую себя совой, которую рассвет застал далеко от уютной безопасности деревьев.

— Ты правда... согласилась? — спрашивает сестра очень осторожно. И, пока ждет мой ответ, щедро мажет маслом еще теплую хрустящую булочку.

У меня нет ни капли аппетита, хоть сдоба нашей кухарки даст фору любому заморскому повару. После поцелуя Эвана рот словно запечатали. Я едва смогла сделать пару глотков вина, надеясь, что хотя бы оно сделает мою голову пустой, тяжелой и пригодной для сна без сновидений. Тщетно. Не помогли даже чудесные капли от бессонницы.

— Бывшие беглянки не отказывают великому герцогу, — говорю чуть грубее, чем собиралась. Раздражает то, что Райль не понимает очевидных вещей, но еще больше злюсь на саму себя за то, что собственными руками создала ее такой, защищая от жестокостей реального мира.

Райль зачем-то кивает, кладет булочку на мою тарелку и хмурится до тех пор, пока я не откусываю ломтик. Это все равно, что заглатывать ежа целиком, но мне удается.

Шиира показывает целую вереницу всадников, которые въезжают во внутренний двор. У каждого корзина с цветами. Выхожу на крыльцо, без интереса подсчитывая букеты, которые посланники один за другим вносят в дом. Стены замка почти сразу наполняются сладким благоуханием.

— Они все от Эвана! — Райль без моего разрешения выуживает карточки из каждого букета и силой пихает стопку мне в руки.

Конечно, они все от великого герцога. После того, как он заклеил меня статусом своей невесты, только смертник осмелится оказывать мне знаки внимания.

Эван прислал экзотику: цветы, которые невозможно найти у простой торговки или даже в лавке торговца диковинками. Все это выращено в королевских садах, а некоторые сорта выведены искусственно. Я много лет прожила на островах, но и там не видела орхидей такого насыщенного кроваво-красного цвета. Синие колокольчики, черные бархатные розы, ядовито-розовые лилии.

— Похоже, герцог без ума в тебя влюблен, — радуется Райль.

«Хочешь, запру ее в лабиринте?» — предлагает Шиира, показывая сплетенные комнаты, в которых Райль просто не сможет найти ко мне дорогу.

— Надеюсь, теперь ты не будешь против, если я подумаю о браке, — краснея, говорит сестра, и нехорошее предчувствие стискивает мне сердце. — Я подумала, что уже можно тебе сказать...

— Нет! — выпаливаю до того, как она успевает назвать имя своего избранника.

— Нет? — не верит своим ушам Райль. — Но почему?

— Потому что тебе только семнадцать!

Я пресекаю ее попытки навязать мне разговор обещанием посадить под замок, если Райль не вышвырнет эту чушь из головы, но она бежит за мной из зала в коридор и даже по лестнице.

— Дэш, пожалуйста! — Сестра рыдает в три ручья, как будто от этого замужества зависит ее жизнь. — Ты не имеешь права!

— Нет, имею, — холодно бросаю я. — Ты поедешь учиться в Олиссийский университет и это не обсуждается. О твоём замужестве поговорим после возвращения.

— Но это ведь... три года?

— Три года, которые ты проведешь с пользой для своего образования.

Райль слишком хорошо меня знает, чтобы продолжать стоять на своем. В итоге кончится тем, что я

прикажу Шиире посадить ее под замок. Несколько раз она уже нарывалась на подобное и знает, что меня не смягчить ни слезами, ни мольбами. Слава Триединым, Райль хватает благоразумия и сейчас.

Все цветы уносят в оранжерею, где им самое место, а я убиваю день, занимаясь счетными книгами. Сосредоточиться на цифрах как никогда трудно, потому что после откровений Эвана вся эта возня выглядит полной бессмыслицей. Какой смысл пытаться ударить великого герцога в тыл, если он все равно стоит у меня за спиной, готовый отразить любой удар еще до того, как о нем подумаю я сама?

Чувствую, как пружина во мне затягивается все сильнее. Невидимый мастер заводит меня, словно непослушную игрушку. Я сопротивляюсь, но от этого только хуже.

Неизвестность обглаживает меня без остатка.

Поэтому даже не удивляюсь, с какой легкостью поддаюсь на импульс. Одеваюсь в дорожный костюм и никем не замеченная покидаю замок. Грим хватится меня примерно через полчаса, ведь даже верного стража можно обмануть, если знать его повадки.

Поверить не могу, что я это делаю, но все же.

Двери «Бархатной маски» гостеприимно распахиваются для меня девицы в полупрозрачных одеждах, которые даже не оставляют простора воображению. Им не нужно говорить, что я ищу хозяина — меня уже ведут в ту самую комнату, скрытую за расшитым пологом. Оттуда раздаются недвусмысленные стоны, и я мгновение мешкаю, цепляясь в плотную ткань. Девица напротив улыбается, как будто знает, что мне не хватит смелости. Но я приехала не для того, чтобы позорно сбежать.

— Хозяин не любит, когда его прерывают, — говорит она, видя мою решительность.

— А я не люблю, когда дают бестолковые советы.

Девица беззлобно фыркает и уходит, а я, собравшись с духом, вхожу внутрь.

Первое на что натывается мой взгляд — клубок обнаженных женских тел, переплетенный так туго и развратно, что издали кажется, будто это один живой организм с множеством рук, ног и голов. Сглатываю отвращение, но и чувствую приступ странной радости, потому что среди них нет того, кого я ищу. Среди них вообще нет мужчины.

Озираюсь по сторонам и нахожу Блайта на подушках у противоположной стены. Он раздет до пояса, голова безвольно откинута на гору подушек, белоснежные волосы растрепаны так, что я вижу только один глаз. И именно им Блайт лениво следит за мной.

— Сладенькая герцогиня, — растягивая слова заплетающимся языком, говорит белобрысый головорез, не делая ничего, чтобы прекратить вакханалию голых девиц. — Какого дьявола ты портишь мой прекрасный вечер?

Он либо пьян, либо одурманен, либо и то, и другое сразу.

— Хочу знать правду, Блайт.

— Проваливай к Эвану, Дэш, и задавай ему все свои вопросы.

— Но я пришла к тебе и не уйду, пока ты не скажешь, что вам обоим от меня нужно.

Что-то в его поведении стремительно меняется. Стонущий клубок расплетается, и девицы беззвучно выскальзывают наружу, оставляя нас с Блайтом наедине. И теперь я знаю, что пути назад больше нет. Мне не выйти отсюда, пока Блайт того не пожелает.

— Разве не за этим ты пришла? — спрашивает он, горячо дыша мне в ухо. Пора бы привыкнуть к этим его загадочным перемещениям, но не получается. — Пришла, чтобы попробовать, от чего отказываешься, становясь женой скучного старика.

— Он не старик — и ты это знаешь, — огрызаюсь я.

Его шея прямо у меня перед носом, и кожа так туго натянута на выпуклые ключицы, что хочется укусить. И он снова читает мои мысли, потому что притягивает мою голову ближе, подталкивая не сдерживаться.

Но после такого я бы перестала уважать саму себя.

— Я пришла поговорить, Блайт, будет лучше, если ты оденешься.

Он издает разочарованный стон и что-то с силой бьет кулаком в стену у меня над головой. Куски камня разлетаются острыми осколками, несколько оцарапывают его самого, и алые росчерки, словно штрихи от кровавого пера, вскипают на коже. Символ Шагарата вибрирует на цепочке, словно в нем заключена непокорная разрушительная сила.

— Задавай свои вопросы, сладенькая, — хрипит Блайт, пятясь от меня, низко наклонив голову, — а потом проваливай и никогда больше не возвращайся.

Как будто это так просто: задать правильные вопросы, когда понятия не имеешь, куда метить. Но Блайт не спешит, моя внезапная растерянность его явно забавляет. И вопреки моей просьбе, он и не думает одевать. Наоборот, поднимает с пола рубашку, вертит в руках, словно раздумывает, а потом зашвыривает еще дальше, за мятый завал из покрывал, на котором только что стонала влажная оргия.

— Откуда ты знаешь Эвана? — задаю первый вопрос. Кажется, где-то в конфликте между этими двумя непонятными мне личностями кроется ключ к разгадке их отчаянных попыток завладеть мною, словно трофеем.

— Из сотен прошлых жизней? — вопросом на вопрос отвечает Блайт.

Он издевается — и вряд ли попытка уговорить его быть хотя бы сегодня чуточку серьезнее увенчается успехом.

— Сладенькая, разве я не говорил, что непростой смертный? — Мое молчание Блайт расценивает как согласие и продолжает. — Можешь сколько угодно отпираться от факта, который не способна осмыслить, но я действительно бог. И действительно самый мерзкий и кровожадный бог из всех, которым не принято молиться вслух.

— Эван... тоже? — Сглатываю вязкую слюну, но она застревает в горле, мешая нормально вздохнуть. Блайт прав — я не могу осмыслить то, во что не могу поверить. И вряд ли смогу, даже если он вдруг снова удивит меня змеиными глазами и клыками.

— А вот это ты сама у него спроси, — перестает ухмыляться Блайт. Его взгляд все еще затуманен, а фигура кажется странно расслабленной, словно головорез окончательно утратил контроль над своим телом. — Заодно и мне расскажешь, что на этот раз придумал старый хер.

Морщусь от нарочитой грубости и все-таки присаживаюсь на подушки. Между нами, как и в прошлый мой визит сюда, кофейный столик на коротких ножках, только теперь нет ни сладких заморских фруктов, ни вина. И Блайт не подаст даже ломтик гостеприимства, потому что раздражение от моего присутствия слишком явно читается на его лице.

— Зачем ты хотел, чтобы я признала себя твоей?

— Ничего глупее не могла спросить? — Он запрокидывает голову и вальяжно смеется. — Затем же, зачем этого добивался великий герцог. Ты красивая богатая вдовушка, герцогиня, желанный приз для любого мужчины.

Это бесполезно. Что бы я ни спрашивала, Блайт все равно никогда не скажет правду. Будет и дальше скармливать мне сказочку о том, что вся история банальна и яйца выеденного не стоит. Возможно, эти мужчины — непримиримые враги, но секреты друг друга они хранить умеют.

— Уже уходишь? — интересуется Блайт, когда я, поднимаясь, иду к пологу. Приехать сюда было величайшей глупостью, но по крайней мере теперь я знаю, что жалеть не о чем. Остается Эван и, может быть, он будет более сговорчивым, хоть пока я смутно представляю, как и о чем буду его спрашивать.

Оттягиваю в сторону полог и натываюсь на непроходимую кирпичную стену. На всякий случай бью по ней кулаком: твердая и холодная, на коже остаются мелкие песчинки и пыль. Это не может быть иллюзия, и я ничего не ела и не пила, чтобы списать фокусы на дурман.

— Ты ведь не любишь его, — не понимает Блайт.

Он снова у меня за спиной, упирается ладонью в стену возле моей головы, а левой скользит по животу, выуживая пуговицы из петель. Я цепляюсь ногтями в его ладонь, пытаюсь задержать, но Блайт в два счета прижимает меня к проклятой стене.

— Я не видел его в твоих снах, — продолжает пытку Блайт. — Не слышал, чтобы ты шептала его имя.

— Отпусти меня, — шиплю, начисто разрушенная страхом потерять себя. Я на его территории, в его руках, в месте, где запросто вырастают стены. Это хуже, чем сидеть в клетке с тигром, потому что

Блайт быстрой расправе предпочтет изощренную пытку.

— Ты ввалилась ко мне, сладенькая, испортила все удовольствие и теперь требуешь, чтобы я тебя отпустил? Разве я не заслуживаю небольшую моральную компенсацию за такую вопиющую наглость, а ты — урок мудрости за безрассудство?

Хочу повернуться, хочу посмотреть в его ненормальные глаза, но Блайт перемещает руку мне на шею, чуть сдавливая и прижимая затылком к своему плечу. Я вся в его руках, как экзотический музыкальный инструмент, чьи струны он поглаживает ленивыми касаниями.

— Убью тебя, — предупреждаю я, но угроза тонет в треске порванной блузки.

Охаю, пытаюсь прикрыться руками, но Блайт сжимает горло сильнее, заставляя меня думать не о том, что его пальцы скользят по моей груди, а о воздухе, который крошечными порциями просачивается мне в легкие. Он царапает нежную кожу, строго выдерживая грань между болью и наслаждением.

— Мы все равно все умрем, сладенькая, рано или поздно. Твои угрозы мне не интересны. Жизнь существует для того, чтобы ярко гореть и красиво погаснуть, взорвавшись вместе с половиной мира. Жизнь существует, чтобы держать в руках хорошенькую строптивую женщину и слушать, как она тонет в собственных порочных мыслях.

Он шепчет на ухо, но голос будто звучит у меня в голове. Блайт прав: я безоговорочно и добровольно тону в желании, в похоти, во всем том, что раскаленной влагой болит у меня между ног. Стыд поджигает изнутри так, что кажется, если я не закрою глаза, ресницы вспыхнут и подожгут кожу, как сухой пергамент.

— Почему ты не сказала мне «да»?

Когти скребут по чувствительной груди, задевают твердые соски, и я невольно вскрикиваю, опьяненная смесью боли и удовольствия. Блайт подхватывает один пальцами, немного сжимает и скручивает, проверяя, смогу ли взять ноту выше. Я кусаю губы, но в мозгу пульсируют имя моего мучителя и безмолвная просьба дать мне еще больше.

— Почему, Дэш?! Почему он?!

Блайт злится, наглухо прижимает меня животом к стене и двумя руками стягивает блузку до самой талии. Кричу, пытаюсь остудить его ярость, но он что есть силы кусает меня в плечо, прокусывая кожу клыками, словно животное. Мне больно, но я не хочу, чтобы он останавливался, и даже когда он жадно втягивает первый глоток моей крови, я способна лишь закинуть руки и крепче прижать к себе его голову. Сжимаю белоснежные волосы в кулаках, мысленно умоляя попробовать меня еще и еще.

Запах зимней стужи обволакивает и успокаивает.

Кожа стынет и покрывается тонкой ледяной коркой.

Где-то, между деревьев, живущих со времен сотворения мира, бредет одиночка, оставляя за собой кровавую путеводную нить.

— Проклятье!

Блайт разворачивает меня к себе, блуждая по лицу безумным взглядом. Кровь стекает по его губам, тяжелыми рубиновыми каплями падает мне на грудь.

— Это слишком сложно даже для него... — стонет он.

Он пальцем подхватывает теплую каплю, растирая ее по болезненно твердому соску, пока я не начинаю дрожать и всхлипывать, а потом накрывает его ртом, жадно посасывая. Я плачу и кричу, словно обезумевшая, потому что этот кровавый поцелуй крадет мою душу и волю.

— Я буду в твоих снах вечность, сладенькая герцогиня, — обещает Блайт, на прощанье слегка царапая сосок клыками. Отстраняется и почти заботливо кутает меня в разорванную блузку. — И я украду твою первую брачную ночь, даже если Эван заточит тебя в самой неприступной башне.

— Чтoб ты провалился! — выплевываю я.

Бежать, бежать без оглядки.

Не от Блайта и не от его безумных клятв.

От той себя, что хочет остаться.

глава 24

— Вот сюда, герцогиня, — портниха отходит в сторону, взглядом предлагая подняться по ступенькам на круглый пьедестал посреди комнаты.

Я подбираю юбки и шаг за шагом, словно на эшафот, иду вверх. Всего-то полметра, но это словно репетиция дороги, с которой уже не свернуть. Дорогой аберский шелк мягко шелестит, складки шепчут с каждым моим шагом: «Еще не поздно, еще можно убежать...»

Куда убежать и главное — зачем?

— Этот цвет вам очень к лицу, — нахваливает портниха. — И фасон... Все при вас.

Знаю, что это — чистый обман. Она трижды перешивала платье, потому что мне не нравилось буквально все. И потому что я надеялась потянуть время. Наивно, непростительно наивно для своих лет, верила, что если начну капризничать, как ребенок, Эван увидит мою незрелость и решит отказаться от своего плана сделать меня герцогиней Росс.

Но... разве это не то, чего я хотела? Первый шаг в сторону Трона Луны? Туда, к тому, что принадлежит мне по праву. Все знают, что великий герцог — первый претендент на трон, а король так слаб, что в последнее время появляется на людях только по большим праздникам, а в его комнату вхожи только лекари да пара близкий советников. Уверена, и те, и другие давным-давно тоже куплены или запуганы Эваном. Этот мужчина как паук — все мы в его паутине, и сейчас я готова поверить даже в то, что и мое возвращение было лишь чередой его последовательных коварных замыслов.

И это не может не восхищать. Потому что Эван — как сумасшедше острый и смертоносный нож. Он не станет хуже от того, что перережет еще одну глотку.

— Великий герцог будет доволен, — говорит портниха, отточенными движениями закладывая складки в идеальный порядок.

Она пятится к двери, раздается тоскливый скрип — и я остаюсь одна. Ветер за огромными витражами носит жидкий снег, серое рванье туч скользит на север, туда, где только мертвая ледяная пустошь. Туда, где в моих снах бродит безликий одиночка. Изо дня в день, каждый мой сон, даже самый короткий и беспокойный — он там. Идет в непроглядной чаще, собственной кровью рисуя путеводную нить. Не знаю, откуда взялся этот сон, но он так невыносимо реален, что, даже проснувшись, я долго не могу согреться, до костей выстуженная местом, где никогда не была.

Дверь скрипит снова, и мне даже не нужно оборачиваться, чтобы узнать пришедшего. Эван имеет удивительное свойство — подавлять всех, кто оказывается рядом. Без единого звука, без слов и оружия.

Великий герцог обходит меня, даже не глядя на платье — сразу цепкий взглядом хватая мой взгляд. Долго смотрит, как будто именно там все недостатки, и как будто портниха повинна не в кривом стежке, а в моем мрачном настроении.

— Тебе нравится? — интересуется совершенно сырым голосом, без капли той страсти, с которой целовал меня на балконе в «Тихом саду».

— Нравится. — И это правда. Как правда и то, что мне бы понравилась и сотня других платьев.

— Маловато радости, не находишь? — Эван берет меня за талию и легко снимает с пьедестала.

— Великий герцог заказывает восторг и восхваления? — Зачем я ерничаю? Чего хочу добиться?

Эван еще несколько секунд смотрит на меня, а потом его плечи начинают подрагивать от смеха. И с каждым миготом — все сильнее, все яростнее, пока грудь не разрывает громогласным хохотом. И я стою, пораженная и стреноженная тем, как он впервые раскрылся: сразу весь, словно каменный цветок, который цветет лишь одно мгновение — и мгновение это прекрасно, оглушительно и неповторимо.

Морщинки вокруг глаз великого герцога становятся чуть глубже, но с лица сползает маска бездушия. Вот же он, где-то там, в собой же свитом коконе из одиночества и пустоты. И я невольно поднимаю руку, чтобы коснуться, запечатлеть кончиками пальцев складку в уголке рта.

И наваждение рассыпается. Нет, оно не исчезает, оно, словно пыль на станке ювелира, обнажает уникальный драгоценный алмаз.

— Рада, что повеселила тебя, — говорю чуть охрипшим голосом, потому что Эван держит меня за запястье и с несвойственной ему нежностью смазанным движением потирается щекой о мою ладонь.

И тут же шаг назад, как будто и не было ничего.

— Я позову служанок. Переодевайся. Жду тебя для прогулки.

Пока меня переодевают, я думаю о том, что снег за окном совсем не способствует прогулкам, но стоит спуститься по лестнице, вынырнуть в снежный полдень, как снег прекращается. словно невидимая рука ловко заштопала прореху в мешке Триединых.

Эван помогает мне сесть верхом и отпускает охрану, которая всегда следует за ним, словно тень. К чему показанная храбрость? Все и так знают, что эти вооруженные до зубов вышколенные всадники — лишь антураж, придаток к его образу, такой же, как и серебряные шпоры.

Мы молча едем по улицам Фрибурга: великий герцог даже не смотрит по сторонам, никак не показывает свою заинтересованность повальным раболепием. Он просто мерно покачивается в седле и лишь изредка поглядывает в мою сторону. Кажется, эта прогулка — его способ показать горожанам их будущую великую герцогиню, имя которой будут проклинать лишь за то, что она — жена великого герцога Росса.

Мы выезжаем за город, лошади мерно вышагивают по снегу. Дальше и дальше, туда, где за конной станцией виднеется тропинка в лес, где Блайт искромсал последнего живого арха.

— Куда мы едем? — спрашиваю, разозленная этим так некстати пришедшим воспоминанием.

— Покажу тебе кое-что, — говорит Эван, не трудясь повернуть головы. — Что-то, что ты должна знать до того, как станешь моей женой.

— Покажешь мне могилы твоих тайных жен, которые слишком много болтали? — наобум шучу я, но короткий тяжелый взгляд подсказывает, что почти попала в яблочко.

И горло сводит непонятной тревогой. Нет, конечно же, никаких тайных жен у Эвана нет и не могло быть, но... Это проклятое «но» терзает меня всю дорогу: по витой тропе в чащу леса, дальше и дальше, через овраг, по поляне — и через древние, поросшие черным мхом каменные развалины.

Эван придерживает коня, спрыгивает и помогает мне спешиться.

Ни слова не говоря, уводит вглубь обледенелых камней, туда, где за стенами прячется незаметная лестница вниз. Спускается первым и поддерживает снизу. Поджигает огнем факелы в держателях.

— Они здесь, Дэш, — говорит глухо и скупно, — можешь попросить благословения.

Ничего не понимаю, пока Эван не делает шаг в сторону, открывая моему взгляду резные каменные плиты на могилах. И сразу душа в осколки. Шаг, шаг и еще один шаг, на негнущихся ногах, со спиной ровной, будто меня прошили колом.

Родители... Здесь, под мраморными плитами, в могилах. Триединые, здесь. Не сожжены изуродованными останками, не развеяны над пустошами. Здесь, рядом. Провожу пальцами по совершенному лику матери, и слезы разбивают старую изморозь. Отец — справа, и каменная борода словно нарочно припорошена пылью точно так, как я помню его редкую седину.

И кажется, что даже пальцам теплее, и словно слышу ласковый голос матери: «Мое сокровище... Моя маленькая черная ворона».

Преклоняю колени, теперь уже рыдая навзрыд. И солеными губами, сбивчиво — нет, не молитву. Слова прощения.

— Простите, простите... — Не могу разобрать собственный отчаянный шепот. — Пожалуйста, простите...

Эван опускается рядом, но не молится: приобнимет мои плечи. И хоть это какое-то невозможно циничное кощунство, я все же благодарна ему за поддержку, потому что именно сейчас из моего тела словно вынули разом все кости. И я беспомощно заваливаюсь набок прямо в уютное тепло крепкого плеча. Эван поднимается, берет меня на руки и выносит наружу, туда, где снова мерно падает снег, и мороз выстуживает горячие, как от лихорадки, щеки.

Нужно время, чтобы осознать случившееся. Время, за которое мое боль превращается в злость. Это химическая реакция души, моя личная алхимия.

— Какой в этом смысл? — говорю с горечью, зачерпывая полную пригоршню снега. Пропускаю между пальцами грязную кашу, и грязная талая вода растекается по линиям на ладони. — Еще раз напомнить мне, что ты всемогущ?

— Я не убивал их, Дэш, — говорит Эван убийственно тихо. Так, что замолкает даже ветер в кронах.

— Это очень плохая попытка обелить свое имя перед будущей женой, — зло бросаю я. — Но спасибо, что похоронил их.

— Дэш! — Эван хватается за плечи и встряхивает так сильно, что голова болтается взад и вперед, и я больно ударяюсь подбородком об обоснование шеи. Во рту вспыхивает отрезвляющий вкус крови. — Поверь мне.

— Ты вытравил нас, словно крысиное гнездо, — злюсь еще больше. Убить его готова, превратить в камень и крошить, крошить, пока не останется ничего, кроме основания. — Твои убийцы преследовали нас по всему миру, я научилась спать так чутко, чтобы даже сквозь сон слышать, как подкрадывается мой палач. И теперь говоришь, что не ты это сделал? Хватит врать, великий герцог Росс, беспощадный бессердечный Эван.

— Почему тогда ты сбежала, ну? — Он так резко убирает руки, что я едва не падаю. — Почему вы с сестрой так запросто жили роскошной жизнью? Почему здесь ты до сих пор жива, даже играя против меня? Пошевели мозгами, Дэш, истина прямо у тебя перед носом.

— Хватит! — рычу я. — Я устала от ваших игр. От твоих и Блайта, кем бы он, демон задери, ни был! Хочешь что-то сказать — говори или умолкни навеки, потому что ты недостойн беречь эту рану. Потому что, если ты еще хоть раз сунешь в нее свои окровавленные руки, я перегрызу из до самых сухожилий, даже если это будет последним, что сделаю в жизни. И даже Зверь Шагарата не вырвет твои кости из моей глотки.

— Зверь Шагарата...

Тембр голоса Эвана меняется, леденеет, взгляд наполняется грозовой дымкой. И вот он снова передо мной: непроницаемый великий герцог Росс, чьи мысли невозможно угадать, а планы — переиграть. И есть что-то злое в этой перемене, что-то невыносимо скребущее по горлу ядовитыми когтями, убивая еще нерожденный, но — я точно это знаю — мой самый правильный и важный вопрос.

— Кто ты? — с кровью в голосе, отчаянно цепляясь в его куртку на груди. — Что ты такое?

— Тот, кто создает.

— Кто ты?! — хрипло, на последнем вздохе, стону я.

— Отец, Мать и Кудесник, — говорит коротко, хлестко полосую сердце правдой. — Триединый.

— Кудесник, — выдыхаю я, когда за спиной моего Эвана распускаются огненные вихры. — Создатель.

И меня забирает благословенная пустота.

глава 25

Даже не знаю, что тяжелее осознать: факт, что все это время я была невозможно слепой или что Эван оказался... Нет, я не в силах повторить это даже в мыслях, иначе мой рассудок снова уйдет в туман.

И все же, первое, что вижу, когда прихожу в себя — моя собственная комната. И Райль, которая сидит у меня в ногах и пытается читать книгу, то и дело бросая на меня встревоженные взгляды. Судя по темным кругам под глазами, сестра провела бессонную ночь.

— Дэш! — Райль срывается с места, подтягивает кресло и садится рядом, обхватывая мою ладонь.

Я чувствую себя такой ничтожно слабой, что даже дышать тяжело. Или это груз новых знаний? Или очередная тайна, которую мне никогда не разгадать без подсказки великодушного Эвана?

— Давно я... — Вопрос тонет в кашле. Кажется, в горло сунули железную щетку для чистки кожи.

— Великий герцог привез тебя вчера, сказал, что тебе нужно отдохнуть, — тараторит сестра.

Впервые вижу ее такой обеспокоенной, как будто она что-то недоговаривает, хоть и знает, что потом, когда правда вскроется, ей крепко влетит за молчание.

— Что случилось? — подталкиваю ее к ответу. — Брось, Райль, я слишком хорошо тебя знаю. Что случилось, пока я валялась в кровати и изображала покойницу?

Райль обкусывает ноготь на большом пальце и морщится. Так сильно морщится, что борозды на ее лбу белеют от натуги.

— Райль, ради Триединых... — Теперь моя очередь выдерживать драматическую паузу. Триединый, будь он неладен. Кудесник. — Просто скажи, что случилось.

Сестра порывисто встает из кресла, теплая шаль сползает с ее плеч и падает на пол темной кляксой дурного предзнаменования. Сестра, конечно, любительница напустить туману, но обычно это сопровождается хитрыми загадками, подначиванием и новостями, которые точно не должны привести меня в ужас. А сейчас она выглядит так, будто никак не может решиться переступить черту, после которой что-то в нашей жизни кардинально изменится.

Если бы я только могла встать, то хорошенько трянула бы ее, потому что хуже неизвестности может быть только затянувшаяся прелюдия к ней.

— Прежде, чем я начну, ты должна знать. — Райль вытягивается в струнку, подбирает губы и делает серьезное лицо. Сейчас она так сильно похожа на мать, что я невольно смаргиваю наваждение. Образ каменного изваяния в тайной крипте все еще слишком свеж в памяти, а вместе с ним и правда, в которую я еще очень нескоро смогу поверить. — Я не хотела, чтобы так случилось. Это произошло так... спонтанно. И до того, как...

— Райль!

— Мы с Ривалем решили пожениться! — на одном дыхании выпаливает сестра. Вдыхает, судорожно втягивая воздух через рот, но, кажется, ей все равно не хватает дыхания для еще одного рывка, потому что следующую фразу Райль говорит очень тихо. — Король скончался сегодня утром.

Шум у меня в голове крепнет и становится сильнее. Слова сестры скачут эфемерными звуками, и как бы я ни старалась их переиначить — ничего не получается. Райль сказала то, что сказала: она и Риваль, наследный принц Абера. Второй после Эвана наследник на престол. Но, как считают многие, да и он сам — первый.

— Дэш, ради Триединых, скажи что-нибудь, — слезливо просит сестра.

Что мне сказать? Что нужно было выслушать ее, когда она пыталась попросить мое благословение на брак? А я вместо того, чтобы быть старшей сестрой, разыграла ревнивую дуру, потому что не хотела услышать имя ее избранника. Боялась, что оно не будет для меня пустым звуком. Хотя, что бы это изменило?

Свешиваю ноги с кровати и отвожу руку сестры, когда она пытается помочь. Просто отталкиваю, словно ядовитую змею, хоть прекрасно осознаю — в случившемся нет ее вины. Но в голове не укладывается, что моя сестра, моя единственная живая кровь, собирается замуж за человека, который — в этом нет сомнений — будет претендовать на престол. А, значит, мы с Райль будем по разные стороны баррикад. И я знаю единственный способ уберечь сестру от гнева великого герцога

Росса, от, чтоб его, Кудесника!

— Исключено, — говорю, окуная ноги в домашние туфли.

— Что? — не понимает сестра.

— Ты не можешь стать женой Риваля. Никогда. Это настолько абсурдно, что даже не стоит обсуждения.

— Дэш... — Никогда в жизни Райль не смотрела на меня вот так: словно я ее ударила до крови. — Что ты такое говоришь?

— Не притворяйся, что не услышала и не поняла. Не может быть и речи о браке между тобой и принцем. Странно, что тебе нужно объяснять такие очевидные вещи.

Наверное, мои слова звучат слишком грубо, хоть я пытаюсь смягчить тон бесстрастными нотками. Райль прижимает ладонь ко рту, словно пытается оградить нас обоих от необдуманных слов. Старый, еще с детства знакомый жест, который всегда предвещал фиаско. И сейчас все то же самое: сестра пытается выждать паузу, но слова все равно рвутся из нее. Обидные, жалиющие укоры, которые оглушают меня камнепадом.

— Я не собираюсь спрашивать твоего разрешения! — выкрикивает она, белея от злости. — Не собираюсь умолять и падать на колени! Мне семнадцать лет, я могу выходить замуж без благословения! Мы с Ривалем все решили и ни ты, ни сумасшедший Эван не сможете встать между нами.

— Ну и когда же вы это решили? До того, как он сказал, что в день, когда Эван объявил меня своей невестой, то же самое собирался сделать и Риваль?

Очевидно, принц не посвятил мою сестру в детали нашего несостоявшегося заговора, потому что, как бы ни пыталась Райль скрыть недоумение, она оказывается совершенно беспомощна перед правдой. Очень жаль, что Риваля нет рядом — я бы с превеликим удовольствием врезала ему как следует. Даже не сомневаюсь, что идиотская затея с замужеством целиком принадлежала ему. И не нужно большого ума, чтобы, сопоставив факты, отыскать единственную причину для такого поступка. Но использовать для своей обиды Райль... Райль, которая слишком юна и наивна, и влюбчива, как нецелованная девчонка.

— Ты просто боишься, — сухим голосом, отгораживаясь от меня и неприятной правды, говорит сестра. — Боишься, что я, а не ты, стану королевой. Еще бы, как же так: Дэш, которая с детства всегда называла себя истиной наследницей Трона Луны, вдруг может оказаться обставленной собственной сестрой. Но, знаешь что...

Я не знаю и не хочу знать и импульсивно, ведомая одними лишь эмоциями, отрезвляю Райль крепкой пощечиной. Сестра хватается за щеку, пятится, и выражение ее лица меняется так стремительно, что я не могу угадать ни одной эмоции. Впервые в жизни понятия не имею, о чем она думает.

— Хватит нести чушь, Райль. Риваль никогда не получит Трон Луны. — Тем более, когда в руках его соперника ключи от всего Мироздания. — Если ты соглашалась на его авантюру в надежде примерить корону, то мне жаль, что в свое время я вступалась за тебя и не давала пороть! Старый герцог был прав: ты ребенок, который может натворить бед по глупости. И когда-нибудь, когда созреешь для трезвого взгляда на жизнь, ты скажешь мне «спасибо».

— Я тебя ненавижу! — кричит Райль и в слезах бросается к двери.

— Шиира, лабиринт! — приказываю я, и верная помощница посылает мне образы слившихся в непроходимой паутине ступенек. — Держи ее под замком и не выпускай из замка даже в Зимний сад. И дай мне знать, если принц появится на горизонте. Устрою ему королевскую встречу.

Но принц не появился. Ни в этот день, ни на следующий. Только вечером прибыл гонец от Эвана и передал письмо, запечатанное королевской печатью. Короткая записка, в которой значилось, что нам, Дэшелле Меррой, герцогине Аберкорн, и Райль Мерроой, маркизе Грей, следует явиться во дворец к полудню следующего дня, чтобы принести присягу верности новому королю Абера — Эвану Анпорту. Сухо, официально, без намека на особенное отношение, которое следует проявлять к своей невесте, без пяти минут жене.

Перечитываю записку несколько раз, пытаюсь найти что-то между строками... и ничего. Только официальный холод, от которого через кончики пальцев коченеет все тело. Рву записку и швыряю ее в огонь, с каким-то диким удовольствием наблюдая за тем, как пламя пожирает написанные твердой рукой строки.

Ни одного теплого слова для меня.

Ни единого намека на то, что я все еще что-то значу в его жизни. В жизни божества, которое создало если и не все Мироздание, то большую его часть. Но для меня он — не божество, не непонятная холодная сущность, которую я не понимаю. Он — мужчина. Красивый мужчина, сильный и жесткий, совершенно непредсказуемый. Тот, которого боюсь до смерти, но без которого тону в какой-то немислимой пустоте. Медленно иду ко дну и даже не пытаюсь дышать, чтобы продлить агонию жизни.

«Что, великий герцог, став королем, можно выбрать другую королеву? Правильно, зачем тебе я, беглянка, отверженная, порицаемая общественным мнением?»

Я не знаю, сколько времени провожу в кабинете, но, когда понимаю, что огонь в камне погас и угли давным-давно остыли, за окнами уже непроглядная ночь. И меня беспокоит вовсе не зверский холод почти потемневшей комнаты, а странный шум за окнами. Такой знакомый звук лязга металла о металл, что по коже бегут мурашки. Выбегаю на лестницу — и Грим сгребает меня в охапку, буквально слетая вниз по ступеням, тесня в сторону кухни.

— Что?.. — хочу спросить я, но верный страж опережает.

— Личная гвардия принца, — говорит зло. — Человек тридцать точно.

Боги всемогущие!

Сглатываю, пытаюсь предугадать, что за нелегкая привела Риваля в мой дом, но не успеваю. Грохот тарана в двери сбивает с мысли, вынуждает вжать голову в плечи. Грим громко и грязно ругается, пытается оттеснить меня дальше, зачем-то рассказывает о черном ходе через подвал, как будто это я гостья в собственном доме. Да мне здесь каждый угол знаком, каждый потайной ход и каждая скрытая дверь.

— Я никуда не уйду! — отчаянно рву руку из хватки Грима, но он держит слишком крепко, и я с трудом сдерживаю слезы, когда кожа на запястье натягивается до предела возможного. — Райль! Он хочет забрать ее!

— Дэш, проснись! — Грим встряхивает меня, словно тряпичную куклу, хоть никогда не позволял себе ничего подобного. — Ему не нужна Райль! Он пришел за тобой, чтобы переиграть твоего драгоценного герцога!

Снова сглатываю, внезапно ослепленная этой мыслью — и новый удар сносит двери с петель.

Риваль входит в мой дом, словно победитель: с двумя обнаженными окровавленными мечами, на кураже от победы, которая досталась за грош. И его головорезы следом: разбегаются по углам черными тараканами, рыщут повсюду, словно что-то ищут.

Грим отодвигает меня себе за спину, готовится держать удар, хоть мы оба знаем, что его мастерства не хватит против тридцати головорезов во главе с Ривалем.

— Дэш, — усмехается принц, делая комичный поклон. — Будущая королева Абера лично вышла засвидетельствовать бедному изгою свое почтение.

— Эван с тебя шкуру спустит, — говорю зло и хлестко.

— Не раньше, чем я отдам тебя своим голодным до королевского тела ребятам.

Его молодчики жидко пересмеиваются, Грим делает шаг вперед, но я кладу ладонь ему на плечо, останавливая. Здесь, в «Тихом саду», в единственном месте, которое я считаю своим домом, кровопролития не будет. Верный страж до скрипа сжимает челюсти, рвется в бой, но я держу его взглядом.

Если бы только мои Мастера успели окрепнуть. Еще хотя бы пару недель. Совсем немного, такая ерунда...

— Правильно, герцогиня, держи своего слабака на поводке, а то я его кишки развешу на люстрах, как гирлянды к празднику.

— Присмотри за Райль, — прошу Грима, но он лишь зло сплевывает. — Поклянись мне, что будешь возле нее! — требуя я — и Грим очень нехотя кивает, продолжая сверлить Риваля взглядом.

Боги, ведь я спасла этого мальчишку, а в ответ получила черную неблагодарность.

«Держи лабиринт, Шиира», — говорю своей верной помощнице.

Я спускаюсь по лестнице и никак не реагирую, когда Риваль сжимает мой локоть, выкручивая так, чтобы я опустилась на колени. Боль такая, словно мои кости вырывают на дыбе, но я только до крови прикусываю губу. Никогда он не увидит моих слез, не услышит мольбы о пощаде. Даже если вырвет руку из плеча.

— Трофей у нас, ребята! — выкрикивает Риваль, и черные тараканы подхватывают триумф громким свистом.

Принц наклоняется ко мне, словно хочет поцеловать, и я пользуюсь моментом, чтобы плюнуть ему в лицо. А пока он приходит в себя от такой наглости, зло смеюсь в самые оторопелые глаза.

— Ах ты сука! — Он замахивается и крепкой оплеухой сносит меня в сторону дверей.

Падаю, лечу по полу и больно ударяюсь головой о дверной косяк. Перед глазами все плывет, мысли путаются, а щека с внутренней стороны кровоточит так сильно, что приходится напиться собственной соленой крови. Пробую встать, но ноги не слушаются, руки обездвиживает судорога. Сзади слышен ляг, стоны, выкрики.

Грим, мой верный Грим...

глава 26

Почти теряю сознание, когда слышу громкий свист. Такой задорный и звонкий, такой знакомый, что невольно улыбаюсь во весь окровавленный рот. Что-то громко кричит Риваль, хватая меня за руку и вытаскивает на улицу, прикрываясь, словно щитом. Все его молодчики, как дурное семя, высыпаются следом.

На улице тихо падает снег, серебро лунного света заливает внутренний двор, где, словно забытые игрушки, лежат тела моих покалеченных охранников. Слава богам, некоторые до сих пор живы и пытаются отползти на безопасное расстояние или помочь тем, кому еще можно помочь.

Но я смотрю туда, в пустоту за распахнутыми воротами. В черноту ночи, откуда раздается пружинистая поступь. Шаг, еще шаг.

— Твою мать, — рычит Риваль, а потом, не сдержавшись, во все горло: — Покажитесь, храбрецы!

Храбрецы? Я нервно смеюсь, но принц хватая меня за волосы и резко, до хрустнувшей шеи, задирает голову назад.

— Издашь еще хоть звук — скормлю тебя своим псам, Дэш. — Он нарочно, издеваясь, почти ласково произносит мое имя.

Шаг. Еще шаг.

Фигура выплывает из объятий ночи, как выходит из морока белое пламя.

Он не боится. Он достаточно безумен, чтобы в одиночку бросить вызов толпе.

Белые волосы шевелятся на несуществующем ветру, только теперь они, кажется, стали еще длиннее. Ноги касаются снега, но не оставляют следов. Руки с клинками свободно висят вдоль тела, только с кончиков морозной стали стекает на землю голубоватое пламя. И под рубашкой горит символ Зверя.

Блайт.

— Еще один твой любовник? — зло мне в ухо шипит Риваль. Хватает за горло и медленно сдавливает, пока его гвардейцы выстраиваются в полукруг, готовые напасть по первой команде.

А Блайт просто идет, расслабленно перекачивает мышцами. Только зрачки, которыми он ловит мой взгляд, горят вертикальными огненными вратами в преисподнюю.

— На что уставился? — выкрикивает принц, продолжая душить меня одной рукой.

Блайт скалится, обнажая крепкие белые клыки и шепотом, от которого даже у меня кровь стынет в жилах, говорит:

— На мясо.

Мне кажется, что Блайт принес с собой стужу. Ее не видно, но она здесь: стоит за его спиной и стелет по снегу прозрачную паутину. Не знаю, как и почему, но я ее вижу: стелется по снегу прозрачными нитями, путает ноги головорезов принца, заползает им под одежду.

Кто-то нападает первым — я не успеваю рассмотреть. Звенят клинки, слышны сдавленные стоны, ор, возня. Рука Риваля исчезает с моей шеи. Жадно глотаю воздух, падая прямо на обжигающе холодные мраморные ступени. Перед глазами все плывет, морозный воздух как отравы в легкие: каждый вдох — и спасение, и мука.

А Блайт... Блайт танцует, легко, как беспокойное пламя на кончике свечи, мечется между противниками, которые отчаянно пытаются сохранить строй и зажать его тесным кольцом. Ледяные клинки зловеще сверкают, рассеивая кровь врагов. И нет в ней ничего красивого, никаких рубиновых капель и прочей романтической чуши. Есть лишь обычная работа мясника, который знает, куда и как ударить, чтобы один раз — и наверняка, прямым пинком на тот свет, прямо под огненный молот.

Я знаю, что он запросто справится с ними. Потому что это — Блайт. Зверь или шагарат, бог или человек, но они все — лишь тени, которые он прожигает своим смертоносным светом. Они бессильны против того, что и есть сама смерть. И все же сердце замирает всякий раз, когда меч рассекает воздух у него над головой или хваткий гвардеец почти попадает в сердце, так гостеприимно распахнутое в ворота простой белой сорочки. Амулет пляшет, рвется с цепи, и

каждая новая смерть словно наполняет его силой.

— Блайт! — Срываюсь на крик, когда один из гвардейцев заходит ему за спину, заносит клинок для удара.

Белое пламя рвется в сторону: неуловимое, беспощадное, непредсказуемое. Неудачник успеваешь лишь вздохнуть — и медленно опадает на колени, булькая окровавленным горлом.

В боине нет ничего красивого, но то, что происходит здесь — это не бойня. Это безупречный, идеальный танец смерти. И я невольно шепчу стылými от мороза губами:

— Теневой танцор... Шагарат.

Больше — не человек. И дело совсем не в том, что он нечеловечески быстр и силен. Я просто знаю — чувствую — что все это время он никогда мне не врал. Что правда была у меня под носом, и нет никаких «особенных вин» для глупой Дэш.

Все заканчивается так же стремительно, как и началось. Блайт мастерской рукой безумного художника наносит на белое полотно снега окровавленные тела-мазки. Они повсюду, и все мертвы. Все тридцать человек — меньше, чем за пару минут. Он дышит немного нервно, скалит зубы и сплевывает кровь. Белая сорочка даже не порвана, и алые пятна на ней — как награда его смертоносному мастерству. Он не глядя хватается за шиворот ближайшего мертвеца, вытирает мечи о рукав, из которого торчит обрубок руки, и идет ко мне. На этот раз шаги тяжело месят бурую подтаявшую кашу.

— Ты в порядке, сладенькая? — говорит, опускаясь передо мной на одно колено, и берет на руки. Он такой холодный, что на груди видна сетка инея, но я моментально согреваюсь.

— Ты пришел, — это все, что могу ответить на его вопрос. — Ты всегда приходишь, когда я впутываюсь в неприятности.

— Потому что убью за тебя, Дэш.

Это звучит слаще, чем объяснение в любви. Это словно обещание быть моим на всю жизнь.

Блайт заходит внутрь, и я слышу стон Снайга, который восстанавливает двери за нашими спинами.

— Какого... — начинает было весь залитый кровью Грим, но замолкает под тяжелым взглядом моего спасителя.

— Уйди, — приказывает Блайт, и мой верный страж безропотно подчиняется, хоть скрип его зубов разносится по всему «Тихому саду». Кажется, теперь не только я вижу метморфозы в его внешности.

Блайт вносит меня в комнату, аккуратно укладывает на постель и бережно кутает в покрывало. Шиира разжигает огонь в камине, и я слышу ее тихое:

«Райль сбежала. Прости, Дэш».

Я вижу лишь отголосок: тень от коня, который уносит двух всадников.

— Принц забрал Райль, — сдавленно выдыхаю я.

— Она так решила, — глядя в огонь, бросает Блайт.

— Она глупая девчонка! — кричу от собственного бессилия. Пытаюсь выбраться из постели, но руки бессильно опадают на покрывало, словно моему кукловоду надоела эта игра. — Блайт, ее еще можно вернуть. Пожалуйста, ты же можешь, пожалуйста...

Он в два шага оказывается рядом: становится на колени на моей кровати, рывком подтягивает меня к себе и запускает руку в волосы, пальцами надавливая на затылок с такой невыносимой нежностью, что в эту минуту я хочу умереть в его руках. Вторая ладонь скользит по моему лицу, стирает слезы — и Блайт облизывает свои мокрые пальцы. Что-то между нами... Не невидимые нити, которыми я намертво привязана к Эвану. Другое. Огромное. Опасное. Обжигающее для моих крыльев. Я знаю, что это ледяное пламя не пощадит и меня, но какая разница, если это будет когда-то потом?

— Райль сделала свой выбор. Хватит, Дэш.

— Она моя сестра, ты не понимаешь. — Собственный голос звучит таким противно слабым, что хочется вернуть время вспять и найти какую-то другую интонацию.

— Она не твоя сестра! — рычит Блайт и все сильнее сжимает мои волосы. — Хватит быть такой слепой, Дэш. Хватит прятать голову в снег.

— Что я такое, Блайт?

Он цепляет меня взглядом словно бестолкового мотылька — и затягивает в огненные расщелины своих глаз, туда, где тени на каменных стенах рисуют смертельную битву. Туда, где последняя ледяная принцесса ведет в бой своих солдат. Туда, где отчаяние сильнее страха смерти. Туда, где среди кровавого месива пляшет сумасшедшее Белое пламя. Туда, где раненный Белый волк бредет по мертвой пустоши к той, которой предназначен.

— Ты пришел, — говорю я, отчаянно сильно, намертво, обнимая его в ответ. Холодный, одинокий. Бесконечно мой. Самый верный. До смерти, до конца.

— Сладенькая герцогиня вспомнила своего Волка, — вымученно улыбается он.

И я отчетливо вижу прошлое, в котором израненный, еле живой хищник врывается в «Тихий сад», рвет в клочья королевских гвардейцев и своей спиной прикрывает наш побег. На белом мехе нет живого места, и я точно так же как сейчас крепко обнимаю громадного зверя за шею и обещаю помнить его всю жизнь.

— Прости, что забыла, — всхлипываю я. — Прости, что так многого до сих пор не знаю и не могу понять.

— Эван сотворил еще одно чудо, — грустно отвечает Блайт, пропуская между пальцами мои темные волосы. — Хренов Кудесник.

Знаю, что нужно расспросить его обо всем, но я устала от слов, которые все равно так мало значат.

— Поцелуй меня, Дэш, — требует Блайт.

Если бы я могла — то вынула сердце из груди и положила ему под ноги. Если бы я могла — то стала бы воздухом, которым он дышит. Но я могу только обнять, сильно-сильно, до боли в руках, до треска ребер вжиматься в его грудь, наплевав на то, что символ Зверя обжигает, клеймя кожу призрачными ожогами.

Я в путах моего великого герцога, но это совсем не то, что чувствую сейчас.

Любовь — это когда до крови, до смерти, до самого конца. Любовь — это бредущий по ледяной пустоши смертельно-раненный путник, который жив лишь потому, что не имеет права умереть, не защитив ту, единственную.

«Великий герцог приехал», — говорит Шиира, подбрасывая мне образы вооруженного до зубов отряда, въезжающего во внутренний двор моего замка.

Блайт горланно рычит и спускает ноги с постели.

— Он почти вовремя, — бросает коротко и отходит от меня, глядя с задумчивой отрешенностью. — Творец пришел забрать свое Творение.

И, кажется, я начинаю понимать, что это значит.

Впервые в жизни я не рада появлению великого герцога. Может прозвучать, как бред умалишенной, но сейчас я четко осознаю, что страх расплзается у меня по венам. Тот, от которого душа в пятки и волосы дыбом. Потому что знаю: дальше все будет иначе. И дверь, за которой уже слышны тяжелые шаги, — последняя черта, грань, отделяющая мое настоящее от моего прошлого.

Эван входит в мою спальню и даже не смотрит на Блайта, как будто точно знает, что он должен быть здесь. Взгляд прикован ко мне, и между бровями пролегла задумчивая морщинка. Серебряный обруч с рубинами лежит на его лбы словно влитой, а на черном камзоле вышита лаконичная серебряная корона.

Я спускаю ноги с постели и пытаюсь — очень неуклюже — опуститься в реверансе. Шатаюсь, чуть не заваливаясь набок, но Эван берет меня за подбородок и заставляет посмотреть ему в глаза. И этот взгляд... Он словно волшебник собирает меня по кусочкам, осколок за осколком, как драгоценную вазу, которую сам же и разбил.

— Ты опоздал, — говорит Эван, рассматривая следы на моем лице.

— Не пошел бы ты, — огрызается Блайт.

Теперь и я чувствую это: напряжение между ними. Что-то тугое, колючее, как соль на коже. Мне хочется спросить, что они друг для друга, но, кажется, сегодняшняя ночь и так будет переполнена откровениями. Возможно, где-то среди них...

— Убирайся вон, — хлестко говорит Эван. Он до сих пор смотрит на мое лицо, ощупывает взглядом кровоподтеки и отметины от хватки принца на моей шее. Мрачнеет, становится похожим на ураган, который посадили на привязь. — Вон! — рывкает так громко, что Шиира в моей голове сокрушено вздыхает.

Блайт бросает на меня тяжелый взгляд, сжимает челюсти — и желваки натягивают белую кожу уродливыми змеями. Он медлит еще мгновение, и я чувствую невесомое поглаживание кончиками пальцев где-то в области сердца. Он словно притронулся ко мне сквозь хлам одежды и плоть. Притронулся — и вышел, громко хлопнув дверью.

Эван снимает перчатку, помогает мне подняться и усаживает на кровать. Мы не разговариваем, мы просто существуем в одной комнате двумя знакомыми незнакомцами. Как будто и ему — божестью — не хочется рушить мое забвение.

— Ты — лучшее, что я создал, — говорит великий герцог, скользя ладонью у меня над волосами. Не прикасается, но мне хочется почувствовать его ладонь, потому что она подарит желанное успокоение.

Это совсем не те чувства, которые будит во мне Блайт. Не буря страстей и не желание раствориться в его глазах. Это что-то глубоко внутри, моя собственная основа основ. Быть покоренной им — это так естественно.

— Я — тот бастард, которого ты ищешь?

Беру его за ладонь и прикладываю к своей щеке. Глаза закрываются сами собой, губы скользят по шероховатой коже.

— Мне незачем искать то, что сам же и спрятал. Все эти сплетни и слухи — лишь ширма, чтобы пустить псов по ложному следу.

— Я просто шахматная фигурка на доске, где ты ведешь свою игру?

Мне не будет больно, даже если он скажет «да». Я раскрываюсь лепесток за лепестком, эмоция за эмоцией. Это все равно, что лететь на свет и видеть там, пока еще неясное, но уже осязаемое предназначение. Сосуд не может обижаться на божеество за то, что оно собирается наполнить его терпким вином своего великого замысла.

Эван поднимается, идет к окну и, помедлив, открывает его. Вдыхает полной грудью морозный воздух и манит меня пальцем. Знаю, что ни сейчас, ни потом, в будущем, где должно случиться что-то ужасное, никогда не смогу сказать ему «нет». Великий герцог берет меня за талию, легко усаживает на подоконник, но даже так мне приходится задирать голову, чтобы заглянуть в его бесконечно синие глаза.

— Мы не вечны, Дэшелла, — печальным голосом говорит он. — Ни я, ни Блайт, ни другие сущности,

о которых тебе, увы, совсем скоро придется узнать. Это игра богов, Дэш, и ты в ней — не пешка. — Он снимает свой обруч и украшает им мою голову. — Ты — моя Ледяная королева. Кровь первых и кровь династии.

— Породистая борзая, — почему-то веселюсь я и даже болтаю ногами, постукивая каблуками о стену.

Это не та радость, которую хочется спрятать в сердце. Это счастье исхлестанной лошади, которую, наконец, расседлали и избавили от шор.

— Породистая королева, — поправляет Эван.

Корона такая тяжелая, что, кажется, стоит мне пошевелиться — и шея просто сломается. Металл обжигает и царапает лоб, как будто живет своей собственной жизнью и вгрызается прямо в кость. Но я знаю, что именно там ей и место. Что я создана ее носить, и что даже если ноша станет непосильной, то и тогда не сломаюсь. Потому что Кудесник не создает подделки.

— Ты не представляешь, чего мне стоило подложить спесивую принцессу под короля, — сетует Эван — и наш разговор немного отгаивает. Он говорит со мной запросто, потому что знает: творение всегда поймет своего творца. — Она чуть не сошла с ума, когда увидела в своей койке не прекрасного принца, а храпящего борова. Но оно того стоило.

— Черные вороны, — снова смеюсь я. — Мы с Ривалем — черные вороны. Потому что, — я подношу к глазам Эвана свои оголенные запястья, — одна кровь.

— Забудь о нем, — требует великий герцог. — Того Риваля, которого ты знала, уже не существует.

Я была готова принять действительность, в которой меня сделали племенной кобылой, и смирилась с ней без лишних слов и детских сожалений. Но мысль о том, что Райль попала в руки «нового» Риваля, рассекает терпение надвое.

— Что значит, «не существует»? Эван!

— Точно так же, как не существует тех, кто когда-то был великим герцогом и твоим ненаглядным Блайтом. Тела — это просто оболочки, кожа, кости, кровь. Вынь душу — и ничего не останется. Эта реальность слишком нестабильна, чтобы выдержать наш истинный облик. Будет очень обидно стать причиной гибели сотворенного собственными руками мира. Так что, как видишь, приходится выкручиваться.

— Я не понимаю, — мотаю головой, и Эван придерживает меня за спину, чтобы не свалилась вниз.

— Твою семью действительно уничтожил Эван. Но все эти годы в бегах, Дэш, не я отравлял твою жизнь тенями наемных убийц. Хотя и сделал так, что ты стала женой старого герцога, получила великолепное образование, научилась хитрить и отточила навыки светской беседы и дипломатии. Жаль, что не только я умею манипулировать человеческими страстями. Силы, с которыми мы сразимся в этой шахматной игре, ничуть не слабее меня, просто все это время они развлекались, уничтожая другие миры и других королей. Постарайся поверить мне на слово, даже если пока не способна увидеть все моими глазами. Это случится, всему свое время. Мое идеальное творение, увы, было спрятано не слишком хорошо, хоть я сделал много гнусностей, чтобы подобрать ему идеальную тайник.

Ему не нужно продолжать, потому что в этот самый момент я «вижу». Я снова «вижу» и кровавую бойню далеко в ледяных равнинах, и Ледяную принцессу, которая ведет в бой своих верных воинов против каменных гигантов, которым не страшны ни стрелы, ни мечи, и даже древняя кровь бессильна против них. И воин, последний из лучших, которого моя мать — теперь я это знаю — отправляет защитить и вернуть ее украденное дитя.

И этот воин — Блайт... но еще не Шагарат.

Я вижу все так ясно, словно была там, собственным телом почувствовала каждую смертельную рану и отравила слух каждым ударом клинка о клинок. Это — лишь малая часть того видения, о котором говорит Эван, но даже сейчас я чувствую, что вряд ли готова уместить в себя все эти знания.

— Риваль больше не тот мальчишка, которому ты подыграла в карты, — печально усмехается Эван. — То, что пришло за тобой — древняя гниль, мерзость тщеславных богов. Такая же марионетка, как мой непослушный Шагарат.

Он — мой создатель, но мне до жгучей боли в ладони хочется вlepить ему пощечину.

— Ты знаешь, что легче не станет, — отмахивается от моих мыслей Эван. — И ты должна привыкать думать так, оценивать свои ресурсы и правильно выбирать союзников. Потому что, моя Ледяная

королева, не ты начала эту игру, но тебе ее заканчивать. И тебе не выиграть без послушных марионеток.

— Блайт...

— Шагарат, — поправляет Эван. — Привыкай называть его так, раз уж он пошел против моего приказа и ввалился в твою жизнь в грязных сапогах.

— Я буду называть его Блайт — и мне плевать, против ты или нет, — упрямлюсь я.

И получаю заслуженную улыбку одобрения.

Теперь я знаю, что это за невидимые нити, которыми мы накрепко привязаны друг к другу. Это веревочки, которыми кукловод руководит своей послушай куклой. И пока они существуют — моя жизнь в безопасности. Но скоро — раньше, чем буду готова — все изменится.

Эван ссаживает меня с окна и с терзаниями во взгляде, совсем как у смертного, поджимает губы, сдерживая поцелуй. Только проводит пальцем по губам, словно способен почувствовать их вкус кожей.

— Ты станешь моей женой, Дэшелла, потому что твое рождение и мое право на трон — законны и неоспоримы. А потом... — Он одергивает руку, словно обжегся об холод. — Потом тебе нужна будет армия, Ледяная королева, новые фигуры на пустые шахматные клетки.

— А ты? — «А Блайт?!» — мысленно выкрикиваю я, и странная горечь жжет горло.

Эван ничего не говорит, только уже в дверях оборачивается, чтобы сухо и официально бросить:

— Жду тебя на коронацию, герцогиня.

Что надеть на коронацию собственного будущего мужа?

Я вцепилась в эту мысль, как за спасительную соломинку, потому что она одна не давала мне окончательно утонуть в знаниях, которыми Кудесник помахал у меня перед носом, как сахарной косточкой. И еще была Райль, которая ускакала в ночь с человеком, который уже и человеком-то ни был. И ее судьба была еще более туманна, чем мое будущее Королевы в чужой шахматной партии.

После часа бесплодных попыток, я выбрала бежевое платье с подкрашенной персиковой соболиной опушкой. Неброское, но благородное, в меру открытое, но не вульгарное. Меня заметят и, вероятнее всего, будут обсуждать все, кому боги пожаловали глаза и язык, но вряд ли всем этим сплетницам будет к чему прицепиться. И Эван будет мной доволен.

— Прямо как репетиция перед свадьбой, — с романтическим волнением говорит моя горничная, укладывая волосы в высокую прическу. — Великий герцог будет так счастлив...

Я сдерживаюсь, чтобы не засмеяться, хоть вряд ли в моем смехе будет так уж много веселья. Скорее уж ода чистой иронии, потому что тот, кому положено радоваться, просто возьмет то, что сам же и создал.

По такому случаю принаряжается даже Грим, хоть после нападения на «Тихий сад» он сам не свой. Никак не может простить себе, что не смог меня защитить, хотя в той ситуации просто чудо, что его самого не убили. Пару раз пытался завести разговор с явным намерением сказать, что не оправдал мое доверие, пока я, наконец, не пресекаю его попытки одним единственным:

— Хватит.

Может поэтому, когда спускаюсь вниз, мой верный страж уже снова собран и настороже.

— Хорошо выглядишь, — кое-как выдавливает скупой комплимент, хоть сегодня я выгляжу лучше, чем «хорошо». Но для Грима даже простая похвала — уже достижение.

На улице нас уже ждет сопровождение: десяток личных гвардейцев Эвана. Еще столько же приехали засветло, чтобы оберегать замок.

Эта поездка — не самая приятная в моей жизни. Возможно, мне только кажется, но все взгляды, на которые я случайно натыкаюсь, скорее злые и настороженные, чем почтительные. И мне даже не за что их осуждать, потому что для них я будущая жена человека, который сеет вокруг террор и страх, и единственный способ добиться их уважения — всадить ему нож в сердце прямо сегодня, в храме, перед всеми приглашенными.

Особая ирония в том, что для коронации Эван выбирает не самый большой храм, в котором до этого короновались все правители Абера. Церемония будет проходить в Обители Кудесника, и только я одна понимаю всю глубину этой насмешки.

Как бы там ни было, я приезжаю вовремя. Храм с витражами, изображающими полотна из «Стослова», забит до отвала. И мое появление вызывает ожидаемый ажиотаж. Нет, никто не шепчет мне в спину и не тычет пальцами. Потому что меня встречает тишина, в которой каждый мой шаг отдается гулким эхом под разрисованным куполом. Я иду, чтобы преклонить колени и получить благословение у служительницы в простых белых одеждах с символом Кудесника на груди — большим бронзовым ключом.

И все же есть один взгляд, который выбивается из общей толпы. Мне даже не нужно поворачивать голову, чтобы увидеть, кому он принадлежит. Тара, дочка Маркиза Лестера, которая когда-то давно безуспешно ухлестывала за принцем, а в последнее время, судя по всему, наметила следующей жертвой великого герцога, потому что я натыкалась на нее везде, где был и он. Неудивительно, что мое появление для нее нежеланно, ведь это может означать только одно: Эван не забыл о своей невесте и не изменил планов на женитьбу, даже с оглядкой на его новый высокий статус.

Становлюсь коленями на подушку в ногах служительницы, склоняю голову и шепчу молитву. Она даже успевает занести надо мной ладонь, чтобы произнести слова благословения... но холодный голос великого герцога ее останавливает.

— Тебе это не нужно, герцогиня, — говорит он, помогая мне встать. — Боги и так присматривают за тобой.

Тембр его голоса, интонация и сотни одновременных вздохов заставляют меня поежиться и высвободиться из хватких пальцев на моем локте.

Занимаю место справа от алтаря и вместе с остальными наблюдаю за скучной церемонией. Хорошо, что Эван не собирается следовать каждой букве и настойчиво предлагает служительницы не тянуть и переходить к самому главному.

Слова помазания звучат непривычно громко, так, что у меня закладывает уши, когда седая женщина читает нараспев одну из молитв «Стослова», держа королевский венец над склоненной головой великого герцога.

Обруч с лунными камнями венчает его голову... и стены вздрагивают от глухого удара.

Грим уже рядом, пытается прикрыть меня собой, хоть не знает от кого. Я осматриваюсь по сторонам, вдруг соображая, что прямо сейчас нужно бежать. Не ждать еще одного знака, а со всех ног нестись к двери, пока не началась паника и давка. Но еще один удар сбивает меня с ног, и на этот раз он безжалостно выбивает витражи. Осколки разлетаются смертоносным дождем, и Грим валит меня на пол, прикрывая своим телом. Он такой тяжелый, что под его весом моя грудь сплющивается — и я даже не могу вдохнуть. От нехватки воздуха за ребрами растекается обжигающая судорога, перед глазами все плывет.

— Грим... — хриплю я, пытаюсь выбраться из-под него, но это все равно, что пробовать освободиться из медвежьего капкана. — Ты меня... душишь...

— Шшшшш... — предупреждает страж и потихоньку откатывается в сторону.

Я знаю, что он бы не стал предупреждать просто так, и что нужно быть потише, но все равно глотаю воздух с жадным громким вдохом.

Шипение над головами заставляет меня напрячься, но я все равно ничего не успеваю сделать: Грим вскакивает на ноги, скрещивает с кем-то клинки, но его удар разрезает пустоту, потому что у его противника нет физической плоти.

Я вздрагиваю, когда понимаю, что что-то темное со всего размаха влетает в грудь Гриму и его, словно тараном, относит к стене, ударяет о камни.

— Дэш... — голос у меня в голове заставляет моргнуть. — Дэш, что такое? Ты всхлипнула.

— Грим? — я с трудом узнаю свой голос в этом испуганном шелесте.

Взгляд мечется к Эвану: служительница уже держит над ним лунный венец, она вот-вот закончит читать слова молитвы.

И по моей коже ползет ледяной озноб, потому что все это только что было.

Потому что я это уже «видела».

Знаю, что это был не просто рожденный усталостью кошмар наяву. Это то видение, о котором говорил Эван. Мой взгляд падает на стену, где я только что «видела» кровавый отпечаток Грима, и мурашки бегут по коже от того, что в моих неопытных руках не только его жизнь, но и жизни всех, кто пришел отдать положенные почести будущему королю Абера.

— Эван! — Голос срывается на крик и отражается эхом от потолка.

Велики герцог поднимает голову, цепко впивается в меня взглядом — и я точно знаю, что ему не нужны никакие слова. Он — мой создатель, он читает прямо у меня в душе и знает каждую мысль до того, как я сама в полной мере ее осознаю.

Над толпой проносится недовольный ропот, но он не задевает ни одного из нас.

— Что случилось, Дэш? — Грим обеспокоенно вертит головой по сторонам и берется за клинок, хоть пускать его в Храме без нужды будет форменным святотатством.

— Будь осторожен, — прошу я, а у самой перед глазами маячат размытые тени. Черные или серые? Они тают, словно дымка, словно сон, который я только что смотрела, хотела запомнить, но теперь неумолимо теряю.

Эван поднимается, отмахивается от служительницы, которая недовольна прерванной церемонией. Он просто распрямляет плечи, встает в полный рост — и я невольно люблюсь смертоносной грацией его движений.

Когда Храм оглушает первый тупой удар, недовольный ропот превращается в приглушенный стон. Это еще не паника, но кое-кто уже пятится к дверям. Все жду, что Эван что-то сделает, переиграет судьбу, воспользуется той подсказкой, то я дала, но он просто стоит и выжидает. Напряжение выдают только чуть-чуть суженные глаза, как будто ему в лицо дует ветер и нет возможности от

него заслониться.

Почему он ничего не делает, если может спасти всех этих людей? Ведь они здесь из-за него, вся эта коронация — откровенный фарс, и ее можно было провести меньшим кругом, а не собирать в этой душной обители всех вельмож и лордов. И разве он не должен видеть больше, чем вижу я? Возможно, задолго до меня? Разве не должен творец заботиться о...

Догадка бьет меня в унисон второму толчку, тому, от которого трещат стены храма и лопаются витражи. Земля уходит у меня из-под ног, но в самый последний момент я все-таки успеваю оттолкнуть от себя Грима. Это не слишком меняет ситуацию, но теперь он стоит иначе, чем я «видела», и хочется верить, что уже сейчас я изменила его судьбу.

Осколки хаотично падают в зал, словно странные семена смерти. Сдавленные стоны и хрипы оглушают, и хочется приложить ладони к ушам. А из выбитых дверей что-то тянется по полу, просачивается в хаос, который пахнет солью и почему-то дымом. Силуэты растекаются по залу, хватают всех, кого попадется, просачиваясь в тела, словно в тряпичные куклы. Сразу несколько скользят ко мне: безликий дым, облаченный в человеческую форму. Цепенею от ужаса, потому что там, где-то внутри полупрозрачных тел, мечутся пылающие сгустки. И я откуда-то знаю, что это — их кровавая жатва, собранные только что человеческие души.

Эван и Грим одновременно заслоняют меня собой. Грим отчаянно бьется, но ни один его удар, даже тот, что попадает точно в цель, не достигает цели. Он словно сражается с воздухом: клинок рассекает незваных гостей, но не встречает сопротивления.

А Эван... Он просто вытягивает руку, и когда безликая тварь пытается к нему приблизиться, хватается ее за горло и сдавливает, словно беспомощное животное. Тень опадает, превращается в бесформенную кляксу и тлеющим пеплом падает на пол. Следующую Эван смахивает со своего пути, и это беспощадно и красиво, потому что от простого движения кистью сразу несколько теней разлетаются в стороны, их сминает потоком воздуха, будто сухие листья. Я знаю, что, пока Эван здесь, ни один волос не упадет с моей головы, но все равно сердце разрывается на части каждый раз, когда на него набрасывается целая свора.

Кровавая церемония длится всего минуту или немногим больше, но, когда все заканчивается, зал похож на поле боя, где схлестнулись две небольшие армии. Я выныриваю из страха, но ноги до сих пор дрожат, потому что никогда раньше не видела ничего подобного. И вряд ли видел кто-нибудь еще. И великий герцог — единственный, кто знает, что здесь произошло. Но он холоден и полностью сосредоточен, обводит взглядом зал и даже не смотрит в мою сторону, когда я на деревянных ногах пробираюсь по залу, чтобы помочь тем, кому еще можно помочь.

Но та мысль, которая так внезапно оборвалась, снова оживает — и я мечусь по залу в поисках хотя бы одной живой души, чтобы опровергнуть этот ужас. Но все напрасно: мертвы все, даже служительница, которая лежит на своем помосте вниз головой с торчащим из спины, осколком витража. И корона до сих пор плотно зажата в сморщенной руке.

— Ты это сделал? — говорю, как будто тихо, но голос все равно срывается на крик. — Ты убил их всех?!

Грим хмурится, прикладывая ладонь к уродливому ожогу на шее, и переводит взгляд с меня на Эвана и обратно. Я знаю, что мой верный страж по первому зову бросится на него с мечом, но мы оба видели то, что видели. Только мы одни. Я не настолько глупа, чтобы не понимать: Грим жив только потому, что он — моя защита и не станет болтать даже под пытками.

— Сделал что? — Эван наклоняется, забирает корону из мертвых пальцев и крутит в руке, словно безделушку.

— Резню.

— Только так и приходят к власти, Дэш, — не отрицает он. — Что ты видишь?

Он лениво обводит рукой «плоды» своего плана, предлагая мне испачкать рот отвратительным предположением.

— Смелее, Дэш, завтра ты станешь королевой, пора переставать бояться пачкаться.

— Все эти люди... — Я сглатываю противный привкус правды. — Лорды, герцоги, графы. У них была власть, да? Слишком много власти.

— Тебе не нужен мой ответ, герцогиня. Мы оба знаем, что цена за корону всегда слишком высока.

Я знаю, что он сделал. Вот так, взмахом руки смахнул с доски пешек, которые могли помешать моему восхождению на трон. Всех тех, кто и сам мог претендовать на корону, тех, кто охотно

ввязался бы в борьбу за Трон луны. А теперь роптать будет некому, потому что все великие рода обезглавлены и сами погрязнут в наследных дрязгах.

— Ты знал, что эти твари придут за тобой и просто разыграл еще один спектакль, — горько усмехаюсь я.

— Конечно, знал, Дэш. Только этим тварям я не по зубам, и пришли они не за мной.

Он так и не кладет корону на голову, держит ее в руке с лентой победителя, которому трофей достался слишком легко, и идет к выбитым дверям. Там, за стенами Храма, уже собралась толпа — и верные гвардейцы Эвана вторгаются внутрь.

Грим вопросительно ждет, когда я приоткрою завесу нашего странного разговора, но я лишь мотаю головой и увожу его на улицу. Ожог на шее верного стража выглядит просто ужасно, и о нем нужно позаботиться.

Эван согласился отложить свадьбу из-за траурных церемоний, но только на один день.

Поэтому на нашей церемонии непривычно тихо, и когда мы с великим герцогом рука об руку поднимаемся по дорожке, устеленной пурпурной с золотой вышивкой, лишь служители, приставленные следить за церемонией, бросают нам под ноги зерно и монетки.

— Они просто люди, — говорит Эван, когда выкрик «шлюха!» из толпы заставляет меня вздрогнуть. — Заблуждение — часть их природы.

Хочу сказать, что это и часть моей природы тоже, но на губах словно лежит печать.

Эван думает, что я не знаю, но мои купцы путешествуют по всему миру и в письмах, которые они пишут, много дурных новостей. Где-то началась война за кусок никому не нужной земли, где нет ничего, кроме старых могил и истлевших в прах костей, где-то пожар уничтожил целый город, а вспышка чумы уничтожила все население до последнего младенца. И что соседние короли, с которыми Абер всегда жил в прочном мире, вдруг стали собирать огромные армии.

Я бы хотела заблуждаться, но не могу.

Никто не восхищается моим поистине королевским нарядом: белым шелком и великолепными кружевами, корсетом, вышитым серебром и осколками бриллиантов, накидкой из серебряного соболя. Моя аккуратная корона с осколками горного хрусталя и голубыми бриллиантами создана, чтобы украшать голову законной королевы Трона Луны, но я себя такой совершенно не чувствую. И хоть сейчас стою больше, чем имущество всех крестьян и фермеров Фрибурга, чувствую себя простой дешевой куклой, которую Кудесник завернул в дорогую обертку прежде, чем положить на алтарь своих замыслов.

Не так я представляла свою свадьбу, тем более я видела ее иной, когда там, в моих теперь уже блеклых детских фантазиях, шла к брачным обетам вместе с великим герцогом Россом.

Деревянными губами повторяю слова вслед за служителем, клянусь перед Триединым — какое лицемере! — что буду любить его и всегда смотреть с ним в одну сторону, всегда буду покорной воле царственного мужа. Слова проходят через меня, как тень, не задевая души. Это просто звуки, которые я должна произнести, чтобы фарс под названием «королевская свадьба», наконец, закончился.

После официальной церемонии мы приезжаем в зал, где накрыт настоящий пир, и музыканты встречают наше появление почти торжественным маршем. К счастью, Эван останавливает их взмахом руки и проводит меня к столу, помогая занять место на красивом кресле, застеленном песчовым покрывалом. Наклоняется, чтобы, едва касаясь губами уха, сказать:

— Хотя бы для вида изобрази подобие счастья.

Смотрю на него — и что-то в груди жжет, словно свеча. Я должна ощущать счастье, потому что в глубине души чувствую — сегодня исполнилась моя мечта. Сегодня случилось то, для чего я была рождена. Или создана? Но это все равно, что радоваться последнему дню перед казнью, пусть он хоть трижды обласкан богами.

— Прости, что-то корона немного жмет, — язвлю я.

— Она подогнана как раз по твоей голове, — тем же тоном отвечает Эван и одной интонацией заставляет посмотреть ему в глаза. — И теперь ты сможешь избавиться от нее только вместе с головой.

— Хватит ее пугать! — рявкает у меня за спиной знакомый голос, и я невольно вздрагиваю, тянусь, чтобы увидеть, что мне не показалось, но Эван удерживает меня за подбородок.

Я так давно не видела его... что почти не удивилась бы, окажись этот голос просто плодом моего воображения. И запах зимней стужи, принесенной им из тех земель, где от прежнего великого народа остались только руины и осколки ледяных статуй.

— Дэшелла теперь моя жена, — напоминает Эван. — И королева Абера. Хватит оберегать ее заветами мамочки.

Напряжение между ними растет, становится таким тугим, что упирается в меня с двух сторон и душит. Я поднимаюсь слишком резко — так, что на миг все взгляды в зале устремляются в нашу сторону.

— Потанцуй со мной, — говорю, сама не зная кому из них.

Но руку протягивает только Эван, и я послушно вкладываю в его ладонь свои пальцы.

Музыка сменяется медленным плачем скрипок, и арфа подхватывает их высоким голосом, когда мы с Эваном выходим в центр площадки. И танец закручивает меня в вихрь, где мелькают удивленные лица, смешиваются люди и картины, цвета роскошных нарядов сливаются в одно яркое слепящее пятно. И единственная постоянная точка в этом пустом хороводе — взгляд Блайта. Тот, в котором снова полыхают вертикальные зрачки лавы. Он просто стоит у стены, навалившись на нее плечом, скрестив руки на груди, словно ему плевать и на Кудесника, и на толпу, которая, конечно же, уже поймала его слишком откровенные разглядывания. И его губы что-то шепчут, но я не могу разобрать ни слова, потому что слишком увлечена мыслями о его поцелуях. И они проедают меня до самого основания, сквозь заслоны морали и вопреки данным только что обетам хранить верность мужу.

Я не хочу вот так... Не хочу идти на супружеское ложе, словно овца на заклятие. И если уж быть королевой, то и глупости совершать по-королевски. Голос стыда не глушит мысли, от которых мне бы следовало краснеть, его совсем нет, потому что голова наполнена лишь собственным беззвучным криком: «не хочу, не хочу, не хочу...»

— Что такое, Дэшелла? — осведомляется Эван, когда я прямо посреди танца пытаюсь сбежать из безопасности его рук. — Корона внезапно стала слишком тяжелой? Шея болит?

— Твои метафоры слишком очевидны, — огрызаюсь я, делая очередное па в такт музыке, хоть сразу после слов Эвана шею в самом деле ломит так сильно, будто несу на темени весь мир.

— Учись держать голову ровно, Дэш. Иначе твоя жизнь будет короче, чем твоя верность.

Я вскидываюсь, потому что точно знаю, о чем он говорит и на что намекает, но музыка понемногу затихает — и Эван оставляет меня одну посреди зала.

Музыка словно нарочно замирает на предпоследнем вздохе, как будто дирижеру отсекли голову одним точным ударом и вести музыкантов стало некому. Все смотрят на меня и чего-то ждут. Чего? Что я закачу скандал? Брошусь за своим королем, которому вдруг оказалась совершенно не нужна?

И там, между колоннами, среди людей идет мой Белый волк, и я ловлю его синий взгляд, такой яркий, что прожигает внутренности и падает в живот выпитым горячим вином с непозволительно переперченными пряностями. Мы ловим друг друга невысказанными словами, движением губ, осторожными шагами в унисон.

«Ты потанцуешь со мной, королева?» — спрашивает темное божество в человеческом облики, и я вижу, как в глазах цвета бездны растекается звенящее напряжение.

Может быть, Блайт и не человек, но сейчас его одолевают те же чувства, что и мою смертную душу. Мы как будто разговариваем на языке, который создали сами для себя, только что, и никто не сможет вторгнуться в наш разговор.

Протягиваю руку, делаю реверанс, присаживаясь ровно настолько, насколько это положено новой королеве Абера, и почти сразу крепкие руки Блайта обхватывают меня за талию, поднимают, чтобы закружить в танце. Я почти не касаюсь ногами пола, полностью отдавшись ему, этому не-человеку, от которого всегда пахнет убийственным холодом.

— Мне плевать, что ты чужая, — говорит Блайт и в очередном круге отклоняет меня назад так, что ему приходится склониться надо мной. Дыхание скользит по коже на шее, и злая ухмылка добавляет пикантности его следующим словам: — Я же обещал, что твоя первая ночь будет моей.

Хочу сказать, что даже он не посмеет совершить такую дерзость, не рискнет украсть невесту у Кудесника, но в лавовых глазах уже есть ответ. Ему все равно, он ничего не боится. И заражает меня своей отвагой.

Мы выскальзываем из зала, держась за руки, и шепот в спину не тревожит ни одного из нас.

«Твоя жизнь будет такой же короткой, как и твоя верность», — словно дикую лошадь, гонят меня его слова.

Ну и пусть.

Мы спускаемся по ступеням прямо перед глазами оторопелой охраны, но Блайт просто смотрит на них — и никто не смеет сказать и слова. Мне хочется спросить, куда подевался король, мой муж, великий герцог, но очевидно, что где бы он ни был, он прекрасно знает, где и с кем закончится моя ночь. Ему плевать? Или это тоже лишь часть его замысла, очередной ход на доске?

— Ты вообще осознаешь, что похищаешь королеву? — смеюсь, когда Блайт усаживает меня на коня.

Он смотрит на меня снизу-вверх, скалится в полный рот — и клыки задевают краешек нижней губы. На бледной коже остаются темные вмятины, и я непроизвольно тянусь, чтобы потрогать их пальцем. Блайт тут же перехватывает мою ладонь и удерживает в воздухе, как будто не может решиться: хочет еще или лучше повременить.

— А ты осознаешь, что это никакое не похищение? — отвечает вопросом на вопрос.

Мы выезжаем галопом: конь рвется с места, словно его гонит злой дух, и ветер за нашими спинами — он не случайный, как и вихрь, который собирается вокруг из мелких снежинок, укрывая нас от посторонних взглядов.

Только когда замок за нашими спинами полностью растворяется в ночном тумане, Блайт придерживает коня, и мы медленно едем по какой-то заброшенной дороге между редкими деревцами и кустарниками, где под листьями, словно кровь, алеют сморщенные зимние ягоды. И я слишком поздно понимаю, что мне совершенно, ни капельки, не холодно. Потому что Блайт прижимает меня к себе одной рукой, и его грудь прижимается к моей спине так крепко, что я слышу каждый ровный удар сердца.

— Ты тоже временно со мной? — спрашиваю то, о чем думаю теперь, кажется, почти постоянно. — Когда вы с Эваном наиграетесь в ваши куличики со смертными, ты тоже исчезнешь?

— Да, — без заминки, даже не пытаюсь придумать временную спасительную ложь, отвечает он. — Ты сама поймешь, что так нужно, и по-другому быть не может.

— Вы же боги, — не понимаю я.

— И мы умираем, потому что в нас больше не верят, — слышу его горькую ухмылку. — Люди давали нам веру, а мы им — свою божественную силу.

— Чудеса? — пытаюсь шутить я, но от этой нелепой шутки во рту вкус пепла.

— Ага, гром среди ясного неба, дождь в пожар. А еще чуму в неурожайный год, потому что иначе люди начнут пожирать сами себя, и начнется хаос. Вот тогда все проклинают Шагарата и славят Триединых, потому что он спасет от моих напастей.

— А на самом деле...

— ... на самом деле, сладенькая герцогиня, все это просто круговорот жизни, и кто-то должен быть козлом отпущения, потому что вы, смертные, обожаете клеймить высшие силы за свои горести.

Тропинка поворачивает за холмик, а за ним, словно в сказке, появляется домик. Под густой белой шапкой крыша изредка «плешивит» темными пятнами серого мха, в окнах горит свет, а дверь чуть-чуть приоткрыта, как будто нас здесь ждут, но я точно знаю, что там, за стенами, нет ни души.

— Хочу королевскую дорожку и лепестки цветов, и дорогое вино, — корчу из себя настоящую королеву.

Блайт берет меня за талию и медленно, убийственно медленно снимает с седла, вынуждая обхватить его за плечи, чтобы не упасть. Придирчиво осматривает мою корону, а потом запросто, будто она из цветной бумаги, снимает и зашвыривает куда-то себе за спину.

— Нет короны — нет королевы, — издевается таким до боли знакомым насмешливым голосом, что хочется закрыть глаза и попросить повторить, снова и снова, пока они не сотрут все другие звуки, не затмят сегодняшний день.

— Я все еще хочу лепестки цветов, — не сдаюсь я.

И этот нахал, даром, что бог, перебрасывает меня через плечо, словно добычу, и поднимается на крыльцо, пинком открывает дверь.

Внутри пахнет весенними травами, словно мы на скошенном лугу — и голова кружится от хмельной свежести, разбавленной нотами ежевичного вина и сладостей, и еще едва уловимой горчинки горящих в камине дров. Блайт ставит меня на ноги, улыбается от уха до уха, выжидая, когда я упаду к его ногам, покоренная предусмотрительностью и тем, что все здесь сделано по моему вкусу и так, как я люблю. А я обхожу его по широкой дуге, иду через полутемную комнату, нарочно задевая рукой прикрепленные к потолку метелки с душистыми травами. Беру ту, что висит ниже остальные и, присев у камина, кладу ее на дрова. Огонь жадно съедает подношение и выдыхает невидимым дымом, в котором ноты ромашки играют с горечью полыни и терпкой нотой васильков.

— Ты знал, что так будет? — спрашиваю, чтобы немного разбавить напряжение. Руки и ноги

дрожат, зуб на зуб не попадает, потому что знаю — дальше будет дорога в неизвестность, потому что мы проехали лишь часть пути. — Почему у меня такое чувство, что я просто делаю то, что мне приказывают? Не слышу и не вижу кукловода, но послушно исполняю его прихоти?

— Есть лишь один способ это проверить, сладенькая. — Даже в такую минуту Блайт до конца верен себе: дразнит, затягивает в свои глаза, словно в омут, и подталкивает делать глупости.

— Какой? — Я знаю, что он скажет, но мы ведь просто играем. Совершаем наш привычный ритуал пикировки словами, разминаемся, как два дуэлянта, кружа друг против друга и обмениваясь ленивыми подразнивающими ударами.

— Сделать то, что хочется тебе, — подсказывает он, выразительно нажимая на последнее слово.

Я встаю, отряхиваю несуществующую пыль со своего дорого платья и чувствую себя... так странно. Словно я лампа для благовоний, и внутри меня зажгли свечу, которая подогревает сладкое масло. Мне горячо. Жар растекается под кожей дурманящей дымкой и хочется содрать с себя все до последнего клочка одежды вместе с кожей, чтобы хоть тогда увидеть и узнать себя настоящую.

— Королевы не имеют роскоши делать, что вздумается, — говорю тихо и медленно, как механическая игрушка на последнем витке колеса, поворачиваюсь, подставляя спину.

— Это «дорожка терпения» или «тропа в безумие»? — вслух размышляет Блайт, когда берется пальцами за верхнюю пуговицу.

Их там ровно шестьдесят девять: от затылка до талии.

— Это шестьдесят девять шагов, чтобы одуматься и повернуть назад, — отвечаю я.

Блайт хмыкает, и мне даже кажется, что он все-таки передумал: напоследок гладит линию роста волос, трогает холодными пальцами воротник — и через секунду меня оглушает треск ткани — и платье, словно шелуха с проклюнувшегося побега, падает к моим ногам. Я беззвучно охаю, пытаюсь прикрыться руками, потому что под свадебным нарядом у меня только тонкие кружева белья, которое ничего не скрывает, а наоборот — бесстыдно оголяет.

— Терпение — не мой конек, сладенькая герцогиня. А теперь перестань делать вид, что меня не существует и повернись. Уверяю, для первого раза брать тебя на коленях будет слишком грубо даже для такого засранца, как я.

И я послушно поворачиваюсь. Жадно ощупываю взглядом его кожу, когда Блайт заводит руки за голову и стягивает рубашку. Белая, словно покрыта тонкой паутиной невидимого иinea. Его волосы взъерошены, взгляд становится темным, грозовым, как небо перед бурей. И лавовые зрочки растягиваются в пропасти, куда я хочу окунуться с головой, даже если после этого вся моя жизнь круто изменится.

Я послушно убираю руки от груди перекидываю ладони ему на плечи, и этот стервец жмурится, как будто именно этого и желал. Может быть, я тоже часть его замысла? Пешка на доске их с Кудесником странной игры. Кто-то вроде шпиона, который еще не знает, что уже предал.

— Что с нами будет? — спрашиваю, когда Блайт берет меня на руки и несет в постель.

— Не все ли равно?

Его слова тонут в поцелуе, которым Блайт ставит жирную точку в поединке. Наверное, мы могли бы до утра дразнить друг друга, обмениваться колкостями и подливать масла в огонь страсти, но мы делаем это, кажется, всю жизнь с рождения и устали от поединка, в котором давно забыли о правилах.

— Балдахин? — Я словно падаю вверх, в расшитый серебром звездный шелк цвета закатного неба, когда синева приобретает самый демонический свой оттенок.

— Звучит так, будто ты надеялась на стог сена.

Блайт нависает надо мной, и улыбка больше не касается его взгляда, только губ, которые я с наслаждением поглаживаю пальцами. В нем все совершенно, полностью, до кончиков волос безупречно, и я схожу с ума от того, что в эту ночь он будет моим. Именно так: не я стану принадлежать ему, потому что мы оба знаем — он давно и безраздельно мной владеет. Но сегодня он весь мой, добровольно, потому что даже божественной силы не было достаточно, чтобы устоять перед искушением и соблазном.

— Это же так романтично, — уже без улыбки отвечаю я, потому что он перекачивается на локоть и свободной рукой жадно скользит вверх по моей ноге, хватая бедро с видом собственника и

заставляет вздрогнуть от холодных ожогов на коже в том месте, где в нее впечатываются его пальцы. — Так... по-человечески.

— Если ты считаешь, что сухая слюма в заднице — это предел романтики, то у меня для тебя скверные новости, сладенькая. И ради богов и демонов Нижнего мира — замолчи, королевское высочество, иначе я решу, что твой хорошенький рот напрашивается на такие бесстыдства, о которых я бы с огромной радостью рассказал маленькой вздорной девственнице.

глава 30

Его рука скользит выше, до того места, где сходятся мои ноги, прикрытого только кусочком карамельного шелка и кружевами ручной работы. И еще там, кажется, вышивка золотом, потому что меня готовили к первой брачной ночи с королем. Хочется смеяться и плакать, потому что только сейчас я чувствую себя настоящей. Игры, власть, хитрость, обман и даже Трону Луны — это вещи из другого мира, из которого мы с Блайтом вырвались, словно узники.

И «завтра» — размытое, туманное и полностью невидимое. Что там будет — смерть за супружескую измену или молчаливый укор? Какая разница?

Я выгибаюсь, запрокидываю голову, когда губы Блайта скользят по моей шее. Его спина под моими пальцами — каменная, напряженная до твердости редкого белого мрамора. Но я с ненормальной радостью полосую ее ногтями, когда он вгрызается мне в шею, запуская клыки под кожу, словно монстр из детских страшных сказок, который подчиняет себе и дает силу, взамен питаюсь кровью жертвы.

— Ты на вкус как блаженство, сладенькая, — раздается не из его горла, а будто прямо из сердца. — Изысканный напиток, персонально для меня. Нужно бы похвалить Кудесника, что постарался на славу. Жаль, у нас уже не будет для этого времени.

Что-то во мне слабо протестует, почему-то хватается за эту фразу, словно он сказал абракадабру, которую я непременно должна растолковать. И я пытаюсь поймать эту странность, но Блайт отрывается от меня и снова гипнотизирует взглядом. Кровь тягучими алыми каплями медленно стекает по его губам, подбородку и теплыми шлепками падает мне на кожу.

— Страшно, сладенькая? — Его голос рокошет, словно далекий гром.

Да, мне вдруг становится очень страшно, но это страх летящей на огонь бабочки. Это все равно что бояться жить, потому что судьба обязательно подставит подножку если не за этим углом, то за следующим точно.

— Ты меня одурманиваешь, как любовное зелье, — шепчет он и целует меня в губы, вталкивая мне в рот соленую со вкусом серебра влагу.

— Это какой-то ритуал? — высказываю смутную догадку, практически падая в свою персональную бездну.

Блайт только загадочно дергает бровью и снова меня целует. Подбирает языком с кожи пролитые рубиновые капли, как зверь, который из последних сил сдерживается, чтобы не разорвать несчастную жертву. И я ничего, совсем ничего не хочу делать, потому что сопротивление бессмысленно и бесполезно.

Его губы смыкаются у меня на сосках, втягивают в горячий рот, доводят до иступления, до гортанного стога. Я практически раздавлена тяжестью его тела, но, когда он становится на колени, протестующе катаю головой по подушке, тянусь руками, как сирена к жертве, которую манила сладкой песней на смертельные рифы. Блайт вытирает рот ладонью и алчно слизывает алый мазок, посасывает большой палец, взглядом заставляя бесстыже распахнуть перед ним ноги, словно блудницу. И его ладонь уже там: поглаживает, раскрывает. Палец надавливает между ног, заставляя шелковый полог разбрызгивать звезды.

Второй рукой хватается меня за бедро и чуть не силой вдавливают в матрас, потому что я больше не властна над своим телом.

— Я выпью тебя, как хмельное лунное вино, — обещает Блайт и вдруг хватается меня за ноги, рывком подтягивает к себе, раскрывает, будто чашу.

— Прекрати, — пробую сопротивляться я, но лишь до тех пор, пока он не прикасается ко мне языком.

И меня вышвыривает туда, где нет ни неба, ни звезд, ни облаков. Только странные вспышки цвета болезненно-яркой голубизны. Он такой жадный, ненасытный, и его язык творит такие вещи, что скромница во мне просто падает в обморок, уступая место той, другой, которая бессовестно комкает в кулаках простыню и просит не останавливаться. Он лишь приколачивает меня взглядом, улыбаясь так, будто достал запретный плод и на правах победителя собирается смаковать его медленно, всю ночь.

Он слизывает с меня все: кровь, желание, страх, остатки благоразумия, которые гаснут в моем

сумасшедшем стоне. Удовольствие хлещет раскаленной плеткой, стегает, заставляет сердце вырываться из клетки ребер. И Блайт даже не скрывает, что пробует каждый мой стон, глотает крик, а когда я бьюсь в безумном сладком огне, царапает клыками нежную кожу.

Кажется, даже боги не придумали слов, которыми можно выразить то, что я чувствую. Полет без крыльев, на удачу, прямо над ледяными пиками. И я со всего размаху насаживаюсь на них грудью, как бумажный змей истекаю кровью и верой и хочу только одного — растянуть агонию на века.

— Ты моя, сладенькая, — шепчет Блайт, утягивая меня в порочную глубину своих глаз.

Как будто это не просто слова, как будто это волшебное заклинание, после которого на мне навечно останутся его метки. Сохранятся клейма поцелуев по всей коже, и даже в том месте, где меня поглаживает его взгляд, останутся невидимые рисунки. — Никто и никогда не будет владеть тобой, даже если моря станут солью, а снега растают и погребут под собой половину материка.

Он дает мне отдышаться, но я не пытаюсь раздумывать над его словами. Качаюсь по кровати, словно кошка, лишь изредка поглядывая, как Блайт наливает вино в серебряный кубок и делает несколько глотков. А потом сама тянусь к нему, но не смею даже прикоснуться. Просто прижимаюсь губами к его рту и вытягиваю последний глоток вина, который он не успел проглотить. Наверное, так ведут себя падшие женщины из борделей, когда отравлены сладким дымом забвения. Ни стыда, ни мыслей о последствиях, я отравлена своим Белым волком и послушна его воле.

Он притягивает меня к себе грудь к груди, наши сердца бьются часто и хаотично, словно влюбленные птицы в разных клетках бросаются грудками на острые прутья, наплевав на боль и последствия. И мне начинает казаться, что у нас с ним — одно сердце, просто странно разделенное на две части, по воле Кудесника вложенное в две разных груди. Или это просто моя пьяная фантазия?

Блайт вдруг чуть отклоняет голову: светлые волосы сползают набок, оголяя шею с тугой артерией, по которой струится то, что для меня жизненно важно, то, без чего я умру. Это больше, чем безумие моей странной любви, это... как будто часть чего-то большего, обязательная нота в мелодии, которую я не слышу. Мы оба знаем, что я должна это сделать, но мне не хватает смелости, поэтому Блайт прижимает мою голову к себе, надавливая на челюсть, заставляя открыть рот. Его кожа под моим языком вкуса первого снега и ледяной бури, метели в самую темную ночь. Я мгновенно коченею и, чтобы не упасть замертво, сжимаю зубы до хруста за ушами. Плоть Блайта так податливо вскрывается, впуская в рот капельки его личного вкуса. Я такая жадная до него, ненасытная и голодная, а на вкус он — словно самый изысканный обжигающе горький яд. Но я глотаю все до капли и раскидываю руки, падая. Мой полет длиною в бесконечность, и ветер свистит в ушах, но Блайт ловит меня. Переворачивает и усаживает на себя.

Мы оба в крови, пьяные от любви, от одной на двоих боли, спутанные нитями судьбы.

— Мое Совершенство, — дразнит он.

И я подхватываю слова, словно заклинание:

— Твоя, всегда твоя, до самой смерти твоя...

Голова все еще кружится, и слабость в коленях мешает контролировать свои движения, но я сажусь на него так развратно, как только могу. Упираюсь ладонями в живот, а Блайт тянется навстречу: приподнимается на локтях, тянется языком к моей груди, прикусывает соски и тут же облизывает их. Я бы умерла и улетела вновь, продолжи он то же самое, но мы оба хотим большего.

Я обхватываю его двум ладонями. Блайт громко и протяжно стонет, закусывает губы, а я зачарованно слежу за тем, как под белой кожей проступают темные вены, как в щелках глаз растекается лавовое марево.

— Прошу... — умоляет он, бесконтрольно толкаясь бедрами мне навстречу.

До этой минуты он контролировал все, каждый мой вздох и каждое свое движение, но теперь вся власть в моих руках.

— Посмотри на меня, — требую я, удивляясь собственной смелости.

Блайт лишь на немного приоткрывает глаза, но этого достаточно. Я хватаюсь за его взгляд и медленно опускаюсь бедрами. Замираю, прикусив губу от боли, которая разрезает меня на части. Хочу сделать паузу, но Блайт тянет на себя, насаживает до самого основания. И в этой боли мы соединяемся в одно целое, становимся чем-то большим, чем два человека, соединенные любовью и этой странной ночью.

И он толкается снова, наперекор моим попыткам задержать мгновение, дать своему телу

привыкнуть. Покоряет, превращает в свою собственность, в добычу, которая сдалась без боя. Просто врывается в меня резкими толчками нетерпения. И в конце концов, не остается ничего, кроме моих криков и его хриплых стонов, воздуха, пахнущего солью крови и звуков влажной страсти. Но и это в конечном счете разбивается вдребезги, когда я заканчиваю эту песню самой высокой нотой.

И падаю в объятия Блайта, раскаленная, как само солнце.

глава 31

Меня будит собственный крик и детский плач. Вскидываюсь на постели, прикрываю глаза от тусклого света лампы и начинаю судорожно искать виновника моего кошмара. В ушах до сих пор стоит детский крик, такой громкий, словно несчастного младенца мучают, растягивают на дыбе или варят живьем.

Лишь спустя какое-то время понимаю, что это был просто кошмар. И что постель, в которой я совершенно точно уснула в объятиях Блайта, теперь совершенно пуста и остыла, и от него не осталось даже следа на подушке. Опускаю ноги, вздрагиваю от холода, который ударяется в босые ступни. Блайта нигде нет, но дверь на улицу немного приоткрыта, и я вижу в проеме тень, которая замерла на свежем снегу. Набрасываю на себя покрывало, с трудом нахожу свою обувь и выскальзываю наружу.

Тихо падает снег, но вокруг нас стоит плотная завеса метели. Мы словно в коконе самой зимы, надежно спрятаны в ее холодных стенах от внешнего мира и случайных путников. Блайт в одних штанах, стоит спиной, и я почему-то замечаю, что под подошвами его тяжелых ботинок снег не приминается.

— Было очень... грустно просыпаться одной, — говорю тихо, но здесь нет ни звука, поэтому он непременно услышит мои слова.

Блайт даже не поворачивается, лишь чуть напряженные мышцы спины дают понять, что он знает обо мне. Он поднимает руки, скользит пальцем по пустоте перед собой, и вслед за его пальцем воздух прожигают алые нити, сплетающиеся в хитрый узор.

— Что ты делаешь?

— Тебе лучше уйти сейчас, сладенькая, — говори Блайт, все так же не поворачивая головы. — Садись на коня и возвращайся к мужу.

Что? Я сглатываю эту грубость, пытаюсь найти ей оправдание, но ничего не получается. Что произошло за то небольшое время, пока я спала? Судя по звездам, вряд ли больше часа. Поджимаю губы и, наплевав на инстинкт самосохранения, иду к Блайту. Снег скрипит под сапогами, выдавая мои шаги. Кладу ладонь Блайту на плечо, но он почти нервно ее сбрасывает и теперь уже с откровенной угрозой рычит:

— Я же сказал, чтобы ты уходила, герцогиня!

— Блайт, что, демон задери, произошло?! — срываюсь я. Обиженная женщина во мне закрывает лицо ладонями, пряча стыд. Неужели я была настолько неуклюжей? Настолько беспомощной? Все дело в том, что у меня не было опыта — и теперь он сожалеет? — Прошу тебя, скажи, что я сделала не так.

Мне кажется, он собирается ответить: поднимает плечи, словно набирает побольше воздуха и смелости перед тем, как оглушить меня неприятной правдой. Но другой голос, вкрадчивый и тихий, почти приятно ласкающий слух, нахально вторгается в наш разговор.

— Он просто трус, Дэшелла.

Резко поворачиваюсь. Кто здесь? Судя по голосу, он должен быть совсем рядом, но поблизости совсем никого. Я на всякий случай щипаю себя за руку, но это совершенно точно не сон во сне, который я могла принять за реальность.

— Блайт, ради богов, скажи, что происходит, — теперь уже испугано бормочу я.

И вдруг чувствую, как он хватает меня за плечи и пытается затолкать обратно в дом. Пытается, но невидимая рука мешает его намерениям: его словно берут за шиворот и тянут назад, по снегу, несмотря на яростные сопротивления. Я присматриваюсь и замечаю следы на снегу. Широкий тяжелый шаг явно крупного человека. И от этого у меня мурашки бегут по коже, даже если я пытаюсь доказать себе, что это просто от холода и неведения.

— Мне жаль, Дэшелла, но ты, хоть и идеальное творение Кудесника, всего лишь смертная женщина, — говорит невидимый голос.

— А ты трус, раз боишься показаться перед простой смертной, — огрызаюсь я.

Нельзя. Нельзя! Я даже не знаю, что оно такое, но Блайт бы ни за что не позволил лишь бы кому таскать себя за шиворот, словно щенка. Одного этого достаточно, чтобы сбежать, если еще не

поздно, но ослиное упрямство заставляет стоять на месте. Я больше не герцогиня, я — законная королева Абера, наследница Трона луны, кровь древних королей, кровь первых людей. В моей крови лед, а не вода, и предкам, даже если я их не знаю, не будет стыдно за меня перед богами.

Блайт пытается вывернуться, но невидимка тянет вверх, так высоко, что его ноги болтаются в полуметре над землей. Встряхивает — и мне кажется, что я вдруг прозреваю. Как будто все это время смотрела через мутное стекло, видела другого человека. Не того, который все время дразнил меня, и точно не того, которого целовала в своей постели. И эта ночь...

— Это опять какой-то обман? — догадываюсь я. Просто потому, что в последнее время вокруг меня нет ничего настоящего. Мир рассыпается, разваливается, как старая метла, буквально на глазах теряя прутья. Еще совсем немного — и дыры станут такими огромными, что истина прорвется наружу и разрушит абсолютно все, что я знала и во что верила.

— Мне нравится, что быстро ты учишься, Дэшелла, но, увы, Кудесника ты все равно не спасешь, равно как и этот мир.

Невидимая рука еще раз встряхивает Блайта — и тот буквально на глазах съеживается, словно из него выкачивают всю жизнь. Тело быстро обмякает, становится невыносимо бледным, худым, щеки неестественно вываливаются внутрь.

И одновременно с этим преобразованием невидимка, наконец, обретает черты.

Я вздыхаю. Слишком громко, совершенно непозволительно громко, поэтому его губы трогает ленивая самодовольная улыбка. Он высокий. Он очень высокий, метра два точно. Короткие темные волосы, из которых торчат тяжелые, темные, словно из обсидиана, рога, серая кожа и взгляд с вертикальными, похожими на провалы лавы, зрачками.

— Ты... Все это время в нем... был ты?

— Я и есть «он», — поясняет этот человек. Хотя нет, конечно, не человек. — Люблю убивать богов, знаешь ли, особенно когда жизнь становится невыносимо скучной — и вы, люди, перестаете воевать, устраивать кровавые ритуалы и приносить в жертву младенцев в только что освежаванных шкурах ягнят.

— Ты — один из тех, кто убивает миры ради забавы? — вспоминаю слова Эвана. — Кто просто так устраивает войны, стравливает людей, бьет их лбами друг о друга?

— Я рад, что маленькая марионетка Кудесника обо мне слышала, — театрально раскланивается он.

И мышцы так туго натягивают простую полотняную рубашку, что я снова непроизвольно вздыхаю. Он слишком... невозможный. Глаза Блайта, его когти, его клыки, но на совершенно другом лице. На лице, с которого хочется сделать слепок. На голове, которую хочется отрубить и спрятать в банку с раствором, чтобы большее никто и никогда не видел, как он улыбается.

Боги, да что это?

Он идет на меня: вразвалку, как победитель к беспомощной жертве. Темный плащ развивается сзади словно крылья ворона, хлопает на несуществующем ветру. В каждом движении — сила и страх, от которого хочется сбежать на край света, укрыться за непроходимыми скалами, но я продолжаю стоять. Лучше пусть прихлопнет, как комара, чем увидит мою слабость.

Его аура давит ужасом, всеми самыми страшными кошмарами, бедами, плачем тысяч матерей и жен, которые не дождутся с войны своих сыновей и мужей. Но при этом он буквально притягивает к себе, манит слепящим светом огненных глаз, за которым нет ничего, только медленная и мучительная смерть.

— Ты не убегаешь, — немного удивленно констатирует он. Взглядом заставляет меня поднять подбородок, но готова поклясться, что чувствую на своей коже его пальцы. — Все убегают, а ты не убегаешь.

— Я не все, — нахожу в себе силы огрызнуться и все время, словно заводная игрушка, мысленно повторяю: «Я — королева, я — королева».

Он ухмыляется и все-таки кладет пальцы мне скулы, немного сжимает — и когти до крови царапают кожу, но я не прошу пощады, лишь закусываю губу, чтобы не поддаться слабости.

— Прежде, чем мы начнем, Дэш, хочу сказать, что эта ночь с тобой была совершенно особенной. Но все, что ты чувствуешь к нему, — он кивает себе на спину, где от прежнего Блайта уже почти ничего не осталось, — это просто мой обман. Кудесник внушал тебе любовь создателя, что-то, как он любит говорить, «высокодуховное и неземное». Я же — похоть, страсть и прочую сопливую ересь,

на которую падки все без исключения женщины.

Я понимаю, о чем он говорит, и правда меня освобождает.

Все так просто и очевидно, что хочется вернуться в прошлое и врезать себе как следует за то, что не видела дальше собственного носа. Я всегда боготворила Эвана. Что бы он ни делал, всегда смотрела на него, как на небожителя. А Блайт... Он просто увлек меня собой: быстро, словно точно знал, чего мне хотелось от мужчины. Я хотела страсти — он давал мне страсти, а когда мне хотелось нежности — он был самым очаровательным мерзавцем на свете.

— Мне жаль, Дэшелла, но даже королевы — всего лишь пешки в играх высших сил, — без тени озвученного сожаления говорит он.

— Мне и дальше звать тебя Блайтом? — глядя ему в глаза, спрашиваю я.

— Нет уж, хватит с меня этой клоунады, — морщится он. А потом наклоняется к моему лицу и, улыбаясь так, что на кончиках крепких клыков отражается блик луны, говорит: — Йон, Король Тени, Черная кровь и просто Маска.

— Потому что умеешь хорошо прикидываться кем-то другим?

— Как видишь, — он разводит руками, даже не скрывая, что эта ночь — ночь его триумфа. — У меня за плечами сотни лет практики, Дэшелла, не принимай на свой счет. Даже Кудесник не разгадал, а ему-то с его интригами теперь самое время самоустраняться и отдать этот мир мне на съедение. Я уже все равно его обыграл.

— Мне ты это зачем говоришь, Йон?

Даже его имя на языке вибрирует чем-то горько-сладким, и я прикусываю щеку изнутри, чтобы вытравить из себя эту заразу вкусом собственной крови.

— Да мне просто скучно, Дэшелла, — не юлит он. Каким-то очень уж человеческим жестом ерошит волосы и добавляет: — С вами, людьми, все так примитивно, без огонька. Но ты была забавной.

— Рада, что скрасила твои серые будни.

— Огрызайся сколько влезет, Дэшелла, ведь это единственное, что у тебя остается.

— Ну раз уж я тебя повеселила, то, может, и ты меня развлечешь?

Йон поворачивается, стаскивает с плеч плащ — и тот, не успев упасть к его ногам, разлетается каркающей стаей воронья с горящими красными глазами. Они кружат над нами, словно туча, а потом разлетаются в разные стороны. И я почему-то знаю, что это — не просто вороны, а его шпионы, часть той чудовищной армии, о которой рассказывал Эван.

— Хочешь знать правду? — догадывается Йон. — Эван такой скупой, да? Всегда обо всем молчит, говорит загадками, наводит туман и темнит. Знаешь, почему? Потому что не верит людям. Даже тебе, хоть сам же тебя и создал. Думает, что вы испугаетесь, сбежите от ответственности. Думает, ваши человеческие умишки не способны осознать замысли Высших сил, и вы просто сойдете с ума. И знаешь, — Йон разводит руки, — он прав.

— Вряд ли мне стоит бояться безумия... сейчас, — наживаю на последнее слово. — А раз уж ты все равно празднуешь победу, то может расскажешь, что происходит, чтоб вас все демоны задрали?!

Моя злость явно его забавляет, потому что Йон улыбается еще шире. Он раздумывает какое-то время, а тишина вокруг такая безупречная, что я слышу, кажется, шорох каждой упавшей снежинки.

— Ну хорошо, Дэшелла, я все тебе расскажу, а ты постарайся все же не сойти с ума. И так, с чего же начать... — Он морщит лоб, словно от тяжких раздумий, а потом начинает. — Мы давно воюем друг с другом, Дэшелла. Темное и Светлое, Созидание и Разрушение, Жизнь и Смерть. И я, как ты понимаешь, играю за плохих парней. Не всем, знаешь ли, нравится создавать миры и населять их всякими скучными паразитами, вроде вас, людей. Некоторым по душе жечь, уничтожать и просто развлекаться, пока смертные режут друг друга за клочок плодородной земли. Так было давно, задолго до тебя. Задолго до того, как вы, люди, эволюционировали. Кудесник и его марионетки создают миры, культивируют, как заскорузлый фермер, а я со своими тенями их разрушаю. Что-то вроде круговорота жизни и все такое. Бывает, перевес на его стороне, бывает — на моей. Но, как ты понимаешь, ни один из нас не будет достаточно могущественным, пока живет другой. Мы как два быка на мосту — не разойдемся, пока один из нас жив. Кудесник черпает силу из молитв и поклонения, из похвалы, которую ему возносят, из веры во всех его паршивых друзей-божков. Как вот тот, — Йон снова кивает себе за спину. — А я просто беру то, что никогда не дают, но чего

всегда в избытке.

— Боль и страдание, — догадываюсь я.

— Именно так, Дэшелла. Детские слезы, сопли, ужас, агония, печаль, ненависть, алчность... — Он распяляется, и теперь его зрачки сверкают двумя зловещими маяками. — Так уж получилось, что вы, смертные, и не засмеетесь, пока вас не рассмешить, зато запросто убьете соседа, если заподозрите, что он ворует яйца из вашего курятника. Примитивщина, честно говоря. Но я отклонился от темы, прости. И так, теперь ты в общих чертах понимаешь, что мы тут вроде как воюем. Не за землю, а за право сделать вашу жизнь чудесно-счастливой или невыносимо-ужасной. Только Кудесник так увлекся, делая вас умными и образованными, что его детишки перестали в него верить. Храмов все меньше, молитвы все тише. Это все равно, что воевать с голой задницей, Дэшелла, поэтому твой обожаемый творец решил... схитрить. Немного... — Йон отмеривает небольшое расстояние большим и указательным пальцами. — Он решил дать людям чудо. Но лунное затмение уже не в моде, да и на звездопады уже плевать. И этот паршивец идет еще дальше. Он решает дать людям живого Бога. Ну, того, который сможет мертвых поднимать из могил, поворачивать ветер вспять и все такое. Кого-то, кто будет таким же, как мы, но не будет зависеть ни от радости, ни от горя. Ему нужен ребенок: от смертной женщины и божества. Все гениальное просто. Он берет женщину, трахает ее — и она поддыхает раньше, чем его семя может в ней закрепиться. Потом вторую, третью, десятую. И все они дохнут, как мухи. Потому что есть Законы, которые даже засранцам, вреде нас с ним, не перехитрить. И тогда он просто выращивает себе — тебя, племенную кобылу.

Йон обводит меня взглядом — и это все равно, если бы он хлестнул меня поперек спины ядовитым кнутом.

— Берет древнюю кровь, добавляет капельку чуда, делая старого козла-короля таким напичканным афродизиаками красавчиком, добавляет немного своей крови — и варит отличное зелье. Правда, последней живой Ледяной принцессе врет, что ее ребенок скончался или что-то в таком духе, а тебя подбрасывает в семейку с безупречной родословной. Ты же помнишь, что должна была стать королевой?

глава 32

Я просто киваю, потому что, если скажу хоть слово — потеряюсь в хитросплетениях этой болезненной правды.

— Правда, тут я немного подпортил ему карты. — Йон доволен собой. — Нашептал тогда еще Настоящему Эвану, что семейство Меррой можно сместить, посадить на трон старого короля, а потом подсыпать ему крысиного яда и самому стать королем. Тщеславие, ммм... Против него бессильны даже праведники. И пока твою чудесную семью режут, словно свиней, Кудесник делает следующий шаг. — Йон разворачивается на пятках и идет в сторону почти растаявшей фигуры Блайта, от которой действительно мало что осталось. — Вот он когда-то был просто слугой твоей настоящей матери. Ею она послала за тобой, когда узнала, что Кудесник ее облапошил и ее дитячко живо и невредимо. Был простак Блайт, умел превращаться в волка, а стал — Шагаратом. Кстати, у тебя остался последний шанс сказать ему спасибо за то, что спас твою жизнь.

Я продолжаю кусать себя, чтобы не сказать ничего сгоряча. Правда тяжелым молото крушит витражи воспоминаний, и осколки режут плоть, отсекая от меня кусок за куском, убивая во мне все хорошее и теплое, что когда-то верило в добро и сказки.

— А теперь немного ускоряемся, Дэшелла. Ты растешь, становишься умненькой и хорошенькой. И пока твоя безмозглая и совершенно обычная сестричка учится петь и танцевать, ты учишься денежному делу, истории, географии, торговле и политике. И возвращаешься, когда Кудесник решает, что ты готова. И не криви свой хорошенький ротик, Дэшелла, просто смирись, что ты — его маленькая марионетка. Настолько безвольная и послушная, что заглядываешь ему в рот и исполняешь все по первому щелчку.

— Заканчивай, — сквозь зубы шиплю я.

— Потерпи еще немного. В общем, Кудесник решает, что раз уж между тобой и его собачонкой Шагаром что-то там проскочило, похожее на искру, то именно он и будет тебя окучивать.

— Когда он... перестал быть Шагаратом?

— Боюсь, до того, как вы впервые заговорили. Помнишь самую первую встречу в экипаже? Я выпотрошил его в тот же день. Грех было не воспользоваться таким подарком. Но чтобы Кудесник не догадался, пришлось немного пострадать. — Йон грустно вздыхает и что-то крохотное, серебристая искра, разрывает грудь Блайта. Оболочка тускнеет и рассыпается невидимым пеплом, а искра ныряет в ладонь Йона. Он, как базарный фокусник, сжимает кулак и показывает растопыренную пустую пятерню. — Кусочек моей души в этом поганце — и даже твой обожаемый Кудесник ничего не понял. Я же Маска, я обожаю такие фокусы.

Все это время.

С самого начала.

С самого первого дня. Блайт никогда не был Блайтом. И Шагаратом тоже. Он всегда был вот этим — Йоном, разрушителем миров.

— Кудесник убирает короля, — Йон щелкает пальцами. — Блайт влюбляет в себя его куколку, и она аж пищит, так хочет раздвинуть для него ноги. Правда, я был хорош? Можешь не отвечать, Дэшелла, я и так знаю. Не марай свой чудесный рот ложью. В общем, я морочу тебе голову, Кудесник морочит тебе голову, и мы все изошренно трахаем друг другу совесть. Кудесник избавляется от всех претендентов на трон. Блайт продолжает стрелять в тебя глазами. Кудесник тебя коронует. Блайт тебя имеет. Уже поняла зачем? Чтобы положить в тебя частичку божественного.

Я не успеваю опомниться, как Йон оказывается рядом. Кладет руку мне на живот — и я, клянусь всеми богами! — чувствую внутри что-то тяжелое, темное, жалящее. И догадка заставляет зажмуриться.

— Да, Дэшелла. Тебя должен был поиметь славный парень, чтобы ты родила всем этим отбившимся от стада овцам Спасителя. Как положено — месяца через три, ведь могущество не поддается законам природы. Но, знаешь, в эту ночь я поимел вас обоих, и весь этот скучный мир. И через три месяца ты, моя хорошая кобылка, родишь Апокалипсис.

Он вдавливая когтистую ладонь в мой живот — и я сжимаюсь от боли, как будто внутри набирает обороты мельница со смертельными лопастями. Пытаюсь сопротивляться, но боль только усиливается. Что-то там, в моем животе, уже растет и отравляет изнутри.

И я нахожу спасение в этой боли. Потому что я — королева Трона Луны, наследница первых людей. И я просто так не сдамся, даже если он разорвет меня на куски.

Перехватываю его запястье двумя руками и сжимаю так сильно, что кожа на костяшках пальцев трескается. Йон выгибает темную бровь, явно удивленный такому отпору. И смотрит на лед, который растекается у меня под пальцами прямо на его раскаленную кожу.

Я снова «вижу». Вижу себя с ребенком на руках. С ребенком, у которого зрачки цвета лавы, темные волосы — и теплая улыбка.

— Думаешь, раз божественная задница, то тебе все можно? — ухмыляюсь я.

— Думаю, ты хорошенькая, когда злишься, — скалится он. — И что играть с новой королевой Абера будет интереснее, чем с занудой Кудесником. И я собираюсь быть частым гостем в постели матери своего сына.

Я не понимаю, что ему сказать, потому что мы оба знаем — он действительно подселил в меня часть себя. Часть, которая будет расти куда стремительнее, чем положено человеческому младенцу. Как в старой сказке — не по дням, а по часам. Пытаюсь думать о том, что смогу избавиться от этого злого семени, смогу найти умелую знахарку, которая выжжет из меня эту порчу, но насмешка в глаза Йона слишком очевидна.

— Ты не сделаешь этого, марионетка Кудесника, потому что ты не такая, как он или я. В тебе кровью богов и кровь первых людей, но ты все еще сидишь в смертной оболочке и так же подвержена человеческим слабостям, как и кухарка, которая выпекает тебе хлеб, или конюх, который подковывает твоего коня. Ты так же беспомощна прости самой себя, как нищий на паперти беспомощен против злого рока.

Мне холодно. Мне так холодно, что я начинаю трястись, словно безумная, и ничего не могу с этим поделать. Ледяная корка покрывает пальцы — и ногти стремительно синеют, как у ходячих мертвецов, о которых нянька читала мне страшные детские сказки. Меня словно со всей силы швырнули о глыбу векового льда, но та расступилась, чтобы заключить тело в нерушимую темницу.

Йон перестает улыбаться, только сосредоточено рассматривает мои пальцы, которые до сих пор сжимают его запястье. На них намерзает лед, который обвивается и вокруг его руки, сковывая нас единой силой. Темный бог не испуган, он скорее задумчив, как ученый муж, вдруг увидевший что-то такое, что заставило его усомниться во всем, что он знал ранее.

— Кукла с секретом? — размышляет вслух. Проводит когтистым пальцем над нашими скованными руками — и по гладкой поверхности льда расплзается паутина трещин. Короткий щелчок — и лед рассыпается на тысячи осколков. Я все еще дрожу, но мне невыносимо противно, что совершенно беспомощна перед ним, даже если произошедшее все равно не укладывается в голову. Это сделала я? Но как?

Йон не дает сосредоточиться на этой мысли — словно ювелирное украшение, перехватывает мой подбородок двумя пальцами, задирает голову так сильно, что я морщусь от острой боли хрустнувших позвонков. Хочу закрыть глаза и не смотреть на него, но не могу. В груди горит и стонет та боль, которая останется со мной навсегда, возможно, на всю жизнь, и от нее существует единственное противоядие — попытаться отыскать в этом существе хоть что-нибудь, что напомнит о Блайте. Неужели он действительно так хорошо притворялся? Неужели я была настолько слепа? А Кудесник?

— Не ищи ответы на вопросы, которые ты все равно не сможешь понять, — небрежно предлагает Йон. — Люди, рожденные слепыми, вряд ли винят в этом своих матерей или природу, или дождь, который шел в тот день.

— Ты забрал мою сестру? — Хочу высвободиться из его хватки, но чем сильнее стараюсь, тем крепче сжимаются тиски его пальцев, и острый коготь вонзается в кожу.

— Разве я? Не припомню, чтобы явился в твой дом и забрал белокурую малышку. Она, знаешь ли, просто очаровательна. Так много болтает, особенно после того, как принц пообещал ей королевскую корону.

— Он уже не принц, — огрызаюсь я. — Твоя ищейка? Или тоже личина, в которую ты забираешься время от времени, чтобы дурачить тех, против кого беспомощен в открытом честном противостоянии?

Уверена, что сейчас его терпение лопнет — и Йон сболтнет что-то хотя бы из злости, но происходит прямо противоположное — он громко и от души хохочет. Улыбка раскалывает хмурое лицо, словно маску, под которой прячется другое — то, что так похоже на человеческое, то, что до краев наполнено человеческими эмоциями. И именно его я ненавижу сильнее предыдущего. Между ними

почти нет разницы, разве что во рту больше нет клыков, но именно с таким лицом — я откуда-то это знаю — Йон будет творить самые страшные свои злодеяния. С лицом прекрасного принца из доброй сказки он развяжет войну.

— Только дураки воюют в открытую, моя маленькая глупая Дэш. — Наклоняется к моему лицу так низко, что наши рты едва не касаются друг друга. Я до боли втягиваю губы в рот, прижимаю их зубами и сглатываю соленую от собственной крови слюну. — Это моя последняя подсказка, Дэш. Будь славной девочкой и воспользуйся ею с умом, потому что мне до смерти наскучило воевать с людишками, которые не способны хотя бы попытаться изобразить сопротивление. И мне бы...

Он прерывается на полу слове и в миг снова облачается в непроницаемую маску. Разве что ухмылка все та же, но теперь в ней столько же злобы, сколько звезд на небе в самую чистую летнюю ночь.

— Что-то ты рано, — говорит явно не мне и чуть отступает в сторону, с неохотой разжимая пальцы на моей лице.

Я выдыхаю и прикладываю к обжигающим отпечаткам собственные холодные ладони.

— Йон, — раздается совершенно безучастный голос Эвана.

— Ты же не против, что я немного вытоптал клумбу? — с издевкой интересуется многоликое чудовище. — Потому что прямо сейчас я бы хотел на минуту забыть о наших расправах и сказать, что у этого цветка самый поразительный аромат из всех, что я пробовал. Не знаю уж, за какие заслуги такой тонкий букет, но польщен, польщен.

Я жду, что они вцепятся друг другу в глотки, но Эван просто проходит мимо, чуть задевая Йона плечом. Смотрит на меня с толикой разочарования, достает платок и прикладывает к царапине у меня на щеке. Хочу его ударить, хочу высказать все, что о нем думаю. Хочу сказать, что он точно такое же чудовище, как и этот обманщик, но слова стынут на языке. Что ему с моих обид? Йон прав — я всего лишь смертная, даже если во мне намешано больше, чем в дешевом пойле из таверны у причала.

— Не ждал тебя так скоро, — все так же скептически осматривая мое лицо, произносит Эван. — Не ждал, что ты вот так по-глупому себя вскрыешь. Теряешь хватку.

— Ты говорил то же самое в прошлый раз, Кудесник, — отмахивается от него Йон. — И... погоди-ка... в позапрошлый тоже. Я могу по памяти процитировать каждое твое слово. Может, поэтому в последнее время победа всегда остается за мной?

В последнее время? Сколько миров они уничтожили, толкаясь, словно мальчишки, которые не могут поделить деревянный меч?

Я гоню прочь эти мысли, потому что в них не для меня только боль и горечь. Я должна была стать оружием, а превратилась в использованный носовой платок. Точно такой же, как и те, что были до меня.

Где-то внутри ковыряет червь сомнения: а что было бы, если б Кудесник не темнил? Если бы не видел во мне лишь сосуд с огненным снадобьем, а считал за полноценного человека? Была бы я такой же доверчивой и слепой?

— Генерал Эрт'ар? — снова не поворачиваясь, интересуется Эван.

— Ты правда думаешь, что я вот так просто взял — и выложил, кого подsunул в личину мальчишки-принца? — Йон хмыкает.

— Мне не нужно знать, я слишком хорошо выучил повадки твоих псов, чтобы не замечать их даже с закрытыми глазами. Убирайся. Утро еще не наступило.

— Скажи ей. — Тон Йона так стремительно меняется, что Эван вдруг резко оборачивается и одним твердым жестом задвигает меня себе за спину. — Скажи ей, что ты сделал ее королевой мертвого королевства, Кудесник.

— На твоём месте я бы не торопился укладывать в могилы живых, — предлагает Эван. — Но если хочешь...

— Скажи, — словно не слышит его Йон.

Кудесник смотрит на меня и как будто хочет что-то сказать, но Йон пользуется паузой, чтобы оставить за собой последнее слово.

— Моя армия будет здесь с рассветом, Королева пустоты, — он как будто даже рад, что Эван оставил за ним право раскрыть тайну. — И уже к полудню твоя столица превратится в горящие руины. Я бы не хотел, чтобы мать моего ребенка пострадал, пока я буду ломать ее бумажных солдатиков, поэтому, как видишь, предупреждаю.

— Мне сказать ему спасибо? — спрашиваю Эвана.

Кудесник передергивает плечами, а потом просто берет на руки, прижимает к груди, но теплее мне не становится. Холод во мне, и его так много, что по позвоночнику ползет липкий страх: может быть, я просто замерзаю, и к утру от меня останется только ледяная статуя.

— Это кровь твоей матери, Дэшелла, — спокойно говорит Эван. Я уже почти привыкла, что он может копать в моей голове, хоть и не всегда успешно. Но теперь знаю причину: творец должен уметь видеть и слышать все мысли своего творения.

— И часть меня, — посмеивается нам в спину Йон. — Не слушай его, Королева, беги, пока еще я щедро предлагаю не разменивать жизнь на чужие замыслы.

Кудесник не замедляет шаг, не останавливается ни на мгновение и просто выносит меня за пределы снежного кольца, где переминается с ноги на ногу его лошадь. Мы едем молча, хоть впервые за все время у нас появилось столько тем для разговоров.

В замке тихо, как в старой могиле, только в некоторых окнах волнуется тусклый свет. Эван относит меня в комнату, укладывает на кровать, а сам отходит к окну — и все, что от него остается — черный силуэт на фоне зарешеченного стекла.

— Он сказал правду? Про армию. — На самом деле я хочу спросить о другом, но приходится поймать себя за шиворот и вспомнить, что я теперь — королева Трона луны и должна думать не о собственных горестях, а о государстве и людях. — Как можно не заметить армию, Эван? Как можно подойти к стенам города, чтобы об этом никто не знал?

— Помнишь теней из Храма?

Киваю, хоть он стоит спиной и не может этого видеть.

— Вот такая у него армия, Дэшелла, и ни мечи, ни копья против нее не помогут. И ходит она бесшумно, потому что может перелететь океан и пройти сквозь горы.

— Ты должен был сказать мне, демон тебя задерит! — все-таки вспыхиваю я.

Хочется отмыться, большой жесткой мочалкой содрать с себя эту ночь вместе с кожей и уповать на то, что память пощадит меня и даст забыться. И что утром, когда проснусь, все это окажется просто кошмарным сном. И вдруг хочется плакать от того, что по-настоящему я была счастлива только на Теплых островах, когда училась истории и монетному делу и слушала байки старого герцога. Но ведь даже тогда я была всего лишь игрушкой, которую Кудесник создал для непровозглашенной войны богов.

— Он все равно все знал с самого начала, каждый твой шаг! Он опередил тебя и теперь... — От этой мысли живот пронзает копьем, и я вдавливаю в него ладони, как будто это может избавить меня от того, что растет внутри. — Теперь он во мне.

Кудесник все-таки поворачивается, смотрит на меня долгим изучающим взглядом, как будто решает, достойна ли я познать хоть часть его замыслов.

— У тебя доброе сердце, Дэшелла. Добрее, чем мне бы хотелось. Отдыхай. Через час я пришлю за тобой Грима: укройте в Тихом саду.

— Я не буду...

— Ты спрячешься, — перебивает он, под корень срезая мое сопротивление. — Аберу нужна его Королева. Куда больше, чем Король.

глава 34. Кудесник

Тишина.

Необычная тишина природы, затаившейся перед бурей.

Мертвая и туго натянутая, словно тетива лука в руках искусного охотника. И сегодня... прямо сейчас охотник вышел, чтобы забрать то, что считает по праву своим. Страшный охотник, не знающий жалости и сострадания. И его добыча — всё то, что дорого мне. Все те, кто мирно спит под защитой городских стен. Вот только защита эта даже не эфемерная — она мнимая. Дарит ложное чувство безопасности, расслабляет. И я не спешу все это развенчать. Слишком мало осталось времени, чтобы попытаться организовать эвакуацию. Слишком мало всего, чтобы выставить хотя бы минимальный заслон. В сущности, я — единственный, кто может остановить тех, кто затаился в тишине. И сделать это надо одним точным ударом. Так как на повторный у меня уже не станет сил.

Я предпочел сохранить предстоящее сражение в полнейшей тайне, чтобы избежать даже намека на панику. Мне понадобятся все бойцы, способные стоять на стенах. И их роль в конечном итоге незавидна. Официальная версия сегодняшнего столпотворения — смотр боеготовности новым правителем. В сущности, рутинное мероприятие, но под этим предлогом у меня под рукой весь городской гарнизон, включая тех бойцов, которым сегодня положена увольнительная или выходной. Никаких исключений.

Я знаю, что они уже близко.

Ветер иссяк, полотнища штандартов висят на древках без движения. Дым от горящих факелов поднимается вертикально вверх и рассеивается без следа. Но зато нечто вроде серого марева сгущается далеко за пределами стен. Там лежат плодородные поля, там раскинулось несколько больших деревень...

Десятники отдают команды готовности к осмотру. Иду вдоль выстроенных в два ряда бойцов, но почти не смотрю на них. Взгляд устремлен туда, прочь, где небо стремительно темнеет и закручивается в водоворот. Пока еще призрачный, едва уловимый, но с каждым мгновением набирающий мощь, расширяющийся, подхватывающий с земли первые снежинки.

Меньше чем за минуту снежный водоворот становится настолько насыщенным, что его больше нельзя игнорировать. Шепот недоумения рождается на стене, разрушая идеальность дисциплины. А потом из снежной бури появляются первые тени. Первые смертоносные убийцы, оглашающие окрестности отчаянными воплями. Они не таятся, не скрываются, напротив, готовы сообщить целому миру о своем пришествии.

Йон верен своему слову.

Чернильными пятнами, неведомо как не развеиваемые порывами ветра, тени устремляются к городу. И когда на их пути оказывается деревня — до нашего слуха доносятся первые крики умирающих людей. Ужас, боль, отчаяние, густо замешанные на крови и обжигающей стуже.

Жатва началась.

— Сжечь их! — бросаю в сторону, зная, что каждое мое слово ловят на лету.

По стене тут же разлетается приказ подготовить чаны с маслом.

Пламя не убьет тварей, но хотя бы задержит. Время — именно то, что мне сейчас нужно.

Несколько раз меня пытаются увести со стены, пока не рявкну в ответ, чтобы просто выполняли свои обязанности и не заботились о моей безопасности.

Количество теней все больше, теперь они выныривают из бури, ставшей почти непроглядной, сплошным потоком. Порывы ветра рвут полотнища, студят лица, уносят прочь выкрики приказов. Пламя факелов дрожит и гаснет под его напором.

Огромные чаны с маслом опрокидываются за стену, черными потоками падают в ров.

— Ждать. — Приходится кричать, чтобы меня услышали.

Вижу, с каким трудом бойцы пытаются сохранить крохи огня, пряча их в закрытых лампах.

Снежная круговерть скрывает обзор, выстраивая перед нами живую стену, за которой ничего не рассмотреть. Но я вижу, когда первые тени почти достигают стен.

— Поджигай!

Прочь рвутся глашатаи, разнося мой приказ.

Вижу, как тут и там вниз устремляются дрожащие сгустки огня. Некоторые из них, подхватываемые потоками восходящего воздуха, относятся прочь и исчезают, но несколько все же достигают своей цели. Огненная нить у основания стены вспарывает мрак неровной кроваво-алой раной и тут же вспучивается, взлетает вверх, разбегается в стороны, обхватывая город спасительным полукольцом.

Теней пламя ничуть не смущает — они, ни на мгновение не задерживаясь, ныряют в самое горнило. Вопли ненависти и ярости перекрывают даже гул обезумевшего огня и завывания бури. Они в смятении и дезориентированы, ослепленные горящим маслом, но все равно продолжают рваться вперед, хоть уже и не столь концентрированным потоком. Тени не способны так запросто пройти сквозь несколько метров камня, но они в состоянии взломать его, расколоть в крошево. И обязательно это сделают, вот только основная опасность ожидает у ворот — там, минуя щели, твари проникнут в город, почти не встречая сопротивления. И отзвуком моим мыслям вторят крики воинов, встретившихся с неведомым врагом лицом к лицу.

Но я вынужден ждать.

Минуты текут так медленно, что кажется, будто ледяной ветер заморозил и само время. Знаю, что это не так.

Даже не смотрю по сторонам. Знаю, что снизу тени начинают подниматься по стенам, что охраны у ворот больше нет — и твари беспрепятственно расползаются по близлежащим кварталам. Но главное уже сделано — их поток остановился, снежный водоворот больше не исторгает из себя созданий, места которым нет под светом солнца.

Прочь. Прочь из города.

За моей спиной звучит лязг стали о камень, когда воины пытаются атаковать противника, но оружие лишь проходит сквозь призрачную плоть, не причинив твари никакого вреда. Вопли ярости теней и крик ужаса людей идут рука об руку. Кошмар, рожденный далеко за пределами этого мира, расправляет свои когтистые пальцы и единым взмахом косит всех, кто попадаете ему на пути. Кровь течет по камням, дымится на морозе, застывает диковинными узорами, в которых можно прочесть всю безысходность сегодняшнего утра.

Спускаюсь по лестнице, взмахом руки отбрасываю несколько теней. Почти могу поверить, что видел на их лицах выражение триумфа, запечатленное там россыпью алых капель. Разумеется, это не так.

Дальше и дальше, мимо казарм и складов к городским стенам. Здесь нет живых. Здесь царствует смерть. И она будет расползаться все шире, пока не заберет всех, до кого сможет дотянуться.

Еще несколько теней пытаются меня атаковать, но у них нет шансов. Другие же облетают стороной, устремляются в город. Ускоряю шаг, перехожу почти на бег. Городские ворота заперты — и некому их открыть. Но мне больше ни к чему скрывать свою истинную сущность. Воздух вокруг меня начинает вибрировать, дрожит, открывая возможному случайному взгляду истинную сущность их правителя. Мне все равно, скрываться больше нет смысла.

Толстые городские ворота взрываются изнутри и разлетаются сотней больших и малых кусков, кое-где по-прежнему перевитых клепаной сталью. В затычном прыжке вылетаю следом, сквозь огонь, сквозь порывы ветра, прочь, за стены. Ударом в мерзлую землю, в перекате, дальше, бегом — уже не человек. Создатель, Триединый — создание из черного обсидиана, тело которого покрыто многочисленными иглами-клинками. За плечами развеивается маслянисто-алый плащ, что с каждым моим шагом раскаляется все больше, пока не превращается в ярчайшую вспышку.

Мгновение, доля мгновения — время, за которое рождаются и гаснут звезды. Зависаю над землей и обрушиваюсь на нее раскаленным молотом. Гром, рожденный моим ударом, способен сокрушить городские стены. Слепящая ударная волна расходится в стороны, набирает скорость, несется далеко от эпицентра взрыва, уничтожая всех теней на своем пути.

Не уйдет ни одна тварь.

Когда мир вокруг перестают вибрировать и успокаивается, вижу лишь выжженную пустыню и клубы поднимающегося к небу дыма. Тяжелые, черные клубы над разрушенным городом, жителей которого я сделал всего лишь разменной монетой. Теней не осталось, а снежная буря стихает, теряет свои силы, но не рассеивается без следа — исторгает из себя последнего игрока сегодняшнего представления — Йона. Разрушитель смотрит с надменной усмешкой, ничуть не расстроенный потерей армии. Он знает, что я потерял слишком много сил, чтобы иметь возможность достойно ему противостоять. Знает, что все равно заберет причитающееся. И потому направляется ко мне расслабленной походкой победителя.

Погано то, что мне до дрожи в коленях трудно просто стоять с ровной спиной, а не рухнуть в еще горячую грязь, обессиленным последней атакой. Но все равно стою ровно, глядя ему в глаза, где уже плещется триумф.

— Знаешь, что самое смешное? — Йон корчит трагическое лицо. — Все эти людишки даже не узнают, что ты для них сделал и на что потратил драгоценные силы. А вообще, Кудесник, ты меня невероятно разочаровал.

Я бы даже поверил в эту ложь, но Разрушитель даже не пытается придать ей оттенок правдивости. Он просто валяет дурака, и ему нет дела до того, что с его легкой руки сегодня бесследно растворились тысячи невинных жизней. И еще столько же он вынудил убить меня, чтобы заплатить меньшим злом за спасение больших жизней. И сейчас мы смотрим друг на друга, как старые враги, которые понимают, что боролись кто за зло, кто за добро, но в итоге оказались только вдвоем на огромном рукотворном пепелище.

— Ты бы мог держать этот мир в кулаке и владеть им так же, как и в те времена, когда богов боялись и когда даже младенцы рождались с нашим именем на губах.

— Не моя вина, что смертные утратили в нас веру, — говорю я, стараясь не думать о пелене, за которой уже практически не виден созданный мною мир.

— Твоя вина в том, что ты всегда был в стороне, — еще одно ленивое обвинение, и я на этот раз оно заслужено.

Я был слишком пресыщен властью и просто отвернулся от того, что уже не доставляло радости. А когда понял, что лучшее мое творение вот-вот канет в бездну, исправлять все на бело было слишком поздно.

И все же.

Для пары шагов нужно собрать все, что я еще могу потратить на бесполезные телодвижения. Каждую толику чувств нужно копить, словно драгоценный песок. Йон снисходительно позволяет притронуться к его плечу.

— Знаешь, — я все-таки устало роняю голову на грудь и даже рад этому. Так он хотя бы не видит проблеск победы в моих глазах. — Я все равно всегда был на шаг впереди.

Разрушитель дергается, как мышшь, угадавшая мышеловку, когда над головой уже свистит сорванная с пружины смертельная сталь. Но я перехватываю его плечо и с силой сжимаю пальцы, не без удовольствия разглядывая сплавленный до состояния жидкого металла доспех. Теперь он вырвется из моих рук только если я подохну. Но именно такой план.

— Не твоя марионетка должна была стать отцом ее ребенка, Йон, и не я тоже.

Он дергается, но мои ладони прожигают до самой плоти, до костей, до его оглушительного рева, потому что поганые крылья за его спиной начинают полыхать, как сожженные знамена армии тьмы.

— Ты с самого начала был единственным претендентом, — оглушаю его глубиной своего замысла. — Поэтому ты не смог тронуть ее. Мы оба знаем, что моя Снежная принцесса не просто случайная смертная для тебя. Она — не веха на твоём пути, потому что теперь в ней часть твоей силы, которую ты вложил собственными руками.

Он пытается что-то сказать, но боль глушит все попытки.

Жаль, что я не могу уничтожить его. Только стереть с лица земли на какое-то время, чтобы Королева Абера крепко встала на ноги.

— Ты... хорош, — сквозь окровавленные зубы шипит мой самый заклятый враг и теперь мой черед для снисходительной улыбки.

— Я же Кудесник.

Моя плоть и кровь — последняя дань этому миру, и я уплачу ее без жалости, в последний свой вздох превращаясь в сверхновую вспышку.

глава 35

Три месяца спустя

Мой сын издает громкий крик, и я протягиваю руки, чтобы поскорее прижать его к себе.

Хочу увидеть лицо зла, которое носила в себе слишком мало, чтобы это не стало поводом водить разговоры.

— Отдай его мне, дура! — ору на повитуху, которая выпученными глазами смотрит на завернутого в покрывало с королевскими вензелями младенца.

Я знаю, что у моего сына не обычные глаза.

У него будет взгляд его отца и даже сейчас, когда Фрибург медленно, но уверенно восстает из пепла битвы богов, я со страхом и странной щемящей тоской вспоминаю ту ночь, когда была слишком непростительно слепой и слишком наивно влюбленной. В ту ночь я потеряла слишком много: человека, которого хотела любить, а вместе с ним свою наивность, и человека, который меня создал, которому я была верна всей своей природой.

Это звучит смешно, но в ту ночь, когда Зло вложило в мой живот свое порочное семя, я потеряла веру в одного бога, но взамен обрела веру в себя.

Повитуха отдает мне сверток и пятится, сгребая рубаху на груди, под которой виден контур охранного символа. Я скажусь в ответ на ее глупую попытку защитить себя ерундой, которая — теперь я знаю — никогда и ничего не стоила.

Меня тошнит от одного вида человеческой глупости — в последнее время я стала слишком нетерпима к ней. Вероятно потому, что всюду мне чудилась собственная наивность. Мы не любим смотреть на то, что нас пугает, потому что боимся, что если смотреть слишком долго и слишком пристально, мы станем подобными тому же уродству.

По одному только жесту вышколенная королевская стража выводит повитуху за дверь. Грим позаботится о том, чтобы она, получив свое, села на первый же корабль и до заката отбыла из столицы в те дали, где никому не будет дела до новой королевы Абера и ее странного, растущего по часам сына.

Я без страха смотрю на мальчика, который кажется слишком смуглым в пене белых пушистых покрывал. Он прекрасен: даже сейчас на крошечном личике можно заметить будущие острые черты. И даже сейчас взгляд цвета лавы слишком осмысленный и пристальный. Он пробыл во мне всего три месяца, но я чувствую неразрывную часть с ним, как будто он продолжение меня самой, такая же неотъемлемая часть, как глаза, чтобы видеть, и руки, чтобы трогать.

— Ты похож на отца, Эван, — говорю шепотом и маленький палец крепко цепляется в мою ладонь.

Есть некая ирония в том, что у сына темного бога будет имя его заклятого врага, но я нее знаю ни одного человека, чье имя было бы более достойно имени моего сына.

Сын сжимает мои пальцы еще сильнее, и я снова «вижу». Маленький фрагмент будущего, где он, совсем взрослый, стоит на балконе этой спальни в черных вороненых доспехах со стальным обручем на голове, увенчанным единственным рубином. Он поведет в бой армии, сотрет в прах моих врагов и принес мне их головы в мешке, и короны на лезвии меча. Это случится еще не скоро, но намного раньше, чем бы мне того хотелось, потому что он — божественная частичка, и время над ним не властно, как и слепая материнская любовь.

Мой Эван будет расти слишком быстро. Намного быстрее, чем бы мне того хотелось.

Праздничные колокола начинают свою громкую песню. Их голос слаб теперь, но Фрибургу нужно чудо. Такое, как рождение наследника у вдовствующей королевы. Продолжение, как они думают, благородного короля, который отдал за них жизнь.

Если бы тот день Снайг не запер Тихий сад, я бы бежала к своему творцу, чтобы упасть ему в ноги и умолять не бросать меня одну с той властью, которой всегда желала, но к которой была не готова. Мои Хранители защитили мой родной дом, и когда королевский замок, вместе с остальными зданиями рухнул до самого основания, «Тихий сад» стал новой королевской резиденцией.

Я закрываю глаза, роняя голову на подушку, потому что снова, в который раз, невольно вспоминаю тот день, и дрожу от несуществующего холода. Я больше не боюсь зимней стужи и мороза, я сама стала холодом и метелью, но в моем сердце еще осталось место простым человеческим эмоциям,

одна из которых — страх вспоминать.

Я ничего не могла сделать: только колотить в оконное стекло, пока мой город превращался в прах и пепел под гнетом ослепляющей вспышки, накрывшей его плотной шапкой. Как будто слеза солнца упала за городскими стенами, и ее света оказалось слишком много для этой реальности.

Дома и домики, хижины и крепкие цитадели складывались, словно фишки в домино, и не было ни единого шанса, что устоит хотя бы один из них. Королевский замок и Храм не стали исключением. Уцелел лишь «Тихий сад», и, вероятно, в будущем я найду разгадку этого феномена.

Как бы там ни было, именно отсюда, от порога моего дома, который много лет считался проклятым и заброшенным, началась новая страница в истории мира.

Я перепоручаю сына заботам няни и кормилицы, и позволяю себе несколько часов сна без сновидений.

Вечером заседает Малый совет: несколько моих доверенных лиц, которым я могу верить небольшую долю государственных забот. Но Кудесник хорошо учил меня, и теперь я всецело доверяю лишь одному человеку: себе самой. И еще Гриму, хоть порой ловлю себя на мысли, что он может быть тоже лишь маской для прихвостня Йона. Хозяина уже нет, но его ищейки могут быть повсюду, и если бы я была им, я бы непременно оставила парочку около меня. Но лишь в том случае, если бы предполагала печальный исход своего пафосного существования. Очевидно, что поражение застало его врасплох, и эта смерть — единственное, что до сих пор наполняет мою душу черным огнем. Я — словно печь или один из тех паровых механизмов, которые купленные на мое золото инженеры уже начали использовать для создания огромных шагающих машин, расчищающих улицы Фрибурга. Но мне не нужен уголь и топливо, достаточно лишь вспомнить, что сейчас от него нет ничего, и единственное хорошее, что было в мерзкой твари, каким-то чудом оказалось частичкой моего сына.

Я усаживаюсь во главе стола и отвожу руку виночерпия, когда он подносит графин к моему пустому кубку. В последнее время, мне не нравится вкус вина. Как, впрочем, не нравится вкус всего, что хоть на немного притупляет остроту моего ума, будь то слишком сильное счастье или сладости, которые прибыли со вчерашними товарами на целой армаде торговых кораблей. Приятно быть баснословно богатой королевой, но еще приятнее быть щедрой королевой, и отдавать, ничего не прося взамен. Пройдет несколько лет, прежде чем столица снова отстроится и в вены города хлынет свежая кровь, но благодаря моему золоту и рудникам драгоценных камней, этот процесс будет не таким болезненным. В конце концов, мы пережили два испытания подряд: сперва полную разруху, а потом — три месяца суровой зимы. Мы похоронили тех, кто умер, но выжившие стали сильнее. Каждый из нас, как будто в свой последний вздох Кудесник зажег каждое сердце искрой своей жизни.

— Они собирают армию, — без доклада начинает моей военный советник. При Эване был простым капитаном, но в Черный день сражался на стенах и не дрогнул, даже когда стало понятно, что оружие и стрелы бессильны против армии тьмы. Потом, когда все было кончено, сам организовал маленький дозор, чтобы защищать выживших от волков, потянувших из леса в поисках быстрой и легкой наживы. — Вот, — Люк протягивает мне свиток.

Жестом предлагаю ему прочесть, а сама поворачиваюсь к окну.

Письмо — простое донесение парочки шпионов, которых удалось нанять на мои деньги и отправить на поиски единственного человека, который может угрожать моей короне — принца, под маской которого скрывается лживое порождение темного божества. Я вздрагиваю, когда Люк выразительно читает, что моя сестра Райль ныне его законная супруга и они оба называют себя законными правителями Абера, а меня — Лжекоролевой. Здесь, во Фрибурге и ближайших землях, у меня много преданных людей. Оказалось, что даже подстилку Эвана можно любить, в особенности если она, засучив рукава и с уже заменым животом, стояла у печи сутки напролет, чтобы приготовить горячую еду для голодающих. Я делала это не для восторженного шепота в спину. Я делала это потому что не могла не делать.

«Аберу нужна его Королева. Куда больше, чем Король».

Я прикрываю глаза и прошу Люка прервать чтение, чтобы перевести дух.

Позже, когда сердце перестает ныть, он дочитывает донос: принц не собирается отказываться от престола и собирает армию из лояльных ему вельмож. Пока что в той части Абера, куда я так до сих пор и не съездила в качестве королевы. Я нужна здесь, в столице, нужна людям, которые остались один на один с голодом и морозом, и которые должны верить хотя бы в то, что и недостойная королева сможет их защитить.

— Ты знаешь, что эта война будет так или иначе, — говорит Грим.

Иногда мне кажется, что он знает больше, чем говорит и в такие моменты мне отчаянно хочется отослать его подальше, чтобы не поддасться искушению доверить все свои страхи, среди которых самый большой и разрушительный: страх оказаться лицом лицу перед бессмертной армией, но теперь во главе с другим предводителем.

— И мы будем к ней готовы, — твердо отвечаю я.

Людам не нужна сомневающаяся королева. Всему и всегда нужна вера, и я готова ее давать даже ценой собственного растерзанного сердца и оскверненной ложью души.

ЭПИЛОГ

Я слышу его шепот даже сквозь сон.

Вскидываюсь, неосторожно сбрасывая с живота руку мерно спящего рядом Грима: моего стража, моего защитника, моего любовника. Он приоткрывает глаза, чутко реагируя на мое волнение.

— Эван плачет, — говорю я, хоть в тишине спальни нет ни единого намека на детский крик. — Я только загляну к нему.

Грим прикрывает глаз, зная, что в последнее время я вытравила из своего сердца все слабости, оставив место лишь той, что растет не по дням, а по часам и уже уверенно ходит не на четвереньках, а в полный рост.

На мне только тонкая нижняя сорочка, но я не мерзну, даже когда ступаю по каменному полу босыми ногами. Кровать сына в соседней смежной комнате — я отказалась продолжать традицию воспитания королевского отпрыска вдали от материнской любви. В моем божественном сыне столько же яркого света, сколько и непроглядной тьмы, и только от меня зависит, что в итоге перевесит внутреннюю чашу его весов. Возможно, однажды я увижу его звериный оскал, прежде чем он отправит меня к богам одним точным ударом кинжала. Возможно, он станет светом настолько ясным, что об него разобьется бессмертная армия. Не знаю, чего я хочу больше, но точно не еще одной героической смерти на благо кратковременного мира.

Я прикрываю дверь, и наваливаюсь на нее спиной, когда вижу незваного гостя, который держит на руках моего сына.

Своего сына.

Нашего, демоны задери, сына!

— Он растет крепким и сильным, — хрипло говорит Йон, теперь больше похожий на бестелесную тень, чем на грозное бессмертное божество.

В темноте комнаты две пары ярких огненных глаз сверкают особенно сильно, и я с трудом подавляю крик отчаяния. Глотаю его, словно отраву, потому что снова буду играть перед ним несломленную королеву, пока страх и отчаяние будут глодать меня изнутри.

Он жив и этому есть лишь одно разумное объяснение — так было нужно.

Проклятье, Кудесник, чтоб ты провалился... где бы ты ни был!

— Убирайся вон, — говорю стылмым приказом с губ.

Йон даже не шевелится, и мне больно смотреть, как мой маленький и пока слишком беспомощный Эван жмет к нему в поисках тепла. Как будто знает, что в эту холодную ночь к нему пожаловал не бессердечный убийца, а родной отец. Жаль, что для меня эти двое навеки вечные будут неразрывно связаны. И я никогда не смогу смотреть на него иначе. Даже сейчас хоть лицо моего личного кошмара окутано рваными тенями, я не могу не видеть образы сотен умерших, ради которых мы рыли могилы в каменно-мерзлой земле несколько недель без сна и отдыха.

— Ты не смеешь мне приказывать, маленькая славная королева, — огрызается Йон в характерной насмешливой манере.

Похоже, он потерял физическое тело — или хотя бы его часть — но сохранил и ядовитый сарказм, и железную уверенность в том, что я о сих пор лишь маленькая девчонка, которой он может помыкать ради собственной забавы.

— Ты вылез из могилы чтобы сказать мне, как скучал? — огрызаюсь я.

— Лишь увидеть сына и напомнить о данном обещании навещать в постель к его матери, — скалится Йон.

Черный туман расплзается по рукам Эвана, оставляя вензеля меток под кожей. И малыш смеется, громко и заливисто, словно его щекочут.

Я бегу к нему, протягиваю руки, чтобы отобрать у чудовища то единственное, что мне дорого и за что я готова хоть сейчас пойти хоть на плаху, хоть в лапы к чудовищу. Протягиваю руки — и Йон хватает меня за подбородок своей когтистой лапой, притягивая на расстояние одного на двоих вдоха.

— Хочешь ты того или нет, Дэш, но я тебе нужен, — рокочет он хриплым сорванным голосом. — Хочешь ты того или нет, но только я знаю, как уничтожить то, что сам же создал. Если, конечно, у тебя в запасе нет еще одного Кудесника.

Йон всматривается в мое лицо и вдруг одергивает руку, отступает, с удивлением глядя на запястье, в которое я все же успела схватиться двумя ладонями. Он покрыт коркой стеклянного льда и пока я забираю сына, грязно ругается, сбрасывая на пол осколки ледяной магии моей крови.

— Ты... подросла, — то ли хвалит, то ли журит, но больше не улыбается.

Зато улыбаюсь я, хоть теперь моя улыбка больше похожа на оскал.

— Можешь ступать к своему прихвостню, сожженный бог, — выплевываю в него всю свою злость. Только смеясь в лицо страху можно стать сильнее. — Можешь предложить ему свою помощь, потому что Королеве Абера ты не нужен.

Он щурится и щели его глаз тонкими алыми росчерками режут клубы тени вокруг лица.

На миг вышагивает из своего убежища, открывая моему взгляду исполосованное шрамами, но все-таки же демонически красивое лицо. Хватает за шею, сжимает, лишая следующего глотка воздуха и шанса на спасительный крик.

— Благодарю сына за то, что я не убил тебя прямо сейчас и прямо, — обжигающий рваный стон мне в губы вместо поцелуя. — Когда мы увидимся в следующий раз, ты будешь рада любой помощи, сладенькая.

Хватка у меня на шее превращается в дым, а вместе с ней и мой злейший враг.

Я сжимаю кулак, роняя на пол ледяные иглы сжирающей изнутри злости.

Когда мы увидимся в следующий раз, я буду готова закончить то, что начал Кудесник.

И плевала я на его божественные замысли.

Конец первой книги